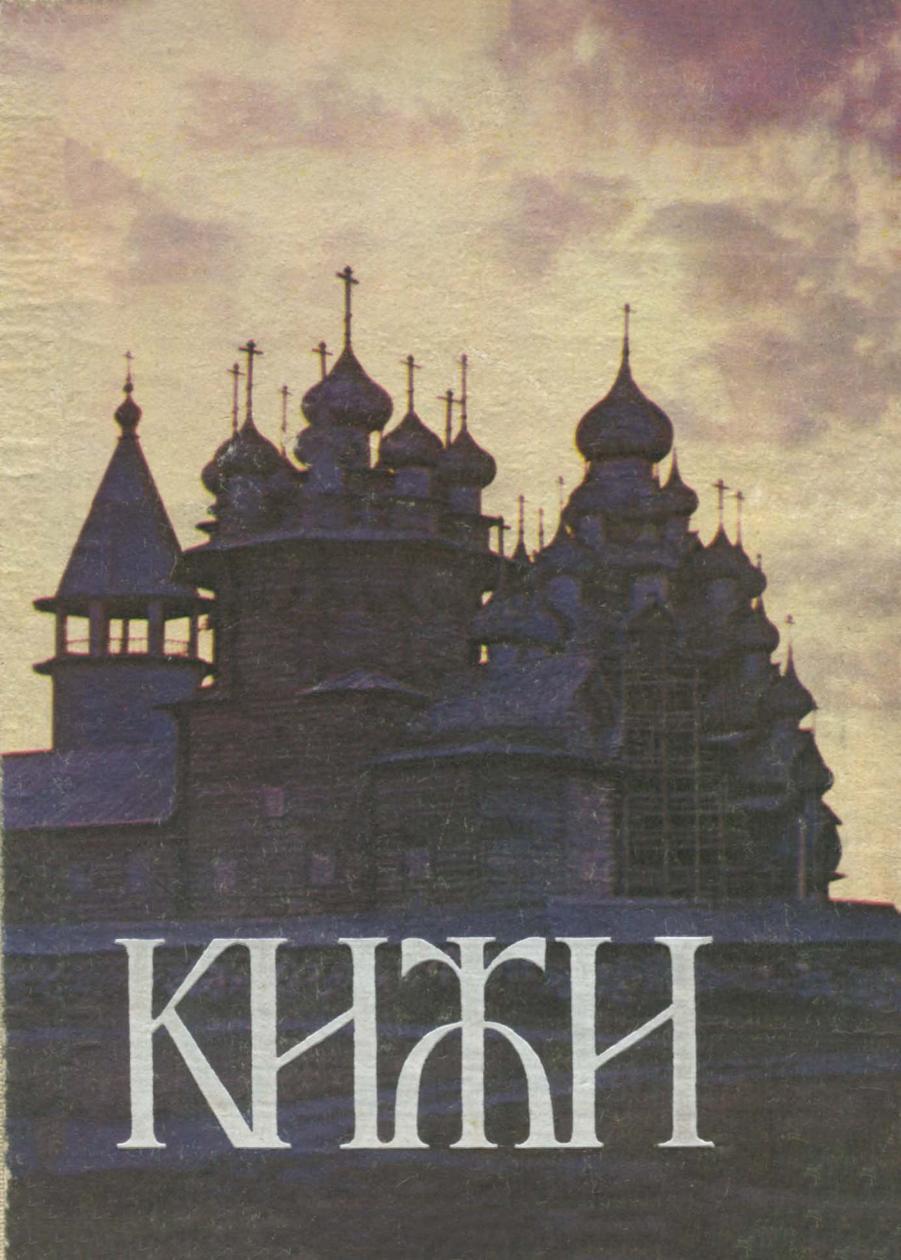

КИЖИ

И.П.Тюриков, А.И.Фролов

КИЖИ

И. П. Тюриков, А. И. Фролов

КНЖИ

Иллюстрированный
спутник
по историко-архитектурному
и этнографическому
музею-заповеднику

Издание третье,
исправленное и дополненное

Петрозаводск «Карелия»

1983

ББК85.113(2Р—6К)

72С1

Т98

Рецензенты:

А. Т. БЕЛЯЕВ, Б. А. ГУЩИН

Тюриков И. П., Фролов А. И.

Т98 КижИ. Иллюстрированный спутник по историко-архитектурному и этнографическому музею-заповеднику. Издание 3-е, исправленное и дополненное. Петрозаводск, «Карелия», 1983. 135 с., ил.

В книге рассказывается об истории возникновения в Заонежье замечательных памятников деревянного зодчества, о художественных традициях, сложившихся в этом крае, о том, как создавался Кижский историко-архитектурный музей-заповедник под открытым небом.

Читатель найдет здесь основные сведения о памятниках, включенных в экспозицию музея, и узнает о перспективах его развития

ББК 85.113(2Р—6К)

72С1

Т 490100000—103 без объявл.
М127(03)—83

© «Карелия», 1977.

© «Карелия», 1983, с изменениями.

ОТ АВТОРОВ

«Счастье в радости. Радость — в красоте» — писал известный русский художник, знаток памятников русской архитектуры Н. К. Рерих. Не потому ли с каждым годом неуклонно растет число людей, стремящихся попасть на небольшой островок Онежского озера, именуемый Кижами?

Кизи — одна из увлекательных и самобытных страниц в истории нашей многонациональной культуры. В 1966 году здесь был создан историко-архитектурный и этнографический музей-заповедник. Известность острова давно перешагнула рубежи нашего государства. Ныне сюда приезжают не только жители самых отдаленных уголков СССР, но и туристы из многих зарубежных стран.

Кизи служат углублению взаимопонимания народов, расширению международного культурного обмена.

Огромный интерес к экспозиции музея-заповедника — явление глубоко закономерное. На его территории сосредоточены десятки уникальных произведений деревянного зодчества, созданных на протяжении последних нескольких веков. Широта хронологического охвата представленных памятников народного искусства, их видовое разнообразие, исключительная художественная и познавательная ценность делают экспозицию привлекательной не только для самых широких кругов людей, стремящихся глубже познать рус-

скую историю, познакомиться с выдающимися памятниками отечественной культуры, но и для специалистов: историков, этнографов, архитекторов, исследователей прикладного искусства и живописи.

Искусство каждой эпохи познается глубже при знакомстве с породившим его временем, его особенностями и устремлениями. Это надежный путь в постижении содержательной и эмоциональной стороны художественных произведений.

Непосредственное знакомство с памятниками предваряет краткий исторический очерк Заонежья — земли, откуда родом большинство экспонатов музея «Кижы». Его цель — познакомить читателя с формированием той атмосферы, в которой были созданы самые разнообразные из представленных здесь сооружений, произведений живописи и декоративно-прикладного искусства.

Окончательная экспозиция музея еще не сложилась, формирование ее продолжается согласно генеральному плану развития музея-заповедника. Главная идея плана состоит в том, чтобы показать во всей возможной полноте особенности быта и своеобразия произведений искусства народностей и этнических групп, населяющих Карелию. Эта идея реализуется в формировании архитектурно-этнографических комплексов (секторов), которые должны раскрывать историю материальной и духовной культуры, создававшейся в трудных условиях освоения природы и социальной борьбы.

Данное издание не претендует на роль путеводителя — здесь нет повествования по определенным тематическим маршрутам, нет последовательного движения от памятника к памятнику. Задача книги в другом: дать представление о музее в целом, о его крупных композиционных компонентах, о наиболее значимых и интересных произведениях архитектуры, крестьянского быта и прикладного искусства.

При подготовке третьего издания большую помощь авторам оказал один из основателей музея — Алексей Тихонович Беляев, которому мы выражаем глубочайшую признательность и благодарность.

Каждому приехавшему в заповедник мы советуем выбрать свой маршрут, в зависимости от круга личных интересов. И если наш короткий комментарий будет полезен в процессе знакомства с памятниками, в выявлении их интересных сторон и неповторимых черт, мы сочтем задачу свою выполненной.

РОДИНА МАСТЕРОВ

«Народ — не только сила, создающая все материальные ценности, он — единственный и неиссякаемый источник ценностей духовных».

М. Горький

Берега карельских рек и озер обживались человеком с глубокой древности. Первыми людьми, составившими население края, стали выходцы с Урала и Западной Сибири. Их удаленные друг от друга стоянки были немногочисленны. В середине третьего тысячелетия до нашей эры сюда пришли племена из Волго-Окского бассейна.

Есть основания полагать, что ранее всего были освоены берега крупнейшего водоема Карелии — Онежского озера. На его восточном побережье открыты стоянки III тысячелетия до нашей эры. Деревни состояли из жилищ, представлявших собою простые перекрытия из деревянных жердей, обтянутых звериными шкурами и присыпанных сверху слоем земли. Центральную часть занимал очаг, сложенный из камней. Землянки были тесны и темны: их площадь не превышала полутора десятков метров, а свет проникал лишь через входной проем. Зимой они спасали человека от стужи.

Обилие зверя, птицы и рыбы обусловило основные занятия первобытного населения — охоту и рыболовство. О жизни людей той далекой поры рассказывают рисунки, оставленные на скалах первобытными художниками. Изображения, высеченные на камне, получили наименование петроглифов. Загадочные композиции петроглифов украшают скалы восточного берега Онежского озера. Некоторые рисунки на-

столько выразительны, что достойны того, чтобы рассматриваться как произведения искусства. Петроглифы — старейшие из известных художественных памятников края. Среди них можно увидеть сцены охоты, узнать лося, оленя, лебедя, сома или семгу, получить представление о капканах на зверя и средствах передвижения — лодках и лыжах. Петроглифы считаются ценнейшими источниками для познания древней истории Карелии. Это подлинные «листы каменной книги».

За несколько столетий до наступления новой эры жители Карелии освоили добычу и обработку железа, что позволило отказаться от примитивной неолитической землянки и перейти при сооружении жилища к возведению сруба. В преддверии новой эры зарождалось деревянное зодчество края. Свое начало оно берет с простейшей, небольшой по размерам, клетки-сруба. Высказываются предположения о сходстве первых рубленых жилых построек с обликом крестьянских бань. В становлении архитектурных форм не последнюю роль играли и национальные особенности.

Население Карелии, в том числе Заонежья — в течение I тысячелетия составляли племена финно-угорской языковой семьи: корела, сумь, весь.

На рубеже X—XI веков южная Карелия вошла в состав древнерусского государства. В этот период сюда устремляются выходцы из центральных районов; русские поселения доходят до берегов Белого моря. Под влиянием переселенцев среди местного населения получают развитие земледелие, скотоводство, обработка льна и ткачество. Происходит обмен строительным опытом: совершенствуется плотницкий инструмент, шлифуются приемы возведения построек.

В XII—XIII веках озерный край активно осваивают новгородцы. Летописи свидетельствуют о том, что уже в середине XII века Корела, как называли в старину эту местность, входила во владения Новгорода.

Карелия долгое время не знала «тележных дорог». Основными путями сообщения здесь были озера и реки. Ими и вос-

пользовались выходцы из новгородских земель. Не случайно их деревни обычно тяготели к воде.

Опираясь на летописные источники, можно заключить, что между русскими и карелами уже в XIII веке сложились отношения сотрудничества¹.

Карелы защищали северо-западные рубежи Русского государства, участвовали в походах против шведов и племен еми. Принятие карелами христианской религии способствовало еще большему сплочению населения края. Массовое крещение карел предпринял в 1227 году владимирский князь Ярослав Всеволодович, отец Александра Невского.

К XIV столетию новгородские владения доходили до берегов Студеного моря, охватывая обширную территорию, разделенную на пять частей — пятин. Необозримые просторы составляла Обонежская пятина, или Обонежье. На юге она подходила к самому Новгороду, на западе граничила с Ладогой, огибала Сегозеро и упиралась в Карельский берег Белого моря, именовавшегося в ту пору Студеным. Другая граница уходила далеко за пределы восточного побережья Онежского озера.

В самом центре древнего Обонежья, в северо-восточной части Онежского озера, лежит остров Кижы. Название ему дали жившие здесь в древности финно-угорские племена. На их наречии сходное по звучанию слово «кижат» означало игрище. Можно предполагать, что этот небольшой островок особенно почитался первобытными племенами, собиравшимися сюда с окрестных островов и материка. Очень возможно, что именно здесь происходили пиршественные языческие праздники — игрища.

«Язычество в Новгородской земле с ее значительным чудско-карельским населением держалось очень долго»², —

¹ Очерки истории Карелии. Т. I. Петрозаводск, 1957, с. 43; М. В. В и т о в. Историко-географические очерки Заонежья XVI—XVII вв. М., 1962, с. 46.

² Б. А. Р ы б а к о в. Языческое мировоззрение русского средневековья.— Вопросы истории, 1974, № 1, с. 25.

указывает академик Б. А. Рыбаков. В 1534 году новгородский архиепископ Маѳарий писал в Москву: «Суть же скверные мольбища их: лес и камень и реки и блата, источники и горы и холмы... и жертву приношаху кровную бесом: волы и овцы и всяк скот и птица»¹.

Духовенство веками изживало языческие обряды с их «бубренным плесканием, свирельными звуками, плясаньем сотониным». На бывших языческих капищах, в священных рощах вырастали христианские храмы и часовни: Первые культовые постройки на острове Кижы и в его окрестностях не сохранились.

Важную роль в распространении христианской религии играли монастыри. Год от года ширились их угодья. Монахи неотступно требовали от государства «отписки» в их пользу все новых и новых земель. Монастыри становились могущественными феодалами-землевладельцами. Однако христианизация шла долго и трудно. Местные жители нередко вступали в открытые столкновения с монахами — возвращали себе захваченные церковью земли, рушили храмы и «келейные строения».

К середине XIV века восходит история возникновения Муромского монастыря на восточном побережье Онежского озера.

Тесно связана с Заонежьем деятельность Палеостровского монастыря. Монахи ревностно оберегали свои угодья, служившие источником безбедной жизни. Они грозно наказывали местным жителям: «...На Палье острове и на малых островах станом не стояти, леса не сеце, ягод не брати, и лык не драти; а хто поцне наступатся... на того бог и пречистая богородица и мнозеи люди»².

В XIV—XV веках число монастырей растет, округляются их владения. Подобно светским феодалам, они взимают

¹ Б. А. Рыбаков. Языческое мировоззрение русского средневековья — Вопросы истории, 1974, № 1, с. 25.

² Материалы по истории Карелии XII—XVI вв. Петрозаводск. 1941, с. 99.

оброк, рассылая по крестьянским дворам собственных ключников.

Одним из основных занятий населения Карелии веками оставалось подсечное земледелие. Пашню приходилось отвоевывать у леса, что требовало недюжинных сил. Лес рубили, жгли, пни корчевали, валуны «перешевеливали» и только тогда сеяли. Выращивали рожь, овес, кое-где ячмень. Богатые урожаи снимали лишь в первые три-четыре года. Истощенная подсека заставляла переходить на новые участки.

Земледелие обусловило появление амбаров, овинов, риг и мельниц, необходимых каждому крестьянскому хозяйству. Примечательно, что даже подсобные постройки сооружались не только прочными, но и по возможности красивыми. Вместе с тем всякая красивая деталь была глубоко оправдана с конструктивной точки зрения.

Редкие лоскуты «орамой», то есть пригодной для возделывания, земли послужили основной причиной повсеместного распространения в Заонежье однодворных поселений. Деревня конца XV века — это двор, к которому прилегали луга и пашни, лесные и водные угодья. Случалось, деревни отстояли друг от друга на десятки верст, разделенные нехожеными лесами и непроходимыми болотами.

В таких условиях северный крестьянин оставался лицом к лицу с суровой природой, с ее студеными и долгими зимами, пронизывающими ветрами, глубокими, в рост человека, снегами. Именно в этих условиях и сформировался постепенно тот тип жилища, который аккумулировал в себе богатый строительный опыт многих трудолюбивых и талантливых людей.

Дом северного крестьянина рожден самой его жизнью. Здесь все обдумано, выверено и оправдано. Помещения, жилые и подсобные, — сарай, хлев, кладовые, подклет — объединены под одной крышей. Все необходимое под рукой, и нет нужды лишней раз выходить на стужу. Каждый такой дом чем-то напоминает небольшую, но хорошо подготовлен-

ную к осаде крепость. И нужно сказать, «крепость» с честью выдержала «осаду» сотен северных зим. И после каждой становилась все надежнее и совершеннее. Более того, — краше, наряднее, ибо человек, обязанный жилищу самой жизнью, относился к нему благоговейно и не жалел сил на украшение фасада причелинами, изящными наличниками, ажурным полотенцем.

Время не сохранило крестьянских домов Заонежья XV—XVII веков. Однако, учитывая данные письменных источников, сохранившиеся зарисовки, описания, встречающиеся в устном народном творчестве, можно с большой долей вероятности предположить, что они во многом напоминали постройки более поздние, такие как дома Елизарова и Ошевнева, представленные ныне в экспозиции музея. Особенно ценен в этом отношении дом Елизарова — классический образец гражданской архитектуры русских районов Карелии.

В XIV—XV веках в центральных районах края преобладало русское население. Об этом свидетельствует писцовая книга 1496 года, составленная московским писцом Юрием Сабуровым.

На протяжении XIV—XV веков именитые новгородцы постепенно скупали земли крестьян-общинников и владения местной знати; в их руки перешли со временем все лесные и водные угодья, все пахотные земли. Обонежье без остатка было поделено между боярами и монастырями. Обширные владения имел здесь новгородский митрополит. Крупнейшим землевладельцем в Карелии стала новгородская посадница Марфа Борецкая: по данным писцовых книг за нею числилось в Обонежье свыше 700 деревень, что составляло около 1200 дворов.

Основной административной единицей Карелии в XIII—XIV веках были погосты. Термин «погост» употреблялся в двояком значении. Так называли место, на котором стояла церковь с прилегающим к ней кладбищем. Именно как кладбище известен погост в наши дни. Было и другое,

главное значение этого слова. Оно обозначало сельский административный округ, группу деревень, связанных общим управлением. В центральном селении погоста возводили церковь. «Храм,— писал известный историк Русского Севера М. Богословский,— служил объединяющим центром для разбросанных вокруг него селений, потому что был... местом совершения не только религиозных, но и всякого рода правительственных актов и гражданских сделок. Название «погост» с части распространилось на целое, с пункта, где находился храм, на весь округ, тянувший к этому храму»¹. 1538 годом помечен документ, где не только упоминается Кижский погост, но и указывается, что в то время обязанности старосты исправлял в нем крестьянин Ерш Сергеев. Спасский Кижский погост значится и в писцовой книге 1563 года, принадлежащей перу Андрея Лихачева.

В 1478 году Карелия в составе Новгородской боярской республики влилась в Русское централизованное государство.

С присоединением к Москве иным стало и положение крестьян. После покорения Новгорода последовала расправа с оппозиционным боярством. Однако в отличие от остальных областей Русского государства, в Карелии не произошло замены бояр помещиками, а была установлена зависимость между крестьянством и государством. Конфискованные боярские владения, так называемые черные земли, стали собственностью самого видного феодала — государя. Пользование черной землей оборачивалось для крестьян выплатой денежного и натурального оброка. При этом земледельцы выступали как подлинные хозяева угодий — им не чинили запрета при продаже наделов, закладывании их в долг и передаче по наследству. Государство преследовало здесь одну цель: исправное получение оброка в виде хлеба и денег (другие его формы были отменены).

¹ М. Богословский. Земское самоуправление на Русском Севере в XVII в. Т. I, М., 1909, с. 29.

Денежный оброк способствовал развитию ремесел и торговли.

Широкие права на землю послужили причиной ее средоточия в руках наиболее оборотистых хозяев, что привело к имущественному неравенству и появлению крестьян, лишенных наделов. Безземельные шли в услужение по найму. Крестьянам приходилось напрягать все силы, чтобы сохранить наделы и собственное хозяйство.

Тяжелым испытанием для Карелии и Заонежья была вторая половина XVI века — сначала голод и мор, а позже набеги иноземцев, «немецких людей», послужили причиной разорения края. «От голоду и от зябели и от мору... дворы на тех деревнях все сгнили, а крестьяне вымерли, а иные разошлись... А поля и пожни лесом поросли в бревно», — отмечает писец. Пограничное положение заставляло всегда быть начеку. Угроза нападения содействовала объединению сил, ибо только так можно было достойно ответить на любое попользование захватчиков.

Вдоль границ воздвигаются рубленые деревянные крепости — острожки, высоко вздымаются стройные шатровые башни — вежи.

В начале XVII века тысячи русских и карел защищали рубежи Русского государства. Когда в 1613 году в Заонежье нагрянули отряды шведов, поляков и литовцев, на помощь местному населению правительство выслало отряд воеводы Богдана Чулкова.

Упоминания о незваных «литовских людях» и вооруженном сопротивлении иноземцам встречаются и позже. Рубежи Карелии не раз преступали шведы и «каянские немцы», финны, не унимавшиеся и после заключения в 1617 году Столбовского мира, по условиям которого Корельский уезд и области, тяготеющие к Финскому заливу, надолго отошли к Швеции. Картину разорения многих деревень рисуют писцовые книги 1615—1619 годов Петра Воейкова и Ивана Льговского.

Привычными к труду крестьянскими руками отстра-

ивались заново опустевшие и разграбленные деревни и села. Звенели топоры плотницких артелей. Поднимались свежие смолистые срубы изб, лепились к берегам баньки и рыбные амбары, строились мельницы и риги. В центральных селениях всем миром ставились новые церкви — еще более высокие и приглядные. Видные порою за десятки верст, они служили единению людей, готовых собраться в трудный час, словом и делом ответить на притеснения, обиды или разбой.

Отчетливо выраженное мирское начало — определяющая особенность храмового зодчества Русского Севера. Строительство храмов стало здесь поистине всенародным делом. В нем наиболее полно проявились лучшие стороны народной архитектуры — монументальность, чувство линии и пропорции, щедрость декоративного убранства.

Ведущим типом северно-русского храма была шатровая церковь, видом своим напоминавшая дозорные вышки деревянных крепостей. Со временем именно этот тип постройки достиг на Севере поразительного совершенства, вылившись в создание такого выдающегося памятника мирового зодчества, как Успенская церковь в Кондопоге. Постепенно происходит усложнение архитектурной формы: получают распространение «крещатые» здания — имеющие в плане форму креста. Появляются ярусные композиции, позволяющие достигать большой высотности, неотделимой в сознании зодчих от понятия красоты.

Наряду с этим серьезное внимание уделяется сооружению трапезных. Они делаются просторными и вместимыми, их обязательной принадлежностью становится высокое и широкое, подчеркнуто величественное крыльцо. И это не случайно. Трапезные церкви на погостах были местом решения мирских дел. Здесь обнародовались царские указы, зачитывались манифесты и распоряжения, проходили судебные заседания; тут же принимали подати и совершали сделки. Трапезные никогда не пустовали.

Они были центрами общественной жизни. Здесь же разрешались и некоторые конфликты.

Известен такой факт. Крестьяне, недовольные земским судьей погоста Ф. Максимовым, «наскоча на него воровски, били его и окровавили, и замертво кинули». Эта расправа произошла в трапезной церкви Покрова Богородицы Спасского Кижского погоста 5 марта 1648 года, в предшественнице нынешней Покровской церкви.

В середине XVII века «погост Спасский в Кижях на Онеге озере на острове» объединял около 130 деревень. Крупнейшими из них были Сенная Губа, Косозеро, Типиницы, Великая Губа, существующие и поныне. Население погоста превышало одиннадцать тысяч душ, он охватывал территорию, доходившую до шестидесяти верст в округе.

В конце столетия погост был разделен: выделились Кижская, Великогубская и Корельская трети. Кижская треть объединяла острова Клименецкие и Леликовский, а также северо-западное побережье Заонежского полуострова. Крупными селами здесь были Сенная Губа, Леликово, Конда и Волкоостров.

Причиной неоднократных возмущений крестьян Кижской трети становятся в эти годы притеснения со стороны граничившего с Кижским погостом Клименецкого монастыря. Монахи не упускали случая описать в челобитных на имя царя проявление всякого крестьянского недовольствия. Споры разгорались при разделе земель, рыбных «ловищ», строительстве мельниц. Возмущенный своеобразием умевших постоять за себя кижан, настоятель Клименецкого монастыря старец Иоасаф не единожды бил челом царю Федору Алексеевичу. В его челобитной 1677 года указывается, что «крестьяне отводчика Алушкина бранили и бить хотели, а подъячего и приставов били до умертвения, к дворянину в окна камнем бросали»¹.

¹ Е. В. Барсов. Олонецкий монастырь Клименцы. М., 1871, с. 46.

Усиливавшийся феодальный гнет вызывал неоднократные волнения северных крестьян. С развитием в крае металлургии их положение еще более осложнилось. Земли Кижского и Шуйского погостов были богаты железом, издавна ставшим предметом добычи и обработки. В местных кузницах выделывались ножи, топоры, замки и другие предметы хозяйства и быта, находившие спрос по всему Северу. В начале XVII века большим спросом на Тихвинской ярмарке пользовались кижские ножи.

Кузнечный промысел был широко распространен на территории средневековой Карелии. Не случайно образ искусного кузнеца Илмаринена стал одним из центральных в карельском народном эпосе «Калевала»:

И кузнец тот, Илмаринен,
Тот кователь вековечный,
Из огня железо тащит,
Положил на наковальню,
Бьет его, чтоб стало мягче,
Вещи острые кует он,
Топоры кует и копыя,
Вещи разные сковал он¹.

Со временем добыча и обработка железа привлекла внимание предпринимателей. Выполняя наказ царя Алексея Михайловича, новгородский гость Семен Гаврилов пустился в заонежские земли в поисках месторождений медных и серебряных руд. В помощь ему даны были иноземные знатоки медеплавильного дела — Николай Андерсон и Денис Иорис. Вскоре на Спиоровском ручье в Фоймогубской волости был построен медеплавильный завод. По прошествии времени предприятие перешло к частному предпринимателю, иностранцу Бутенанту. При нем стали производить железо. Число заводов умножилось.

Продукция заонежских заводов через архангельский порт уходила за границу.

¹ Калевала. Петрозаводск, 1956, с. 49.

Расширение успешно начавшегося железоделательного производства по истечении некоторого времени столкнулось с трудностями: не хватало рабочих рук. Еще в бытность Семена Гаврилова заводам требовалось свыше 700 рабочих — жечь уголь, копать и подвозить руду. Нужны были умелые мастера, кузнецы, молотобойцы. В восьмидесятые годы XVII века нехватка рабочих рук стала особенно острой.

Предприятие Бутенанта с самого начала было воспринято кижанами с неодобрением. После получения заводчиком права добывать руду в любом удобном ему месте отношение к нему стало открыто враждебным. Ведь для местного населения железоделательный промысел был не последним жизненным подспорьем. В 1683 году крестьяне Кижского погоста во главе со своим старостой навестили заводы «многолюдством с пищальми и з бердыши и с рогатинами и с кистенями», угрожая там «смертным убивством».

В таких условиях заводы не могли продолжать работу. Русское правительство, заинтересованное в освоении рудных запасов края, указом 1695 года приписало к заводам Кижский погост в составе 1197 дворов. В ответ на царский указ кижане «заводам не дались», учинили «многую противность и бунтовство». Для усмирения непокорных стольник Бренчанинов и подьячий Курбатов привели в Заонежье до трехсот новгородских стрельцов. Появление стрелецких сотен заставило крестьян вооружиться: они «учинили бунт и у церкви Преображения били в колокола всполох, и собрались из деревень с дубьем и кольем».

Возглавил крестьянскую борьбу посадский человек Григорий Тимофеев. «Близ двух годов» заводы стояли, и только в 1696 году восстание было подавлено.

По-видимому, из-за непрекращающихся крестьянских выступлений в 1703 году заводчик отказался от мысли продолжать дело.

Глубоко всколыхнули самосознание края события Северной войны 1700—1721 годов.

Швеция стремилась к завоеванию Новгорода и Карелии. В XVII веке ей удалось утвердиться на берегах Финского залива, что надолго лишило Русское государство выхода в море. Успешные военные действия России в период Северной войны снова сделали ее морской державой. Шведский король Карл XII потерпел поражение.

Сражения Северной войны непосредственно не коснулись Заонежья, однако проходили, особенно в первые годы, на сопредельных с ним землях. Победа русского оружия над Швецией имела огромное значение и для этого края: население избавилось от угрозы нашествий, столь памятных ему по прошлым временам. И как гимн этой победе, гимн миру и справедливости, вырос на острове Кижии радением заонежского крестьянина величественный Преображенский собор. И хотя в 1714 году, когда было завершено строительство собора, еще гремели орудийные баталии, их конечный исход был уже предрешен.

Победа над Швецией далась нелегкой ценой; она стала возможной лишь в условиях нового времени, когда петровские преобразования вывели Россию в число сильнейших государств Европы. Поэтому возведение Кижского собора можно с полным правом считать величественным символом самой Петровской эпохи — времени пробуждения и торжества русского национального самосознания. Как ни велики свершения этой поры, все они — итог исключительных усилий простого народа, чьим ратным и трудовым подвигом росло могущество Русской державы.

Спустя несколько десятилетий другая война — на этот раз с Турцией — снова напомнила правительству о возможностях северного края. Фронт требовал оружия.

В 1769 году в Заонежье неподалеку от Лижмы был заложен пушечный завод. Возводились доменные печи на заводе в селе Кончезеро. Все работы возлагались на крестьян. К одному только Лижемскому заводу было приписано до 2400 человек. Безмерно возросшие заводские повинности не оставляли крестьянам возможности управляться с веде-

нием своего хозяйства. Участились побегии. Сотни крестьян самовольно оставляли места заводских работ. Назревал бунт.

Указ от 27 мая 1769 года резко увеличил подушную и оброчную подати. В сентябре он был зачитан на многочленной сходке крестьян Кижского погоста — суеме. Крестьянский мир встретил его с глубоким недоумением: многие хозяйства и без того уже были приведены «во всеконечное разорение». Чтобы рассеять сомнения, вызванные указом, были составлены челобитные и отправлены с ходоками в Петровскую слободу, как именовался тогда ставший впоследствии городом Петрозаводск. Ходоки вернулись ни с чем.

В конце года кижские челобитчики пустились в поисках правды в Берг-коллегию, в Петербург. Тем временем служителям заводов кижские крестьяне заявили, что они не подчинились требованиям начальника, «а вас посланных и наипаче слушать не будем».

Протест Кижского погоста подхватили крестьяне Толвуи, Типиниц, Кузаранды, Фоймогубы и Вырозера.

В конце 1770 года в столицу, ко двору императрицы Екатерины II, за получением «милостивой резолюции» ушли новые челобитчики — Клим Соболев и Анцифер Трофимов. Резолюции, освященной милостью, не последовало.

По возвращении в Заонежье Климентий Соболев на суеме кижских крестьян поклялся стоять на их стороне «до последней капли крови».

А в Заонежье уже спешил карательный отряд шихт-мейстера Князева. Собравшиеся на зов сполошного колокола вооруженные крестьяне команду Князева и его самого «смертельно били и все ружья переломали».

В марте 1771 года к взбунтовавшемуся погосту подступила рота Псковского пехотного полка под командованием капитана Ламсдорфа. Ему вменялось добиться повинения крестьян, силой принудить их к выполнению заводских работ. Спустя день отряд новоявленных карателей спешно

покинул Кижы: обещание переломать всей команде руки и ноги возымело действие...

Бесславно закончилась еще одна попытка развеять мятежный дух народной вольницы. Восстание приписанных к заводам крестьян обеспокоило царский двор. В июне на усмирение возмутителей был послан отряд князя Урусова, составленный из рот мушкетеров, гренадеров и усиленный пушками. 30 июня 1771 года Урусов прибыл в Кижы.

В ответ на требование дать подписку о согласии выйти на работы крестьяне собрались в ограде Кижского погоста на многолюдный сует.

По приказу Урусова в сторону погоста были обращены жерла пушек. Но крестьяне по решению суета вновь отказались от подписки. Раздался орудийный залп. Согласно рапорту о подавлении волнений, «сей выстрел» «лишил пяти человек жизни». Только после этого у кижских крестьян была вырвана подписка с обещанием вернуться к заводским работам. Вслед за кижанами такую подписку дали крестьяне Великогубской трети, Фоймогубы и Вырозера.

11 января 1772 года на Сенной площади Петровской слободы состоялась публичная расправа с зачинщиками восстания. Приговором Сената К. Соболев, С. Костин и А. Сальников подлежали наказанию кнутом, по 100 ударов каждому, наложению на лицо раскаленным железом клейма «ВОЗ», означавшего «возмутитель», и ссылке на вечное сибирское поселение. Многие участники восстания после наказания плетью подлежали ссылке на Нерчинские рудники.

Кижское восстание 1769—1771 годов — самое крупное в истории феодальной Карелии. Его участниками наравне с русскими были карелы и вепсы, единодушно выступившие против законов самодержавного государства¹. Восстание это надолго осталось в народном сознании.

Знакомство с историей Заонежья позволяет лучше понять

¹ Я. А. Балагуров. Кижское восстание. Петрозаводск, 1969.

и оценить те своеобразные условия, в которых формировался духовно-нравственный облик людей этого края:

Было бы несправедливо искать причины самобытности культуры Заонежья в его оторванности от жизни Русского государства. Связь с Русской землей, с ее нуждами и чаяниями, с ее горестями и взлетами радости Заонежье не теряло никогда — ни в пору Новгородской боярской республики, ни в Московское время. История Заонежья кровными узами связана с историей России, с культурой русского народа.

Ныне наибольшую известность получили созданные в Заонежье памятники деревянного зодчества, исключительные по своей художественной ценности. Удаленные от крупнейших культурных центров страны, а зачастую и лишенные своего привычного окружения — сел, деревень, поселков, они порою кажутся нерукотворными, вечными, как реки, озера, леса или солнце.

Обращение к истории показывает, какую роль играл здесь человек и как повлияла история на его формирование. Нет, не редкостное исключение составляют на этой земле памятники зодчества, пусть даже самые видные и самые известные. Они — лишь одно из проявлений истинно высокой культуры древнего Обонежья. И памятники этой культуры тем более драгоценны, что созданы они в условиях феодального гнета, не сломившего духа народного, вопреки всем невзгодам не раз торжествовавшего свое величие.

Честь открытия культурной сокровищницы Заонежья принадлежит исследователям устного народного творчества. В шестидесятые годы XIX века известный русский ученый П. Н. Рыбников обнаружил здесь живую былинную традицию, восходящую своими истоками ко временам Киевской Руси. В 1871 году записи былин в Заонежье продолжил другой известный фольклорист — А. Ф. Гильфердинг.

Всероссийскую известность получили имена выдающихся мастеров устного слова, певцов былин — Трофима Григорьевича Рябинина и Василия Петровича Щеголенка. В после-

дующем широкий отклик нашло творчество сына Г. Г. Рябина — Ивана Трофимовича, покорившего своим мастерством исполнителя слушателей Софии, Белграда, Вены, Праги и Варшавы. Талантом заонежской вопленицы И. А. Федосовой восхищались Н. А. Некрасов, Ф. И. Шаляпин, А. М. Горький.

Открытие архитектурных сокровищ былинного края принадлежит академику архитектуры Л. В. Далю, обследовавшему памятники деревянного зодчества бывшей Олонецкой губернии в 1876 году. Вслед за ним на Севере побывали архитектор В. В. Суслов и художник И. Я. Билибин. Итогом экспедиций стали публикации, вновь обратившие внимание научной общественности на культуру Севера. Выдающимся вкладом в изучение архитектурных памятников края явилась работа И. Э. Грабаря, связанная с созданием его многотомной «Истории русского искусства». Труд этот нисколько не утратил своего значения и поныне.

Высокого расцвета достигло в Заонежье и народное декоративно-прикладное искусство. Достаточно напомнить о всемирной известности традиционной заонежской вышивки: на Парижской выставке 1900 года мастерица Авдотья Павлова была удостоена серебряной медали. Продукция крестьянского промысла находила широкий спрос в Америке.

Обонежье издавна славилось мастерством живописи — от росписей прялок до создания монументальных композиций иконостасов. Здесь жили умелые резчики по дереву, кузнецы, мастера художественного литья.

В стилистическом единстве северного искусства явственно проступает облик его творца — крестьянина-землепашца, способного не только посеять и собрать хлеб, но умело поставить избу, построить мельницу, возвести храм по законам меры и красоты. Условия северного края приучили крестьянина во всем, до мелочей, рассчитывать только на свои силы, согласовывать каждый шаг с собственным разумом и мудрым опытом предшествующих поколений.

Исключительно богатый памятниками художественной

культуры край требовал бережного отношения к наследию прошлого. Дореволюционной России в ряде случаев это оказывалось не по силам. «Состояние старинных церквей самое плачевное,— с горечью писал по возвращении из Олонецкой губернии летом 1904 года И. Я. Билибин.— Находясь в руках некультурных людей, они вандалски уничтожаются или искажаются «ремонтами» до неузнаваемости. К ним делают пристройки самого неподходящего стиля, их грубо обшивают тесом и затем окрашивают в ярко-белую краску, «чтобы походило на камень», отламывают галерейки, опоясывающие многие из них, уничтожают богатые высокие крыльца... Иногда после объезда известной местности архиереем десятки старых церквей приговариваются к уничтожению, как ненужный хлам»¹.

Советская власть коренным образом пересмотрела отношение к культурному наследию народа. «Памятники церковной и гражданской старины,— указывалось в декрете Олонецкого губернского ревисполкома от 20 сентября 1918 года,— имеющиеся в пределах Олонецкой губ., имеют величайшую ценность... Многие из них представляют результат подлинно народного пролетарского творчества, показывая, как народ наш во время гонения и гнета из простых и грубых на вид материалов умел создавать истинно правдивое изображение на холсте, доске и бумаге одушевлявших его верований, надежд и светлых воззрений на лучшую будущую жизнь. Посему предписывается всем гражданам Олонецкой губ. беречь, сохранять и заботиться о таковых памятниках старины...»²

В двадцатые годы в Заонежье плодотворно работали многие научные экспедиции. Изучением народного искусства занимались Государственная академия художественных наук (ГАХН, Москва) и Государственный институт истории

¹ Иван Яковлевич Билибин. Статьи. Письма. Воспоминания о художнике. Л., 1970, с. 33.

² Цит. по кн.: С. Колосенок, И. Моносов. Культура Советской Карелии. Петрозаводск, 1967, с. 151.

искусств (ГИИИ, Ленинград). Огромное значение имела экспедиция «По следам Рыбникова и Гильфердинга», организованная видными советскими фольклористами Ю. М. и Б. М. Соколовыми. Ее итогом явились записи сотен произведений народного творчества, бытовавших в Заонежье. Отечественной науке стали известны имена новых выдающихся мастеров устного слова — Н. С. Богдановой и П. И. Рябинина-Андреева из окрестностей Кижей, Ф. А. Конашкова и А. М. Пашковой с пудожского побережья. Ученые Института истории искусств собрали богатейший материал по народному зодчеству, прикладному искусству и музыкальной культуре Заонежья. Этой экспедицией руководил профессор К.К. Романов.

Культура края не стояла на месте, она получила дальнейшее развитие. В тридцатые годы славились изделия объединения «Заонежская вышивка», организованного в 1929 году в Шуньге. Заслуженным спросом пользовалась продукция артели «Карельская береза», работавшей в предвоенные годы в Великой Губе.

Советское правительство высоко оценило вклад мастеров народного творчества в развитие отечественной культуры. Орденом «Знак Почета» были награждены сказители былин П. И. Рябинин-Андреев — потомок прославленных певцов XIX века, Ф. А. Конашков, вышивальщица П. И. Ярицына и другие.

Лучшие произведения народного искусства экспонировались на выставках и в музеях; широко публиковались записи былин, сказок, пословиц и песен. В жизнь советского общества глубоко вошел ленинский принцип: «искусство принадлежит народу».

Проявлением заботы Советского государства о сохранении и превращении во всенародное достояние памятников деревянного зодчества стало создание на острове Кижь историко-архитектурного и этнографического музея-заповедника. Отныне памятники Заонежья — предмет изучения и восхищения не отдельных ученых-энтузиастов, но самых

широких народных масс. Сюда открыт путь каждому, кто хочет ближе познакомиться с высокой и самобытной культурой нашей Родины.

В экспозицию Кижского музея-заповедника включено несколько групп памятников народного зодчества, отличающихся друг от друга не только по типу и виду, но и по способу показа.

Типологически все представленные в музее объекты делятся на две основные группы: памятники гражданской и культовой архитектуры. К первой принадлежат крестьянские дома, амбары, риги, мельницы, бани и пр. Ко второй — церкви, часовни и поклонные кресты. При всем отличии они составляют неразрывное целое, именуемое деревянным зодчеством. Эта область архитектуры создана исключительно народными мастерами, в подавляющем своем большинстве оставшимися безвестными.

Народное зодчество, подобно другим видам крестьянского искусства, рождено усилием не одного человека, но является плодом коллективного творчества, отмеченного стремлением к пользе, прочности, красоте. Именно этот триединый принцип проходит красной нитью через каждое произведение народных мастеров — будь то амбар, изба или церковь, будь то кованый светец для лучины, вышитое полотенце или прялка.

По способу показа в музее также различаются два вида памятников. Часть из них сохраняется на территории заповедника на своих исконных местах. Прежде всего это сам Кижский ансамбль, составляющий ядро музея. Кроме того, в окрестных деревнях экспонируются на прежних местах в своем естественном окружении часовни. Они получили название «Кижского ожерелья» и включены в охранную зону музея.

Другая группа экспонатов перевезена на остров из различных районов Карелии, нередко из мест малонаселенных и труднодоступных. Несмотря на определенные преимущества, эта форма сохранения и использования памятников

архитектуры имеет и существенный недостаток: при перенесении на новое место сооружения лишаются свойственного им природного окружения, которое так тонко чувствовали и учитывали народные зодчие. Особенно остро «переживают» переселение памятники культовой архитектуры — часовни и церкви. Вместе с тем нельзя не признать, что перемещение в музей спасло от гибели десятки вышедших из употребления зданий, в частности амбаров, мельниц и риг.

В период создания музея (50—60-е годы) он занимал лишь южную оконечность острова, где были сосредоточены в основном памятники, представляющие архитектуру Заонежья. Ныне экспозиция раскинулась не только по всей территории острова, но и включает в себя окрестные деревни с их естественным природным окружением.

Экспозиция музея формируется по этнографическому принципу. Национальный состав Карелии в прошлом, как и в настоящем, не был однородным. В Карелии издавна жили карелы, вепсы, русские. Причем даже в пределах одной национальности язык, народное деревянное зодчество, декоративно-прикладное искусство, устный и музыкальный фольклор в разных районах Карелии отличались самобытными чертами, свойственными только данной местности.

Географически этническая карта Карелии выглядит так: к западу от Октябрьской железной дороги жило коренное население — карелы: ливвики (Олонекский и Пряжинский районы) и людики (Кондопожский район, восточная часть Олонекского и Пряжинского районов); северные карелы расселились к северу от Пряжинского и Кондопожского районов. Вепсы населяли узкую прибрежную полосу на юго-западном побережье Онежского озера. К востоку от Октябрьской железной дороги преобладало русское население: заонежане (полуостров Заонежье с примыкающими к нему островами и частью материка), пудожане (территория Пудожского района) и поморы (побережье Белого моря).

Дореволюционная деревня не была однородной и по социальному составу. Поэтому при воссоздании облика крестьянских усадеб учитывается и социально-классовая характеристика крестьянства, без которой невозможно точно и, главное, исторически верно воспроизвести быт крестьянина, его образ жизни.

При окончательной реализации генерального плана развития музея-заповедника в нем будут созданы следующие архитектурно-этнографические секторы: «Русские» — Заонежье, Пудож, возможно, Поморье; «Карелы» — карелы-людики, карелы-ливвики, северные карелы; «Вепсы».

Перспективным планом предусматривается дальнейшее расширение и совершенствование структуры музея. Планируется более продуманное расположение объектов, создание максимальных удобств и для туристов, и для тех, кто здесь повседневно работает. А трудятся тут энтузиасты своего дела — плотники-реставраторы, архитекторы, научные сотрудники — историки, этнографы и искусствоведы, опытные методисты и экскурсоводы. Плоды их благородного творческого труда во всем — и в самих памятниках, заботливо восстановленных и не менее заботливо сберегаемых, и в увлекательном рассказе о сокровищах Кижского острова, и в тысячах экспонатов, которыми пополняются фонды музея в период экспедиций.

УНИКАЛЬНЫЙ АНСАМБЛЬ

ПРЕОБРАЖЕНСКАЯ ЦЕРКОВЬ

Огромного общественного звучания исполнен облик этого выдающегося памятника деревянного зодчества. Как будто вместили под сенью своих главок всю многовековую историю народа с его борьбой, лишениями и победами. В нем — связь времен, поколений, традиций, в нем — немеркнущая сила искусства, прошедшего сквозь века.

Сегодня он стал для нас символом труда, талантливости народа, негибкости его духа, символом его величия.

Как произведение искусства памятник прост и необыкновенно многомерен. Он кровно связан с эпохой, его породившей. Острой ломкой старых устоев, широтой преобразований было отмечено начало XVIII столетия. Реформы Петра I, его победные баталии всколыхнули Россию.

В этой атмосфере всеобщего подъема строилась по решению крестьянского мира Преображенская церковь. Строилась медленно, основательно. И воплотила в себе идею народного единения, мирской радости, надежды и силы.

Из самых глубин народного искусства черпал мастер знакомые конструкции и формы, уверенной и трепетной рукой художника возводил венец за венцом, вкладывая

в свое творение весь талант, всю свою неумную душу. Отдавая дань религии, он разрушал привычные церковные каноны, потому что они были тесны, чтобы вместить жизнь всколыхнувшегося крестьянского мира.

Как набегающие волны, устремляются кверху главки церкви. Набегают с четырех сторон и, сталкиваясь, выбрасывают высоко большую, венчающую главу. Своим разбегом они как бы повторяют ритм волн, бьющихся о берег. И нет впечатления застывшей массы, есть постоянное движение, динамика взлета.

Приближаясь к памятнику издали, мы видим, как он вырастает, будто из самой воды. Затем различаем его четко очерченный силуэт, потом он поворачивается своими пластическими гранями, а блики света, играя на его поверхности, создают иллюзию живого существа.

Основу этого, казалось бы, очень сложного сооружения составляет мощный восьмигранный сруб. Подобная конструкция церквей известна издавна, она давала возможность сделать церковь высокой и вместительной. Венчалась такая конструкция шатром.

Новое время продиктовало иной замысел. Мастер увеличивает высоту основного объема церкви, ставя на него два последовательно уменьшающихся восьмерика, которые завершаются центральной главой.

С четырех сторон света к основному срубам прилегают четыре прируба, которые обеспечивают устойчивость сооружения и увеличивают объем помещения — церковь посещало большое число прихожан.

Прирубы имеют ступенчатое покрытие. Каждая ступень завершается бочкой — своеобразной кровлей килевидного сечения и главкой.

В месте сопряжения основного восьмерика с меньшим, поставленным на него, каждая грань основания венчается таким же покрытием. Второй восьмерик в месте сопряжения с третьим окаймляет пояс из четырех бочек с главками. С восточной стороны к основному прирубам

сделан алтарный прируб, который также завершается главкой. С запада церковь опоясывает обширная трапезная.

Такова общая композиционная схема церкви.

Однако для привычной конструкции — восьмерик с четырьмя прирубам — найдено новое завершение из 22 главок, что придало сооружению торжественность и величие, выразительный, четкий силуэт.

Идея памятника воплотилась в уникальную конструктивно-художественную форму. Этому органическому единству предшествовали освоение многовековой традиции и нелегкий творческий поиск.

Что же составляет особенность замечательного творения древних зодчих, в чем его непреходящая ценность?

Как в каждом истинном произведении искусства, здесь нет ничего лишнего: каждая деталь несет определенную конструктивную и художественную нагрузку, помогая выявлению общего образного строя произведения.

При всей своей торжественности здание лишено и намека на вычурность; при убедительной высоте — стремления подавить близлежащее пространство; при объединении многочисленных составляющих — впечатления случайного нагромождения самостоятельных объемов.

В облике сооружения поражает та артистическая легкость, с которой все элементы композиционно объединены в живописный пирамидальный свод.

Каждая из глав, венчающих срубы церкви, вырастает из наделенных ощутимой упругостью бочек, сообщающих зданию неудержимую устремленность ввысь.

Многочисленность главок не создает впечатления дробности и монотонности, что достигается варьированием их размеров и заданным им ритмом. Значительную роль играет и перспектива, активно «работающая» на восприятие сооружения.

Сколько бы раз мы ни вглядывались в ребристые поверхности срубов храма, всегда можно найти детали, ранее не замеченные, которые создают общую гармонию сооружения. Но есть и такие, что обнаруживаются только при тщательном изучении. Так, для создания оптической иллюзии, способной зрительно увеличивать высоту отдельных элементов и памятника в целом, зодчие пошли на отклонение от вертикали северного и южного прирубов. При этом уклон от правильного отвеса достиг 0,15 метра. Аналогичный прием обнаружен и при измерении диаметра барабана центральной главы: внизу он на 7 сантиметров шире. Конечно, уловить на глаз величину таких отклонений невозможно — их действие лежит не в сфере мер длины, но в арсенале средств художественной выразительности, где нет и не может быть ничего случайного и незначительного и где зачастую непостижимое разумом «чуть-чуть» играет важнейшую роль в создании выдающегося образа.

Специалисты давно отметили необыкновенную спаянность северной архитектуры с природой. И дело не только в гармонической согласованности сооружения с окружающей местностью — это неперемное условие, но и в том, что многие элементы архитектуры как бы заимствованы из самой природы, подсказаны этим вечным и мудрым учителем.

Издавелека, на подходе к Кижам туристы нередко принимают церковь за могучую развесистую ель. Ее чашуйчатые главки сродни еловым шишкам, а бочки напоминают вздыбленные волны. Подобное сходство не случайно. Природа подсказала оптимальную конструкцию, наиболее обтекаемые формы, что очень важно, ибо это способствует долговечности сооружения.

Бочки, главки церквей всегда привлекают внимание своей нарядностью. Но здесь нет и тени украшательства — оно чуждо народному зодчеству. Покрытие главок чешуйками-лемехом продиктовано целесообразностью

и многовековым опытом. Лемех изготовлялся из осины: ее легко обрабатывать топором. Осиновый лемех не коробится под действием дождя и солнца и обеспечивает надежность покрытия. Главки, бочки, барабаны, одетые лемехом, чутко реагируя на освещение, то золотятся под рваными краями грозовых туч, то утопают в багрянце заката. Способность осины менять окраску в зависимости от освещения давно подмечена зодчими и поставлена на службу архитектуре.

Полезьа, прочность, красота — этот триединый принцип последовательно выдержан во всех конструкциях и элементах сооружения.

Преображенская церковь по своему назначению — церковь летняя. Службы здесь проводились по особо торжественным праздникам, да и то лишь в течение короткого северного лета. В этом смысле ее значение как храма, предназначенного для церковных обрядов, сведено к минимуму. Зато необыкновенно высока ее мирская, общественная роль. Будучи своеобразной архитектурной доминантой, видимая за много верст, обладающая большой силой эмоционального воздействия, она как бы призывала под свою сень народ для обсуждения всех общественных дел.

Так Преображенская церковь и была задумана, о чем свидетельствуют, в частности, малые, в отличие от других храмов, размеры алтаря и высокое крыльцо-трибуна, у которого постоянно собирались шумные мирские суеты.

Широкая, о двух полотнах дверь, обрамленная массивными косяками, ведет в трапезную.

Обнаженность перекрытия трапезной напоминает своим видом устройство крыш в сараях крестьянских изб — конструктивный принцип и там и здесь выдержан последовательно.

Помещение трапезной делится на два крыла объемом западного прируба. Сложенный из могучих бревен,

он придает ей подчеркнуто суровый облик. Тому же впечатлению способствует сдержанное освещение: редкие небольшие оконца чем-то напоминают бойницы крепостных сооружений.

Строгость внутреннего убранства трапезной смягчена лавками, встроенными по периметру внешних стен. Края лавок украшены контурной порезкой, отчего они получили название «опушенных» (от слова опушить, украсить, оторочить резьбой).

Разительно велик перепад высот между экстерьером и интерьером трапезной. Благодаря подклету, устроенному в нижней части придела, помещение притвора кажется более камерным. Подклет сближает его с высотой крестьянских домов. Сделано это не без тонкого умысла: трапезная готовит восприятие интерьера церкви, по высоте своей столь несоизмеримого с внешней грандиозностью здания. Поэтому, будучи сравнительно невысоким, основное помещение производит впечатление стройного столпообразного объема, что подчеркивается и удачным ярусным членением иконостаса, и потолочным сводом, составленным из полотен трапециевидной формы, создающих иллюзию глубокой перспективы.

Емкости центрального помещения соответствует и его световая насыщенность. Свет попадает сюда сквозь окна прирубов и концентрируется на величественном иконостасе, прекрасно выявляя его своеобразие. Первая особенность иконостаса — его форма, полностью соответствующая особенностям планировки «крещатого», то есть походящего в плане на крест, сооружения. Центральная часть иконостаса отсекает от главного помещения всю площадь восточного прируба; так образуется алтарь. Крылья иконостаса, северное и южное, облегают сначала стены восьмерика, а затем смежные грани северного и южного прирубов.

Важное значение для восприятия интерьера имеет и ярусное расположение икон в иконостасе. Основанием его служат

широкие, наибольшие по величине, иконы местного ряда. Их сменяет поставленный выше праздничный ряд, продолговатые доски икон которого служат переходом к деисусу. Иконы последнего, пророческого, ряда выполняют роль декоративного фриза.

По живописным достоинствам иконы не равноценны. Наибольшего внимания заслуживают те из них, что составляют местный, нижний, ряд, где по обычаю отдавалась дань уважения особенно чтимым среди окрестного населения святым. В этом ряду замечательны иконы с изображениями Георгия, Николы, Зосимы и Савватия, Ильи-пророка.

Почти все иконы местного ряда — житийные: центральная часть композиции, так называемый средник, с изображением главного персонажа, окаймляется серией картинок-клейм, подробно рассказывающих о жизненном пути главного героя.

Первая из таких икон, открывающая местный ряд, — «Зосима и Савватий Соловецкие в житии». О принадлежности ее кисти северного мастера говорит многое. Свообразием отмечена сама палитра, напоминающая цветовой гаммой природную расцветку карельских минералов: различные оттенки охры, красного, синего и белого. Ровно положенный светло-золотой фон напоминает об очаровании неяркого северного дня.

В центре композиции с подчеркнутой тщательностью и тонкой прорисовкой деталей выведены сооружения знаменитого Соловецкого монастыря. Макет его держат в руках Савватий и Зосима — основатели монастыря. Их удлиненные фигуры настраивают зрителя на строгий и торжественный лад. Об исполненной невзгод и испытаний, отмеченной трудолюбием и упорством жизни неторопливо повествует череда клейм. Замечательно, что чаще всего изображаются острова, в которых нетрудно угадать намек на Соловецкий архипелаг.

Помимо достоинств живописных и композиционных, клейма иконы — целая повесть о жизни северного человека. Воды синего моря одинаково близки поморам и кижанам —

и те и другие мужественно бороздили водные просторы на «утлых лодицах», рубили лес, строили жилье и храмы, воздвигали неплодородную северную землю. Все это можно видеть в окружающих средним сценах, причем обращает внимание полное отсутствие в них признаков беспомощного натурализма.

Одна из старейших в местном ряду — храмовая икона «Преображение». Есть предположения, косвенно подтверждаемые народными преданиями, о принадлежности ее погибшей в конце XVII века шатровой церкви — предшественнице Преображенской церкви. Лучшим доводом в пользу датировки памятника XVII веком служат его стилистические особенности, в которых чувствуется уверенное следование традициям средневековой живописи в рамках самобытно развивающегося северного искусства.

Библейская легенда нашла здесь в своем толковании подлинного художника-монументалиста. Изображение дано обобщенно, без второстепенных деталей; предельно ясна и лаконична композиция. В центре, на фоне глубокого малинового сияния семиконечной звезды — фигура Христа, одетого в белоснежные ризы. Слева к нему обращен Илья, справа — Моисей. У подножия горы Фавор, трактованной с присущей иконописи условностью, фигуры поверженных апостолов.

Слева — коленопреклоненный Петр. Взор его устремлен к вершине горы, приподнятая левая рука застыла в экспрессивном жесте. Возле Петра, справа, распростерт апостол Иоанн, опирающийся правой рукой на землю, а левой закрывающийся от исходящего света. В правом углу помещен упавший Иаков. Фигуры апостолов удачно скомпонованы.

Лики святых тщательно проработаны. Всем им живописец сообщил строгое выражение, отвечающее важности совершающегося события. Преисполнен величия образ Христа, отрешенного от всего обыденного.

Палитра «Преображения» сдержанна, как сама манера повествования. Золотистая охра выгодно соседствует с гра-

дацией малинового цвета; темные одежды апостолов и трехчастный круг славы оттеняют теплый тон живописи.

Приглушенный колорит, естественные пропорции фигур, яркое декоративное начало позволяют видеть в иконе черты, предвосхитившие пути развития северной иконописи в последующее время. «Преображение» — классический памятник древней живописи Карелии. Икона оправлена живописной рамой, изображающей на клеймах «страсти господни».

Для северяян, как и для жителей других районов страны, догматические и малопонятные персонажи христианской иконографии были наделены конкретным, «земным» смыслом и содержанием.

По широко распространенному в Заонежье поверью, Илья-пророк «ведал» дождями, благодаря чему он был среди крестьян-землепашцев одним из наиболее чтимых библейских персонажей. Известно трогательное своей наивностью, но не лишенное поэтичности обращение заонежан к могущественному Илье: «Илья-пророк многомилостивый, дай тихую росу смиренную, частого, мелкого дождичку; сохрани и помилуй на синем море, в темных лесах, на работе, милую крестьянскую животинку от всякого врага и супостата»¹.

Никола издавна считался на Севере покровителем рыбаков и плотников. Георгий Победоносец был в народном сознании символом воинской доблести.

В документах, хранящихся в Центральном государственном архиве КАССР, найдено имя одного из резчиков, создавших раму для иконостаса. Им оказался участник Кижского восстания 1769—1771 годов вологодский мастер Степан Афанасьев, «толковавший крестьянам против выполнения заводских работ». Этот факт знаменателен еще и тем, что свидетельствует о связях Заонежья с Вологодским краем, славившимся мастерами-резчиками, работа которых не уступала лучшим столичным образцам.

¹ Олонецкий сборник. Вып. 3, Петрозаводск, 1894, с. 341.

Резной иконостас поражает техникой исполнения, сложностью и выразительностью орнамента, пышностью позолоты, чем резко выделяется на фоне простого и скромного облика церкви.

Первоначальный тябловый иконостас, с его тонким мелодичным травным орнаментом, был глубоко созвучен интерьеру, где достойным аккомпанементом живописи служили смолистые, гладко обработанные топором стены храма. Однако художественные достоинства, как это нередко случалось, принесены в угоду требованиям официальной церкви, погубившей в своем стремлении к благолепию немало подлинных шедевров народного искусства.

Помимо иконостаса, убранство собора состоит из двух филенчатых, позднего происхождения клиросов. Близ средних, «царских», врат, ведущих в алтарь, стоит группа старинных подсвечников. Умело исполненные, с росписями, стилистически близкими травному узорочью балок-тябл потолка, выдержанные в мягкой цветовой палитре, они красноречиво свидетельствуют о том, насколько тонко чувствовал своеобразие интерьера деревянного храма работавший над их созданием мастер.

У левого клироса укреплен большой восьмиконечный крест. Свое место он занял как уникальный памятник народной деревянной скульптуры. Крест привезен из деревни Марциальные Воды, где стоял у дороги с 1737 года.

Несколько неожиданны в церковном помещении лавки, сделанные по образцу и подобию встроенных скамей трапезной. Скамьи эти — убедительное свидетельство того мирского начала, которое положено в основу общего решения храма. Высокое, подобное трибуне крыльцо, просторная трапезная, да и само церковное помещение служили местом для оживленного обсуждения мирских вопросов, подчас не связанных с отправлением религиозного культа. Достаточно вспомнить эпизоды изгнания кижанами неугодных священников, события Кижского восстания, чтобы убедиться в этом.

Помимо исключительных художественных достоинств, храм Преображения — уникальный памятник инженерного искусства России начала XVIII века. И надо сказать, что именно эта ценностная сторона памятника, бесспорно заслуживающая внимания, зачастую воспринимается крайне примитивно и сводится к лишенным серьезного основания толкованиям о безгвоздевой конструкции храма, претендующей стать наиболее ярким проявлением его самобытности. Пожалуй, ничто так не мешает по достоинству оценить неповторимость этого сооружения, как навязчивое стремление во что бы то ни стало разоблачить версию безгвоздевой постройки, в единый миг разрушить тем самым всю славу Кижей.

Срубы здания сложены в основном способом «в обло», в отдельных случаях применена кладка венцов «в шип». Подобным образом и донныне сооружается большинство деревянных построек, причем сегодня, как и много лет назад, венцы сруба никогда не соединяются гвоздями. В этом смысле Преображенская церковь не отличается от любой современной рубленой постройки.

Возводя Преображенскую церковь, строители думали не только о красоте ее форм, но и о конструктивно-технической стороне, от которой зависела ее сохранность и долговечность. Повалы, бочки, полицы, причелины, подзоры — все это поставлено на службу защиты сооружения от разрушающего действия осадков. Открытая всем ветрам, даже при косом дожде церковь быстро продувается и высыхает.

Кроме этого, основной восьмерик представляет собой своего рода аэродинамическую трубу, в которой в зависимости от разницы температуры внутри и снаружи помещения постоянно циркулируют воздушные потоки.

Внимательный взгляд не могут не привлечь два выпуска специально обработанных бревен на обнаженных гранях основного восьмерика с юго-западной и северо-восточной сторон. Они выходят прямо из центра сруба. Если сравнить

их с точно таким же образом обработанными концами потоков, которые под углом идут от сходящихся полиц бочек на соседних гранях третьего яруса, то становится ясно, что это концы водостоков. Они проходят под самым центром храма, пересекая его по диагонали. Что это за водостоки, зачем они нужны? Чтобы предохранить расписное небо храма от попадания влаги, над ним устроена внутренняя двускатная кровля. Сделана она из толстых тесаных досок, слоя бересты и обрешетки под бересту. Под стыком ее скатов и лежат долбленные, наклонно расположенные водостоки, или потоки.

Все бревна, уложенные в срубы, несут на себе отчетливые следы обработки топором. Неизгладимое впечатление оставляют рубленные торцы бревен: при их обработке действительно не применялась пила, вошедшая в плотницкий обиход лишь в XIX веке. Но не следует спешить с выводами относительно технической отсталости края. Оказывается, при поперечной рубке древесины поры ее накрепко забиваются и становятся недоступными для влаги. Подмечено, что здания рубленные, в самом прямом и полном значении этого слова, сохраняются лучше. Преображенский собор — убедительный тому пример.

Искусно выполнено лемеховое покрытие. Каждая из пластин, предварительно вырубленная из осины, обработана в виде уступчатых городков. Обшивку лемехом вели рядами, начиная снизу. При этом каждый последующий ряд закрывал стыки между дощечками предыдущего.

Наибольшего мастерства требовало покрытие главок — здесь лемех имел сложную форму и отличия в размерах пластин для нижних, средних и верхних рядов. Самые миниатюрные дощечки лемеха подведены под основания крестов.

Чтобы оценить работу кижских кровельщиков, надо принять во внимание, что количество лемешин на бочках и главах Преображенской церкви достигает более тридцати тысяч!

И каждый лемех вытесан топором, и в каждом чувствуется нестынувшее тепло человеческих рук.

О многом может рассказать и биография памятника.

Как показывают исследования научных сотрудников музея «Кижы» Б. А. и В. А. Гузиных, изучавших писцовые книги Обонежской пятины Великого Новгорода, первое упоминание о Кижском погосте встречается уже в 1496 году. В писцовой книге 1616 года дано краткое описание погоста, в котором, в частности, говорится, что деревянная церковь Спаса Преображения с папертью имела шатровый верх.

Народные предания упорно связывают местонахождение первых христианских храмов Кижского острова с самой возвышенной его частью — Нарьиной горой, однако археологическая разведка в 1980 году не подтвердила этого.

Преображенская церковь была освящена в 1714 году, о чем впервые сообщил академик архитектуры Л. В. Даль, проводивший обследование памятника летом 1876 года. В 1907 году, по просьбе императорского Московского археологического общества, преподаватель Петрозаводской духовной семинарии, известный карельский краевед Н. С. Шайжин составил на основании архива Олонецкой духовной консистории список старейших церквей губернии, в котором не только подтверждена датировка Преображенской церкви, но и указано время постройки другого памятника, Покровской церкви, — 1764 год.

Убедительным доводом в пользу такой датировки главного сооружения Кижского ансамбля служила существовавшая до недавнего времени на южном побережье Онежского озера Покровская церковь села Анхимово, которую все исследователи единодушно считают непосредственной предшественницей Преображенского собора. Храм села Анхимово, возведенный в 1708 году, отличался разительным композиционным сходством с Кижским собором.

В настоящее время высказывается предположение, что создателем обеих церквей был один и тот же мастер и что,

возможно, строила их одна и та же плотницкая артель. Как ни заманчиво подобное предположение, прямых доказательств ему пока нет.

Преображенская церковь стала наиболее совершенным образцом Прионежской школы многоглавых храмов. Только по берегам Онежского озера, помимо этого памятника и храма села Анхимово, заслуживают упоминания Дмитриевская церковь в деревне Щелейки и церковь Иоанна Предтечи погоста Шуя. В 1712 году на территории Клименецкого монастыря в полутора десятках верст от Кижей была возведена церковь Живоначальной троицы, имевшая отчетливое сходство с перечисленными сооружениями.

Архитектура Преображенской церкви воплотила в себе высшие достижения основных направлений в развитии деревянного церковного зодчества рубежа XVII—XVIII веков. План собора роднит его с храмами крещатыми, наиболее сложными, позволявшими создавать исключительно разнообразными композициями; последовательность трех поставленных друг на друга восьмигранных срубов рождена практикой строительства ярусных церквей, дававших возможность возводить здания большой высоты.

Общее же композиционное построение, включая ярусное членение и живописное многоглавие, подчинено главной задаче — сообщить сооружению явственное сходство с шатровыми храмами, с их удивительными пропорциями и высотой. Не случайно шатровые церкви в течение столетий были основными среди храмов Русского Севера. Следует добавить, что практика их возведения совершенствовалась также при сооружении колоколен и сторожевых башен.

Ценность Преображенской церкви многозначна. Это блестящий синтез архитектуры, живописи, прикладного искусства и инженерной мысли Русского Севера начала XVIII века. И как всякое гениальное творение, созданная руками северных мастеров, она стала ярким памятником всей русской культуры. Как гениальное творение, она принадлежит

не только своему времени, но близка и дорога нам, людям XX века.

Сегодня Преображенская церковь — прежде всего памятник, одухотворенный народным гением, находившим силы творить даже в самых тяжелых условиях дореволюционной России, под игом феодалов и верной их сподвижницы — церкви. Для духовенства не существовало уникального памятника; в противном случае как объяснить назойливую тягу служителей культа к искажению его первоначального облика? Коснулось это не только уничтожения старого тяблового иконостаса. В XIX веке дощатая обшивка закрыла наружные стены; лемех был безжалостно уничтожен, а главки и бочки закованы в листовое железо. Восторжествовало официальное благолепие. Таким, до неузнаваемости искаженным в угоду церковнослужителям, храм простоял долгие годы.

Вторым рождением памятник обязан советским исследователям и реставраторам. Уже в 1926 году сюда, в Кижы, прибыл выдающийся советский ученый, большой энтузиаст в области изучения и сохранения памятников зодчества И. Э. Грабарь. Первые исследования церкви он провел совместно с архитектором-реставратором П. Д. Барановским. В последующем кижский храм детально обследовала бригада архитекторов в составе А. Н. Буйнова, Л. М. Лисенко и И. К. Рыбченко. С 1949 года ведет здесь исследовательскую работу архитектор А. В. Ополовников, по проекту и под наблюдением которого в 1949—1959 годах памятнику был возвращен облик, близкий первоначальному.

В 1984 году Преображенской церкви исполнится 270 лет. Более двух веков противостоит она разрушительной стихии дождя, ветра, мороза. Но, к сожалению, дерево — материал недолговечный. Пришло время, когда состояние уникального памятника стало вызывать серьезную тревогу. Понадобилось его конструктивное укрепление. К решению этой проблемы были привлечены многие научно-исследовательские институты и учреждения страны.

В течение нескольких лет изучением состояния древесины, конструкций сооружения, поисками способов его спасения занимались ученые и специалисты Ленинградского инженерно-строительного института, Сенежской лаборатории химической консервации древесины, Московского архитектурного института. На основании их рекомендаций объединением «Росреставрация» и институтом «Спецпроект-реставрация» разработан проект инженерного укрепления и реставрации памятника, который в настоящее время осуществляется.

ПОКРОВСКАЯ ЦЕРКОВЬ

Прошло полвека, и рядом с Преображенским собором поднялось многоглавие Покровской церкви. Сложность при ее сооружении состояла в том, что нужно было не только возвести новый храм, но и сделать его органической, составной частью ансамбля.

В основу композиции здания положен объем основного церковного помещения — восьмерик на четверике, который связывает в единый комплекс придел алтаря, трапезную, сени и крыльцо.

В целом памятник отличается ясным, читаемым с первого взгляда композиционным построением, в котором каждая из составляющих свободно реализует свои неповторимые выразительные средства — будь то фасонный излом бочечной кровли алтаря, нарядное многоглавие верха или гостеприимное крыльцо. В согласии образного языка отдельных частей сооружения велика роль ключевого элемента эмоционального воздействия — восьмерика.

Восьмерик играет важную роль в создании живописного силуэта: поставленный на мощный четверик, обогашенный повалом — плавным расширением сруба в верхней части, окаймленный фронтонным поясом, он резко выделяется на фоне светлого северного неба. Ощутимая

кряжистость его, несомненная мощь разительно контрастируют с легкостью венчания, отчего все девятиглавие кажется невесомым, парящим в воздухе. Контрастные построения — отличительная особенность архитектуры Покровской церкви — служат созданию ярко индивидуального художественного образа и играют существенную роль в образном строе ансамбля в целом.

Центральный столп Покровской церкви традиционен для церквей подобного типа. Примером тому могут служить несохранившиеся церковь села Деревянное 1683 года и Варлаамовская церковь Рыборецкого погоста 1693 года. Упомянутые памятники стояли на западном побережье Онежского озера. Храмы Деревянного и Рыбреки венчались шатрами. Высказываются предположения, что и кижская Покровская церковь первоначально была шатровой и лишь впоследствии, ради создания более целостного ансамбля, ей было придано существующее ныне уникальное девятиглавие. И хотя в пользу такого предположения говорят следы врубок, необходимых для возведения шатра, обнаруженные архитектором Л. М. Лисенко, тем не менее мы еще не располагаем достаточным количеством фактов, чтобы утверждать это со всей определенностью, как и не располагаем убедительными сведениями, чтобы говорить о более ранней датировке сооружения¹.

При восприятии Покровской и Преображенской церквей большое значение для понимания композиционного единства ансамбля имеют их крыльца. Поднятые высоко над землей, возвышаясь над оградой, они зрительно связывают воедино оба памятника, как бы прочерчивая линию горизонта.

По конструкции и декоративным деталям крыльцо Покровской церкви тождественно крыльцам крестьянских

¹ Б. Гушин, Е. Еленевский. Загадки нижних куполов.— Север, 1982, № 4, с. 92—94.

домов — та же простота, выразительность, отточенность каждой детали. Многие роднит эту церковь с гражданскими постройками: и кладка сруба «в обло», и высокий подклет, и безвоздевая крыша с потоками, причелинами и полотенцем.

Безвоздевую крышу можно увидеть в музее и на часовне, и в покрытии мельничной клетки, и над срубом риги.

Конструкция такой кровли подкупающе проста. Бревна, образующие треугольные фронтоны противоположных стен, связываются попарно длинными продольными брусками — слемами. В полученный каркас врубаются «курицы» — небольшого сечения перекладины с загнутыми кверху концами. Своим названием курицы обязаны обработке окончаний, принимавших нередко вид птичьих голов. На крючья куриц укладывали квадратного сечения брус с глубоким пазом со стороны, обращенной к гребню крыши; в этот паз вставлялись нижние концы теса.

Оба образованных таким образом ската накрывались сверху массивным брусом с вырубленным заранее желобом, под которым и сходились кровельные плоскости. Верхний брус, получивший название шелома, предохраняет стык скатов от попадания воды и закрепляет тес.

Срубы здания возведены на сплошном фундаменте из местного камня: в нижней части устроен высокий, достигающий двух метров, подклет. Покровская церковь была задумана как зимний храм. Поэтому желание максимально поднять над землей уровень пола внутренних помещений оправдано и рационально.

Сруб сложен по способу «в шип» и «в обло», причем последний прием нашел применение лишь при возведении несущих конструкций.

Как и в каждом из деревянных памятников, здесь создана надежная система водоотвода, продуманная в целом и в деталях. Первоэлементом ее служит лемеховое покрытие барабанов и главок. На стыках

барабанов с восьмигранниками оснований выведены покатые воротнички полиц, служащие дополнительным водостоком. Восемь скатов кровли устроены под углом, что способствует быстрому стоку воды. Крыша над восьмериком, благодаря повалу, далеко выносится от сруба, защищая его от попадания влаги. Полицы над углами основного помещения и скаты крыши над сенями и трапезной дополняют комплекс средств, предохраняющих сруб от губительного действия сырости.

Интерьер церкви построен наподобие анфилады, ибо внимание каждого, кто переступил порог сеней, уже приковано к виднеющемуся сквозь широкий портал трапезной живописному иконостасу. Таков и был, по видимому, замысел строителей Покровской церкви. К сожалению, первоначальный облик интерьера подвергся значительным искажениям в XIX веке.

Прежде всего это коснулось «реконструкции» иконостаса. В 1865 году старые иконы с расписными тяблами были заменены новыми, напоминающими дурно исполненные олеографии.

Тогда же были растесаны окна, разрушена стена между трапезной и церковным помещением, уничтожены лавки. Бревенчатые стены помещения были оштукатурены.

Все эти поновления резко противоречили первоначальному облику церкви, сводили выдающееся творение зодчих до заурядной культовой постройки, нелепо перекраивали его согласно господствовавшему духу безвкусицы и эклектики. Поэтому вполне естественным было решение при реставрации памятника не только не восстанавливать дошедший до нашего времени обветшавший иконостас 1865 года, но и вовсе исключить его из интерьера.

Ныне здесь восстановлен присущий деревянным церквям тябловый иконостас; он составлен из икон, собранных в деревнях Заонежья. Разновременность их написания и определенное стилевое различие позволяют

проследить эволюцию в развитии иконописи в период XVII—XVIII веков.

Несомненный интерес представляют невысокие царские врата. В верхней части их створок — сцена «Благовещения»; ниже, в четырех просторных клеймах, — евангелисты: слева — Иоанн и Лука, справа — Марк и Матвей. Створки врат подведены под навершие с изображением сцены причащения апостолов — Евхаристии. Живопись клейм прекрасно гармонирует с нежным золотистым фоном врат.

Разнородна по стилю и живопись праздничного ряда, не лишенного подлинных шедевров. К числу лучших икон в этом ряду принадлежит «Успение Богоматери», «Въезд в Иерусалим», «Флор и Лавр».

В композиции «Въезд в Иерусалим» на первом плане — Христос, приближающийся к стенам града Иерусалима на ослике. За главным персонажем следует сходящая с горы группа, возглавляемая апостолом Петром. О происходящем безмолвном диалоге говорят порывистый жест Петра, ракурс фигуры Христа и его взор, обращенный к апостолам. Справа, под стенами града, стоят встречающие.

Одним из достоинств иконы является ее нежный, с преобладанием теплых тонов, высветленный колорит.

Фоном переднего плана служит схематично трактованная гора, выписанная охрой в сочетании с бледно-розовым и приглушенным белилами зеленым цветами. Сверкающую мозаику образует в правом верхнем углу изображение города: здесь сконцентрирована вся собственная палитра — белый, розовый, красный, желтый, оливковый и зеленый цвета. Город представляет собой часть вольную трактовку каменных зданий, частью изображение хорошо знакомых художнику шатровых сооружений.

Уравновешенная композиция и безукоризненный рисунок позволяют видеть в авторе «Въезда в Иерусалим»

не только талантливого живописца, но и хорошего рисовальщика. Чего стоят, например, естественная поза постилающего одежды юноши или изображение забравшихся на дерево мальчиков!

Почерк северного художника всегда своеобразен. Кроме палитры, сдержанной, порою не выходящей за пределы пяти-шести цветов, рисунок местных мастеров отличается естественностью пропорций, что делает его несколько тяжеловатым по сравнению с изображениями на иконах Москвы и Ростова. Вместе с тем он не лишен своеобразного обаяния. Весь строй северной иконописи близок крестьянскому искусству — росписям дуг, прялок, фронтонов домов, резной посуды.

Привлекательность крестьянского искусства — не в утонченности трактовки изображаемого, а в исключительно непосредственном отношении к нему. Если иконописцы-профессионалы разделялись на мастеров доличных, писавших одежды, позолотчиков, мастеров архитектурного фона, знаменщиков, набрасывавших общие контуры композиции, то живописец-крестьянин объединял всех их в одном лице. Поэтому он нередко отступал от правил иконного письма — не всегда прибегал к грунтовке левкасом, краски брал не покупные, заморские, но делал их сам.

Конечно, по технике исполнения деревенский мастер уступал иконописной артели. Однако едва ли можно поставить под сомнение, что, находясь наедине с будущим произведением, выполняя его самостоятельно, он во всех деталях был предельно правдив и во всем следовал своим художническим воззрениям. Поэтому произведения северной живописи неправомерно сравнивать с древнерусской живописью лучшей поры — такое сравнение отнюдь не поможет в постижении ни того, ни другого явления. Язык северной иконописи позднего времени — XVII—XVIII веков — глубоко своеобразен и до конца еще не разгадан.

При реставрации церкви, помимо восстановления иконостаса, во внутренних помещениях была удалена штукатурка, восстановлена старая планировка, заменены детали кровли и снята тесовая обшивка с наружных стен здания. Тщательно реставрировано крыльцо. Работы по восстановлению памятника велись в течение 1956—1959 годов, согласно проекту архитектора А. В. Ополовникова.

Первоначальный натурный осмотр памятника был осуществлен И. Э. Грабарем совместно с П. Д. Барановским в 1926 году. В 1945 году исследовательские работы продолжили архитекторы Л. М. Лисенко, А. Н. Буйнов и И. К. Рыбченко. В 1976 году закончились работы по химической пропитке древесины, проводимые под руководством доктора технических наук С. Н. Горшина.

КОЛОКОЛЬНЯ

История постройки колокольни раскрывает интересную страницу создания Кижского архитектурного ансамбля.

Как свидетельствуют формулярные ведомости о церквях Кижского погоста Петрозаводского уезда за 1852 год, существовавшая в то время колокольня изрядно обветшала. К постройке новой приступили в 1862 году. Согласно другому документу — «Сведения о состоянии Кижского прихода по указанию предметов ежегодного донесения», старую колокольню срыли и, заложив фундамент, в том же году построили новую. Однако это сооружение выглядело столь негармонично рядом с существующими церквями, что вскоре колокольню решено было перестроить.

Работа «была отдана на подряд крестьянину Повенецкого уезда Пудожского общества Сысою Осипову.., который все плотничьи и столярные работы произвел добросовестно и прочно». (В церковной летописи Кижского

погоста за 1874 год указано имя подрядчика — Сысой Осипович Петрухин.)

Перестройка была завершена в 1874 году. Возводя новую колокольню, мастера-плотники существенно изменили объем и пропорции ее предшественницы.

Каждый из памятников ансамбля отмечен печатью своей эпохи. Черты, свойственные деревянной архитектуре конца XIX века, сказались на облике кижской колокольни. Однако она несет на себе не только печать времени, в основе ее — традиционные приемы, сложившиеся в народном зодчестве в предшествующее время. Об этом, в частности, свидетельствуют и выбор места для возведения нового сооружения, безошибочно определенный еще в начале XVIII века при постройке колокольни-предшественницы, и издавна излюбленная плотниками композиция «восьмерик на четверике» с шатровым венчанием. Уже одно это говорит о ценности памятника и ставит его в ряд многочисленных, но, увы, не дошедших до нашего времени сооружений подобного типа, ассоциирующихся с суровыми сторожевыми башнями рубленых деревянных крепостей.

Порубежное положение края вызвало к жизни многочисленные сторожевые ограды с башнями. Они достигли здесь высокого технического совершенства. В середине XVII века Олонец, один из старейших городов Карелии, был окружен деревянной стеной длиной 713 сажен (1083 м — *ред.*), над которой возвышались 19 сторожевых башен. Сохранилось описание одной из них: «Башня на воротех, рублена в 6 стен в трехсаженном сосновом лесу, лес в отрубе шти и семи вершком (27—30 см — *ред.*); на ней кровля шатровая да караулня, а по мере башня с кровлею и с караулнею вверх 14 сажен, а в ней три моста, бои пушечные и пищальные трои»¹. По самым

¹ Р. Б. Мюллер. Очерки по истории Карелии XVI—XVII вв. Петрозаводск, 1947, с. 153.

скромным подсчетам, общая высота башни доходила до 30 метров.

Высота кижской колокольни — 27 метров. Будучи хорошо увязана шатровым венчанием с общей пирамидальной композицией храма Преображения, с подчеркнuto столпообразным объемом церкви во имя Покрова, она через 160 лет после постройки Преображенской церкви завершила формирование ансамбля.

Возводя новую колокольню, мастера-плотники не повторили пропорций ее предшественницы. Четверик-основание пришлось сделать выше, чтобы согласовать его размеры с основными объемами церквей, а высоту восьмерика — уменьшить, чтобы звонница не поднялась выше главной церкви погоста.

Еще сравнительно недавно на звоннице висели колокола, среди которых выделялся один, изготовленный в Голландии в 1559 году. По словам старожилов, он обладал красивым «малиновым» звоном (в числе других этот колокол, к сожалению, утрачен в период Великой Отечественной войны).

С площадки звонницы открывается величественная панорама, охватывающая местность на десятки верст в округе. Как на ладони видна вся территория музея. Отсюда можно детально рассмотреть конструкцию храмов — их ребристые срубы, чешуйчатые главы, причелины, полицы водостоков — все, что создает единую гармонию красоты.

Обследование памятника проведено в 1945 году архитекторами Л. М. Лисенко, А. Н. Буйновым, И. К. Рыбченко, частичная реставрация по проекту А. В. Ополовникова завершена в 1954 году.

ОГРАДА КИЖСКОГО ПОГОСТА

Изломанным островерхим поясом окаймляет памятники Кижского ансамбля рубленая деревянная ограда. Ко времени реставрационных работ первоначальное ограждение не сохранилось. О его присутствии здесь напоминали лишь развалины фундамента и каменного заполнения, позволившие определить точное месторасположение стен.

В самых общих чертах о первоначальной ограде можно судить по гравированному изображению, приложенному ко второму изданию книги Н. Я. Озерецковского «Путешествие по озерам Ладожскому и Онежскому», выполненному с принадлежавшей автору натурной зарисовки. Однако для восстановления ограды во всей подлинности этого было недостаточно.

На помощь пришел прием реставрации по аналогии, то есть в соответствии с приемами и способами сооружения крепостных укреплений в XVIII веке. В основу проекта реставрации положена реальная ограда Ильинского погоста на Водлозере. В полном соответствии с ее конструкцией на остатках фундамента возведены в Кижях стены и главные ворота, обращенные в сторону пристани, как это и было ранее, судя по сохранившемуся рисунку.

Центральный вход представляет собой два слитых со стеной прямоугольных сруба, образующих проем для ворот и калитки. Срубы объединены общей двускатной кровлей, образующей широкий навес с внешней стороны.

В праздничные дни отворялись забранные тесовыми полотнами проемы срубов — здесь устраивались своеобразные торговые ряды. Северо-западный угол ограды, следуя рельефу местности, опустился ниже остальных, прижав к самой воде тропинку, ведущую от пристани. Стык северной и западной стен, наиболее удаленный от памятников ансамбля, акцентирован невысокой башенкой с плавным повалом и четырехскатной крышей; она напоминает угловое завершение Ошевенского погоста Архангельской области.

Калитки северной и восточной стен выполнены по образцу сохранившихся в Почезерском погосте бывшей Олонецкой губернии (ныне Архангельской области). Большим изяществом и строгостью отличается оформление калитки, обращенной в глубь острова. Ее ажурное полотно, сотканное подобно кружеву, оправлено в крепкую обвязку косяков под стройным четырехгранным шатром кровли с широкими скатами полиц.

Несмотря на свойственную реставрации по аналогии условность, ограда, восстановленная в 1956—1959 годы под руководством А. В. Ополовникова, бесспорно, способствует более глубокому восприятию ансамбля как целостного художественного организма. Проведение реставрации не преследовало цель показать во всем величии оборонную мощь старинных укреплений. Цель проделанной работы — в восстановлении самой атмосферы, свойственной архитектурным ансамблям в их привычном окружении.

СКОЛЬКО РАКУРСОВ — СТОЛЬКО ФАСАДОВ

С какой бы точки мы ни осматривали памятники Кижского погоста, они все время предстают в неповторимом сочетании: то горделиво выдвинется на первый план храм Преображения, то пронзительно глянет зоркой звонницей колокольня, то, вовсе спрятав шатровый верх, ансамбль представится двумя многоглавыми храмами. Сколько ракурсов — столько фасадов. Счастье сотворчества принадлежит тут всякому, кто наделен способностью двигаться, видеть, восхищаться, ибо нельзя не восхищаться емкостью, неисчерпаемостью художественного образа, рожденного творческим горением древних зодчих.

Основной мотив, которому подчинены памятники погоста — пирамидальный силуэт, по-разному переданный в каждом сооружении. Он-то и создает тот настрой, который объединяет все сооружения в единое целое, акцентируя внимание на архитектурной доминанте.

Подчеркивая значимость и выразительность деталей и объемов главного сооружения, «вторые голоса» не только не противоречат мелодии солирующего храма, но всем своим образным строем поддерживают и развивают ее, выступая в качестве полноправных и необходимых участников прекрасно спаянного оркестра.

Однако легко заметить, сколь различны по своему облику Преображенская и Покровская церкви, сколько несходного в сходном. Крещатому плану Преображенской церкви противопоставлен вытянутый прямоугольник Покровской; восьмерику основания — сруб о четырех стенах; динамизму и легкости — подчеркнутая весомость.

Нельзя не отметить и диалогов второстепенных объемов: сведенного на нет алтаря Преображенского храма и полновесного, приукрашенного сочной бочкой алтарного прируба Покровской церкви; просторной, приземистой трапезной летней церкви и нарочито сухих очертаний приподнятого и незначительного по площади притвора зимней.

Столь разительный контраст, помимо исчерпывающего выявления специфики, неповторимости каждого из памятников, красноречиво свидетельствует о широте в выборе выразительных средств, бесконечном варьировании объемов, неумейной фантазии народных зодчих, умевших комбинации знакомых, «типовых» элементов всякий раз обращать в уникальную, неподражаемую, творчески осмысленную композицию.

Проводя идею контрастности в построении ансамбля, зодчие ни на минуту не забывали и о его цельности, подчеркивая моменты, объединяющие его композиционно. Иногда кажется, что все здания ансамбля рождены единым порывом вдохновения, и лишь пристальное знакомство с каждым из них напоминает о том, что их создание разделяет полутравековой период.

Опясаные приземистой оградой основные сооружения выглядят еще более спаянно и внушительно. Нисколько не заслоняя собою памятников, ограда служит более полному

раскрытию их особенностей. О том, насколько проигрывал бы без нее ансамбль, можно судить по сохранившимся старым фотографиям.

Кижский ансамбль принадлежит к лучшим творениям северных зодчих. Его можно не только поставить в один ряд с такими замечательными комплексами, как Юромский погост на реке Мезени, Ильинский погост на Водлозере, погост села Лядины Архангельской области, ансамбль села Турчасово на реке Онеге, но и рассматривать как вершину в создании ансамблей подобного рода. Он тем более уникален, что многие перечисленные памятники по различным причинам не сохранились до нашего времени, и судить о них теперь можно лишь по зарисовкам и фотографиям. Поэтому ансамбль — как и каждая из его составляющих — перерастает свое самостоятельное значение и становится для нас памятником архитектуры широчайшей исторической эпохи. В этом его огромная историческая, социальная и художественная ценность.

ВОКРУГ КИЖСКОГО ПОГОСТА

ЦЕРКОВЬ ВОСКРЕШЕНИЯ ЛАЗАРЯ

Рядом с основным архитектурным ансамблем стоит уникальная по своей простоте и древности церковь Воскрешения Лазаря. Миниатюрное сооружение рядом с громадой кижских церквей как бы символизирует путь, который прошла культовая архитектура от истоков до величественных творений деревянного зодчества XVII—XVIII веков.

Строительство ее связано с историей одного из первых монастырей на территории Карелии — Муромского, возникшего в XIV веке на восточном побережье Онежского озера. Предание связывает возведение церкви с деятельностью новгородского миссионера Лазаря, умершего 8 марта 1391 года, в возрасте 105 лет.

Однако исследователи, изучавшие состояние древесины и конструктивные детали, с большой достоверностью датируют постройку церкви XVI веком.

Ведущим элементом трехчастной композиции сооружения выступает собственно церковное помещение. Верхние венцы сруба образуют небольшой повал, который перекрыт крутой кровлей, напоминающей клинчатое покрытие более поздних храмов. Скаты кровли выстланы красным тесом, концы которого обработаны в виде усеченных пик. В солнечную погоду контрастная тень от них падает на стены, украшая их узорчатым орнаментом. Кровельный тес проторен: вдоль лицевой части тесин имеются округлые лож-

бинки, которые делают крышу более выразительной, лишая ее унылой монотонности, и главное — обеспечивают быстрый сток воды.

По сторонам кровли пущены широкие, скупо орнаментированные по нижнему краю причелины. Они закрывают торцы слег кровли от попадания влаги и обеспечивают ее быстрое испарение.

Центральный сруб увенчан небольшой главкой. Барабан и главка поверх тесовой обрешетки обшиты осиновым лемехом.

Южный фасад выделен единственным косячатым окошком.

Внешнему облику основного помещения вторит алтарный прируб — здесь те же рубленые стены, та же тесовая кровля, но в целом он гораздо скромнее: меньше по размерам, фасады его прорезаны волоковыми оконцами, уклон кровельных скатов заметно уменьшен, да и по высоте он ниже основной клетки.

Приземистые сени, не рубленые, а сложенные из тесовых пластин, укрепленных в стойках каркаса, органично завершают силуэт здания. Оттеняя значимость основных частей, подчеркивая по-своему величавый центральный объем, сени наилучшим образом выявляют его грацию. Притвор выполняет композиционную роль, зрительно уравновешивая алтарный прируб. Единство частей церкви подчеркивается массивными венцами, уложенными в основание притвора сеней, и убранством причелин.

Памятник принадлежит к числу наиболее простых церквей «клетского» типа. Такие постройки характеризуются четырехстенным срубом — «клетью» и двускатной крышей, что заметно сближает их с многочисленной группой крестьянских построек — от бани и амбара до избы.

Описание церкви встречается в писцовой книге 1629 года Никиты Панина: «Да за монастырем же, за полем церковь во имя Лазарево воскресенья, деревяна, клецки. А в церкви образов: образ местный Лазарево воскресенья на краске;

образ пречистой Богородицы Одигитрия в краске; дейсус и двери царские и сень и столбцы в краске...»

В конструкции церкви явственно проступают архаичные черты. Среди них выделяется способ припазовки бревен, при котором выемка для сочленения венцов сделана, вопреки обыкновению, в верхней, а не в нижней части бревна.

Кроме того, врубка слег в каждое из бревен фронтонов, отсутствие потолка в алтарном прирубке, наличие волоковых окон — все это свидетельствует о древности памятника и позволяет с достаточным основанием считать его одной из старейших деревянных построек.

Своеобразен внутренний облик памятника. Массивным косякам дверного проема церковного помещения созвучны широкие, ощутимо тяжелые плахи половиц. Художественно-конструктивная простота интерьера способствует наиболее полному восприятию его смыслового центра — иконостаса. Поэтому на редкость скромный двухрядный иконостас Лазаревской церкви не выглядит примитивным.

Наибольший интерес представляют живопись деисусного чина и расписные столбики царских врат, принадлежащие, по всей вероятности, кисти северных мастеров XVI века. Семнадцать сохранившихся в иконостасе икон относятся к XVI—XVIII векам, шесть из них — с изображениями архангелов Гавриила и Михаила, апостолов Петра и Павла, святых Флора и Лавра (деисусный ряд) — восходят к XVI веку. Все они написаны на цельных липовых досках, без павлоки.

Церковь Воскрешения Лазаря, перевезенная в 1961 году в Кижский музей, обрела здесь свой первоначальный вид. Она восстановлена в соответствии с обликом, предшествовавшим ее поновлениям и наивной попытке «консервации». Выше восьмидесяти лет простояла церковь, упрятанная в короб-футляр, сооруженный в 1886 году. Согласно плану развития музея-заповедника церковь будет перенесена в Пудожский сектор.

Реставрация памятника, проведенная в 1961 году по

проекту архитектора А. В. Ополовникова, с учетом детального обследования и сохранившихся обмеров, сделанных в 1876 году академиком архитектуры Л. В. Далем, позволила с большой достоверностью восстановить творение древних мастеров.

ЧАСОВНЯ АРХАНГЕЛА МИХАИЛА ИЗ ДЕРЕВНИ ЛЕЛИКОЗЕРО

Подобно церкви Лазаря, в основу часовни архангела Михаила положена трехчастная композиция, в которой ясно различимы основные компоненты: сени, трапезная и собственно часовня.

Основная часть выделяется высотой и своеобразной конструкцией кровли. Каждая из сторон крыши образована сочетанием пары плоскостей: над легкими подкрылками, отороченными снизу потоками, нависают верхние скаты, выложенные из красного теса.

На шеломе, объединяющем скаты кровли, водружен барабан с главкой. В месте соединения главки с барабаном выпущен изящный гонтовый воротничок, сделанный, как и лемех, из тонких осиновых пластин.

Причелины в меру орнаментированы резьбой, нижние их концы завершаются традиционными розетками и капельницами. Вниз от шелома ниспадают узкие, сквозной резьбы полотенца.

Все это придает помещению часовни яркий, праздничный наряд, как запев, сообщая сооружению общий мажорный настрой. Запев этот подхватывается и развивается и в облике колокольни, и в ритме оконных проемов, и в пластике срубов. Помещение собственно часовни уравновешено сенями, над которыми возвышается звонница. Колокольня построена по традиционной схеме — «восьмерик на четверике».

Небольшой, с едва заметным повалом, восьмерик звонницы венчается шатром, опирающимся на девять столбов. Звонница кажется нарочито приземистой, чему способствуют горизонтали двух просторных воротников, заметно снижаю-

щих вертикальную устремленность динамичной самой по себе шатровой колокольни. Шатер несет миниатюрную маковку, имеющую у подножья барабана слезниковый пояс.

Площадка звонницы обнесена по периметру низкими глухими перилами. Под козырьком верхнего воротника укреплены парные прорезные подзоры.

Повторение одних и тех же деталей в различных вариациях — характерная особенность этого архитектурного памятника. Однако детали не заслоняют общего, а помогают раскрыть его, сообщая ему композиционное единство и завершенность.

Особое место в облике памятника принадлежит трапезной: непритязательная сама по себе, приземистая, лишенная нарядной кровли и сочного декора, она надежно связывает смежные с нею приделы, служит созданию крепко спаянного единства основных объемов. Трапезная объединена с четвериком колокольни общей двускатной кровлей; выведенные на северном и южном фасадах трапезной оконца живо перекликаются с окнами собственно часовни.

Внутреннее убранство часовни уступает ее глубоко своеобразному внешнему облику. Интерьер типичен для культовых построек данного типа: гладкие стены, широкие половы, скамьи вдоль стен трапезной. В часовне сохранился двухрядный иконостас — иконы местного и деисусного рядов, написанные в Заонежье не ранее XVIII века. Наибольший интерес представляет «небо» — двенадцать клинообразных икон вокруг медальона с изображением лика вседержителя. Иконы «неба» расчленены тяблами растительного орнамента.

Первое обследование часовни проведено в 1945 году в деревне Леликозеро архитекторами А. Н. Буйновым и И. К. Рыбченко; в 1961 году, после перевозки на остров, памятник реставрирован по проекту архитектора А. В. Ополонникова. Ныне часовне возвращен первоначальный облик, предшествовавший переделкам второй половины XIX века.

Стройность, гармоничное сочетание основных частей сооружения, сообщающее памятнику исключительную цельность, своеобразие декоративного убранства позволяют расценивать часовню архангела Михаила как один из ценнейших в художественном отношении экспонатов музея «Киж», а ее создание считать примечательной страницей деревянного зодчества Карелии.

Согласно плану создания архитектурно-этнографических комплексов часовня будет перевезена в деревню Ямка.

УСАДЬБА ЗАЖИТОЧНОГО КРЕСТЬЯНИНА ИЗ ДЕРЕВНИ ОШЕВНЕВО

Дом Ошевнева — образец характерного для Заонежья типа крестьянского жилища, где в единое целое заботливо и надежно объединены зимние и летние избы, горница, светелка, двор, сарай, чуланы и хлева.

Здание представляет собой сложный комплекс отдельных срубов и клеток — различных по площади и высоте, разнообразных по назначению и предъявляемым к ним требованиям. Тип такой постройки получил в Заонежье название «кошель». Смысл названия толкуется неоднозначно. Одни связывают его с огромными плотами, какие и сейчас можно увидеть на сплаве — в этом случае термин наглядно говорит о размерах строения. Другие склонны вести название от повсеместно употребляемого на Севере кошеля — плетеной из бересты котомки, неперменной спутницы уходящего на промысел рыбака или охотника, способной вместить все необходимое: от съестных припасов до запасных снастей.

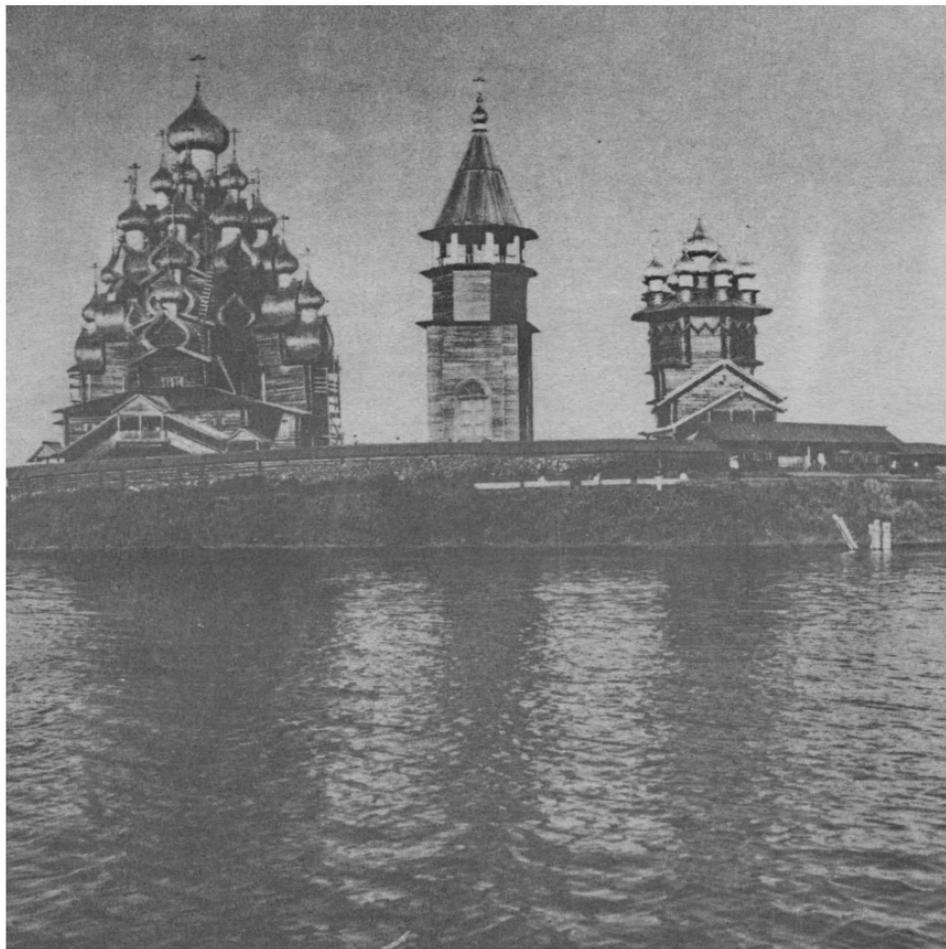
Помимо внушительных размеров, дом Ошевнева отличается богатством декоративной отделки, приближающей его облик к хоромам именитых людей. Три из четырех стен могут претендовать на право называться главным фасадом: каждая настолько нарядна, что за-

трудняешься, какой именно отдать предпочтение. Окна всех фасадов имеют не только наличники, но и ставни; все три стены опоясывает балкон-гульбище; каждый фасад завершен балкончиком.

И все же один из фасадов, тот, что смотрит на запад, на озеро, превосходит достоинства остальных благодаря поднимающемуся над скатом крыши мезонину. Несмотря на необычность такой конструкции в крестьянском строительстве, в данном случае мезонин последовательно развивает тему традиционного заонежского балкончика — неперенной детали большинства крестьянских изб, служит как бы его вторым ярусом и является осязательной осью композиции главного фасада.

В убранстве центральной части западной стены отдано предпочтение деталям, способным организовать пространство по вертикали: резным столбам балкона, завитым жгутом колонкам мезонина, многочисленным балясинам. Вертикальное членение подчеркнуто остроконечным силуэтом фронтона и ажурным полотенцем. Данный прием акцентирует внимание на той части фасада, которая служит своего рода ключом к пониманию всего широко задуманного декоративного убранства дома. Основой замысла было достижение излюбленного русским человеком узорочья, которое можно отметить как характерную особенность его природного художественного дарования.

В целом задумка бесспорно удалась: дом празднично наряден, во всем его облике чувствуется присутствие состоятельности, подчеркнутой домовитости. Однако при достижении поставленной цели мастера, строившие дом, настолько увлеклись, что привнесли в декор приемы, свойственные каменной, городской архитектуре. Это точеные балясины перил, напоминающие убранство барских особняков, полуциркульные арки на фронтонах, заимствованные у городских сооружений, и филенчатые ставни окон.

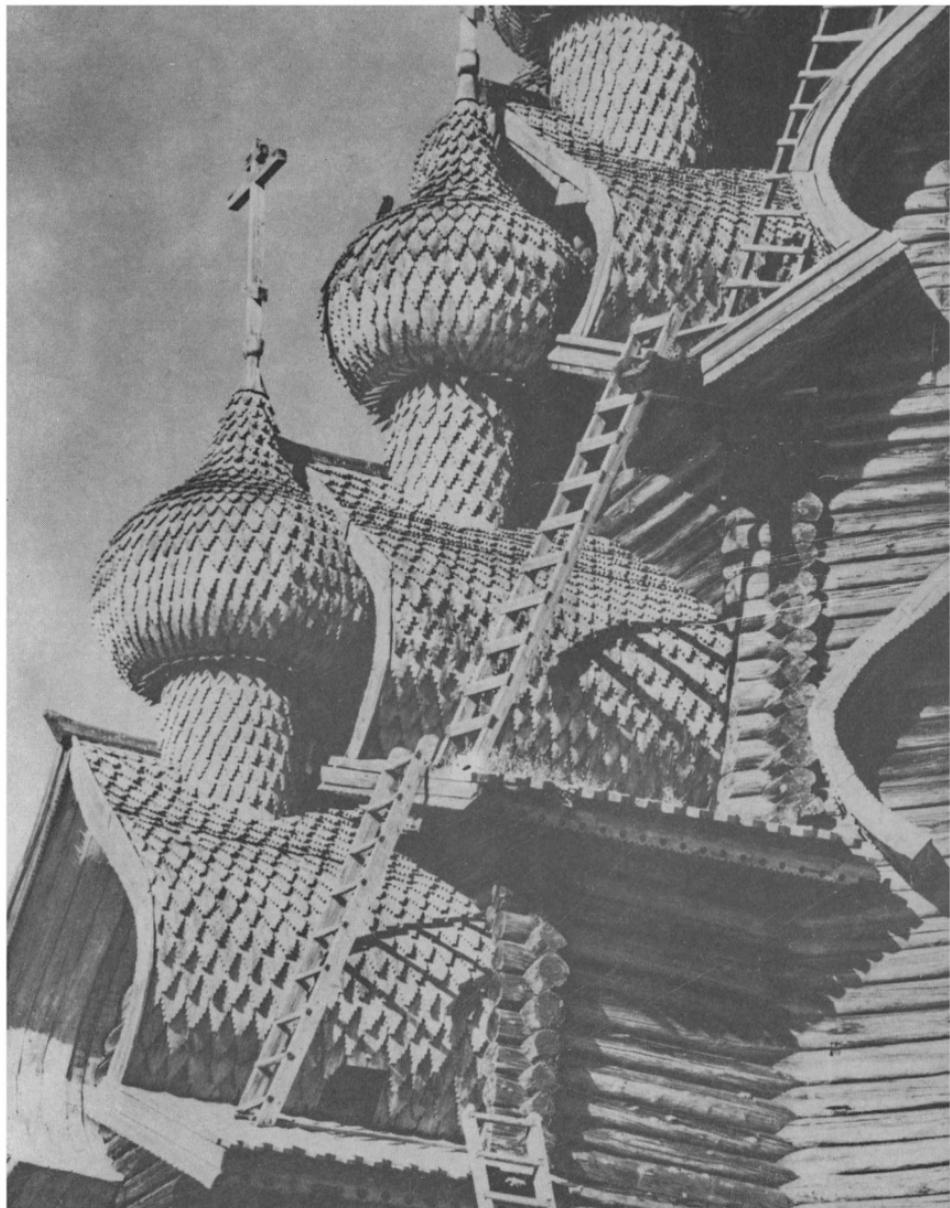

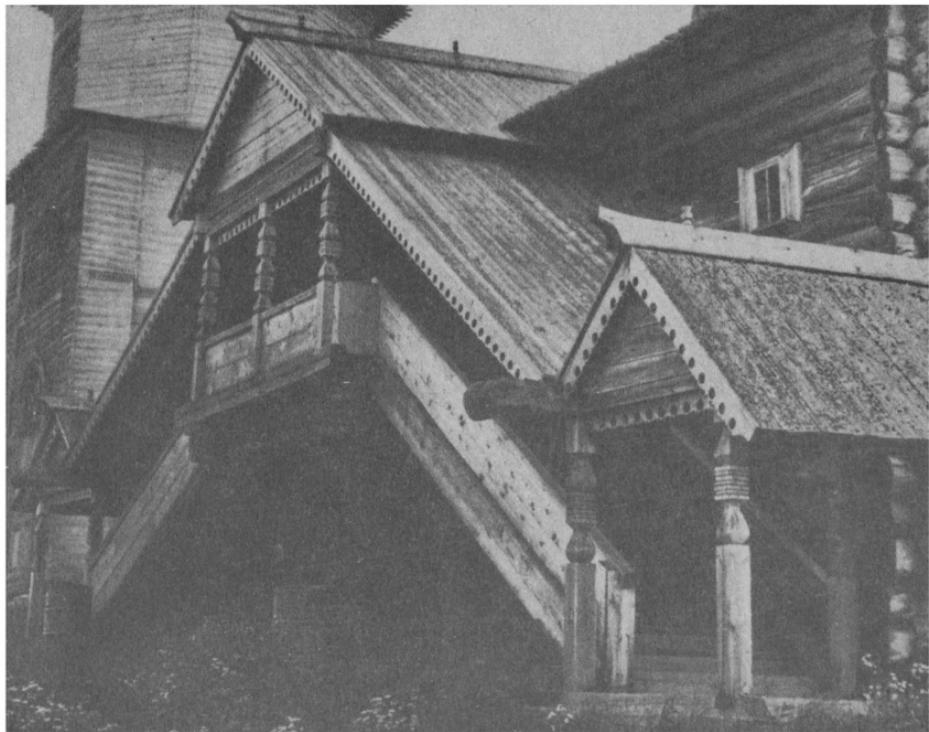
Ансамбль Кижского погоста
XVIII—XIX вв

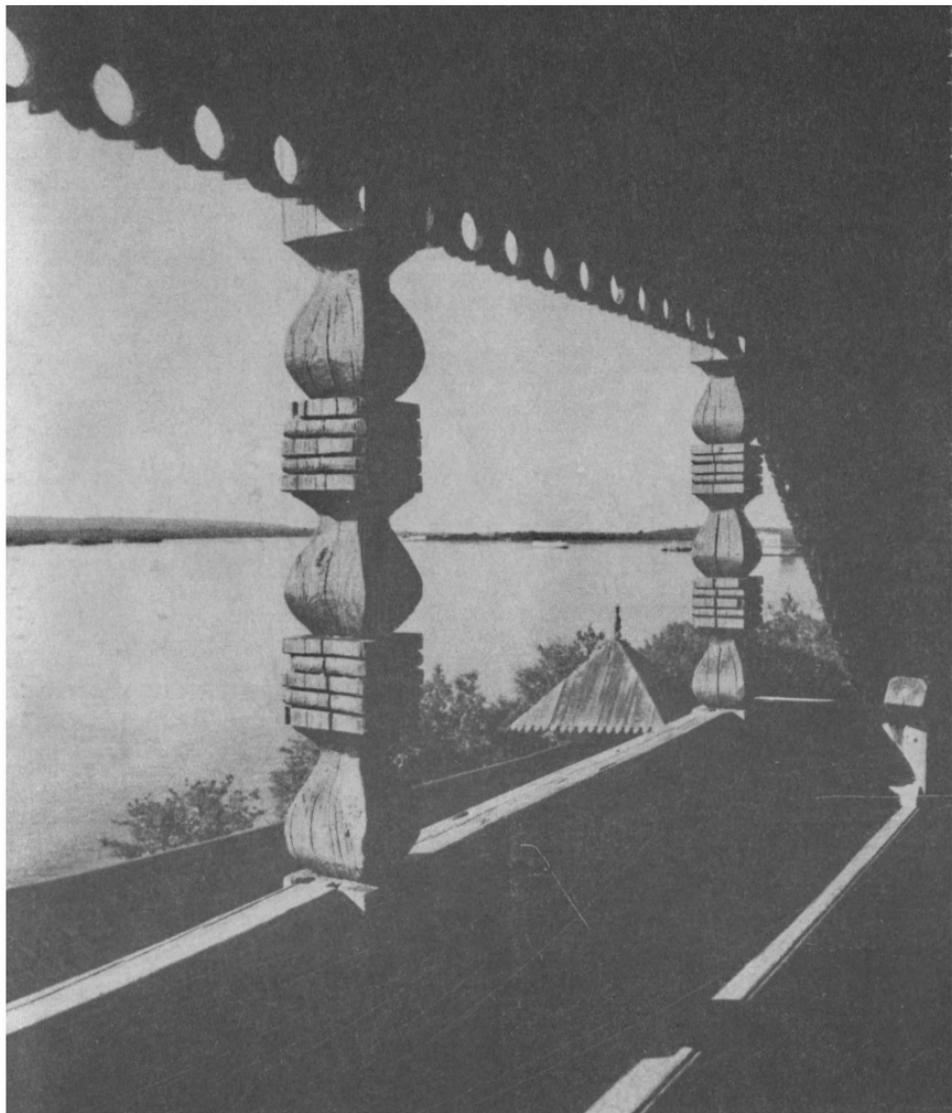
Преображенская церковь Кижского погоста 1714 г.

Западный прируб. Главки первого, второго и третьего ярусов

Преображенская церковь. Крыльцо.

Вид с крыльца

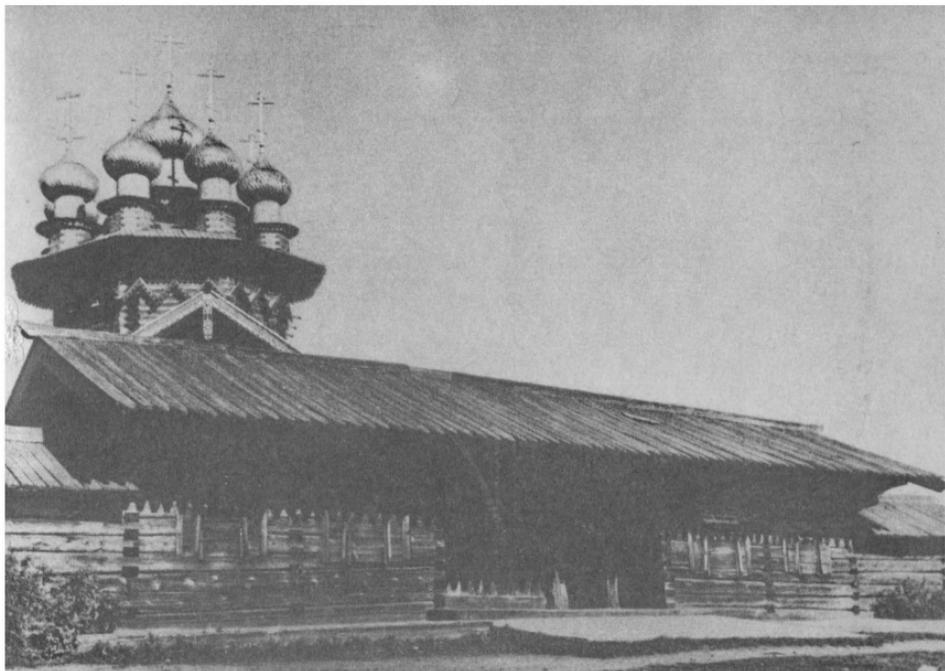

Покровская церковь Кижского погоста.
1764 г. Северо-западный фасад

Вид с колоколъни на остров Кижѝ

Колокольня Кижского погоста. 1874 г
Западный фасад

Ограда Кижского погоста. Главный вход

Церковь Воскрешения Лазаря. Из бывшего Муромского монастыря Пудожского района. XVI в. (?) Юго-восточный фасад.

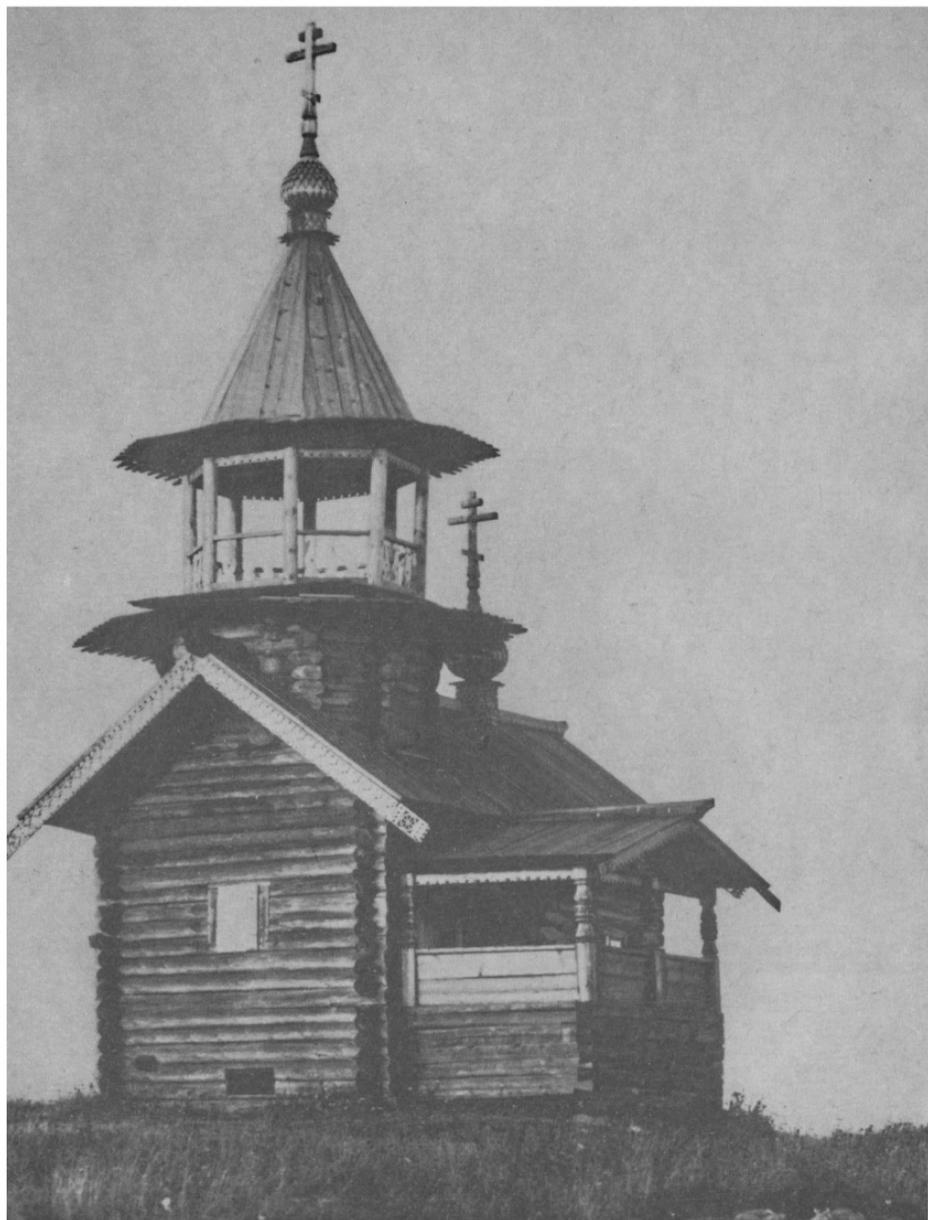
Часовня архангела Михаила из деревни
Леликозеро Медвежьегорского района.
XVIII—XIX вв. Юго-западный фасад.

Часовня Трех Святителей из деревни Кавгора Кондопожского района. XVIII—XIX вв. Западный фасад

Поток кровли крыльца.

Часовня Успения Богородицы в деревне
Васильево. XVII—XVIII вв. Северо-за-
падный фасад

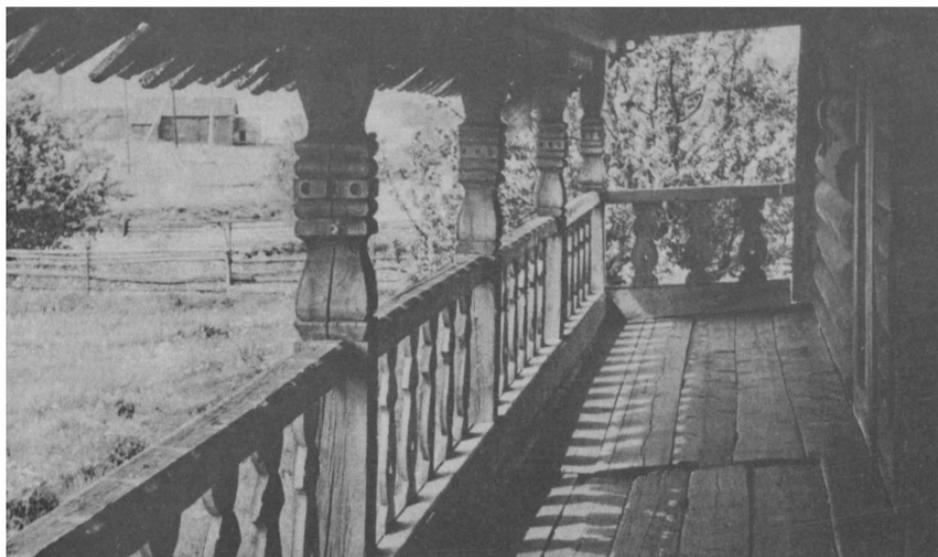
Часовня Спаса Нерукотворного из деревни
Вигово Медвежьегорского района
XVII—XVIII вв. Юго-западный фасад

Часовня Параскевы Пятницы и Варлаама
Хутынского в деревне Подъельники.
XIX в. Юго-западный фасад

Часовня Знамени Богородицы в деревне
Корба. XVIII в. Юго-восточный фасад

Часовня Петра и Павла в деревне Волкостров. XVII—XVIII вв. Юго-западный фасад.

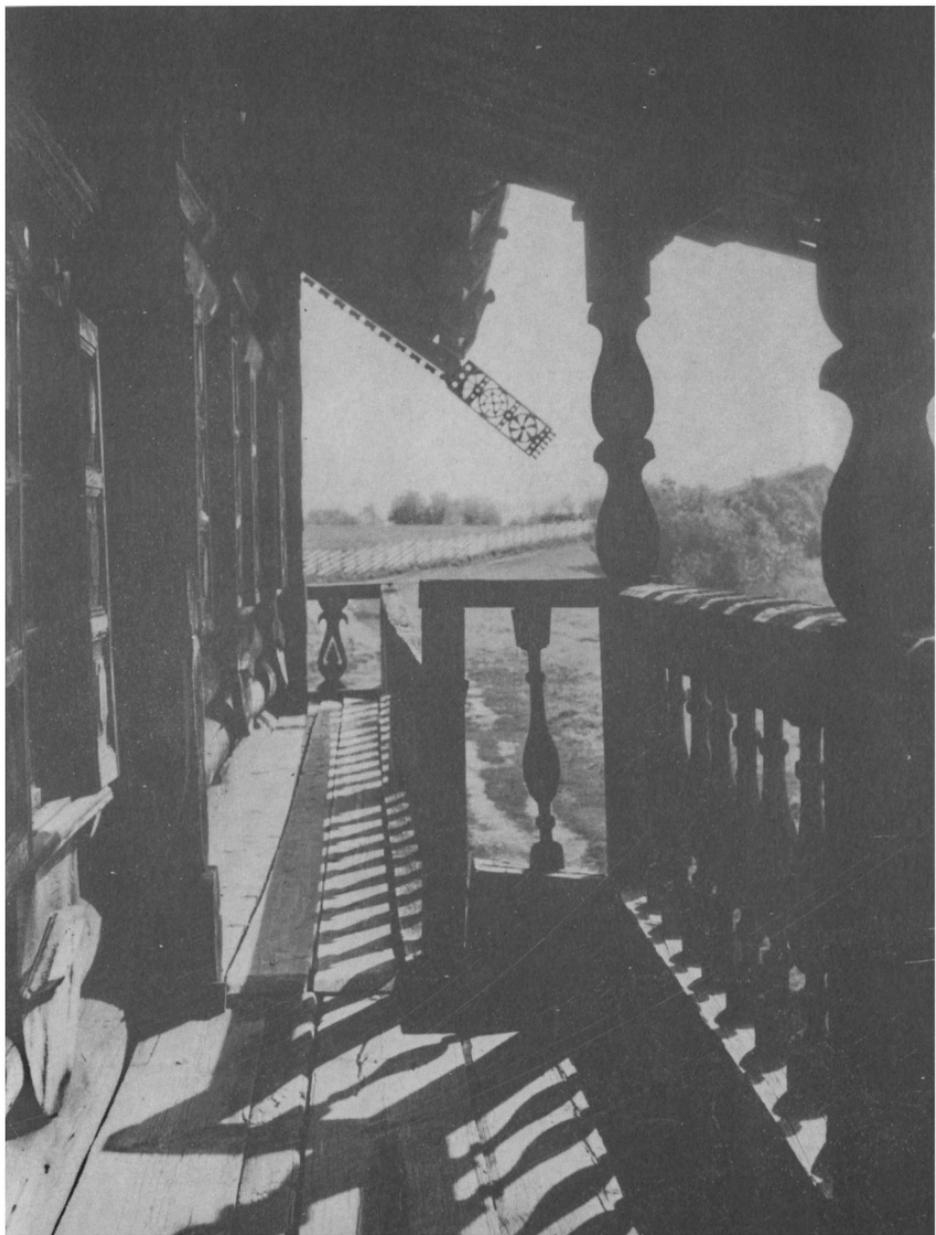
Гульбище

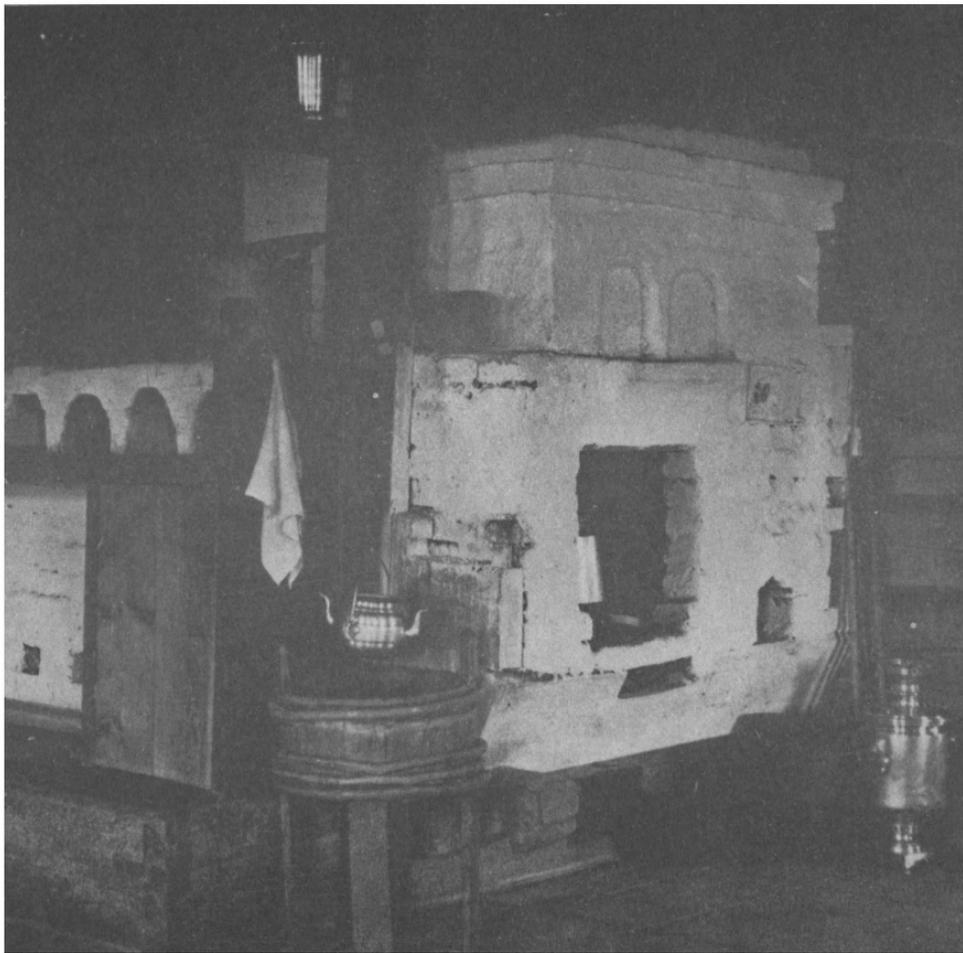
Часовня Кирика и Улиты в деревне Воробьи. Конец XVIII в. Юго-восточный фасад.

Дом зажиточного крестьянина из деревни Ошевнево Медвежьегорского района. 1876 г. Северо-западный фасад

Наличники и ставни окон
Гульбище

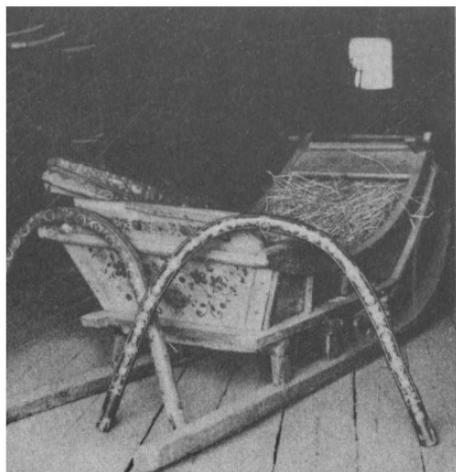

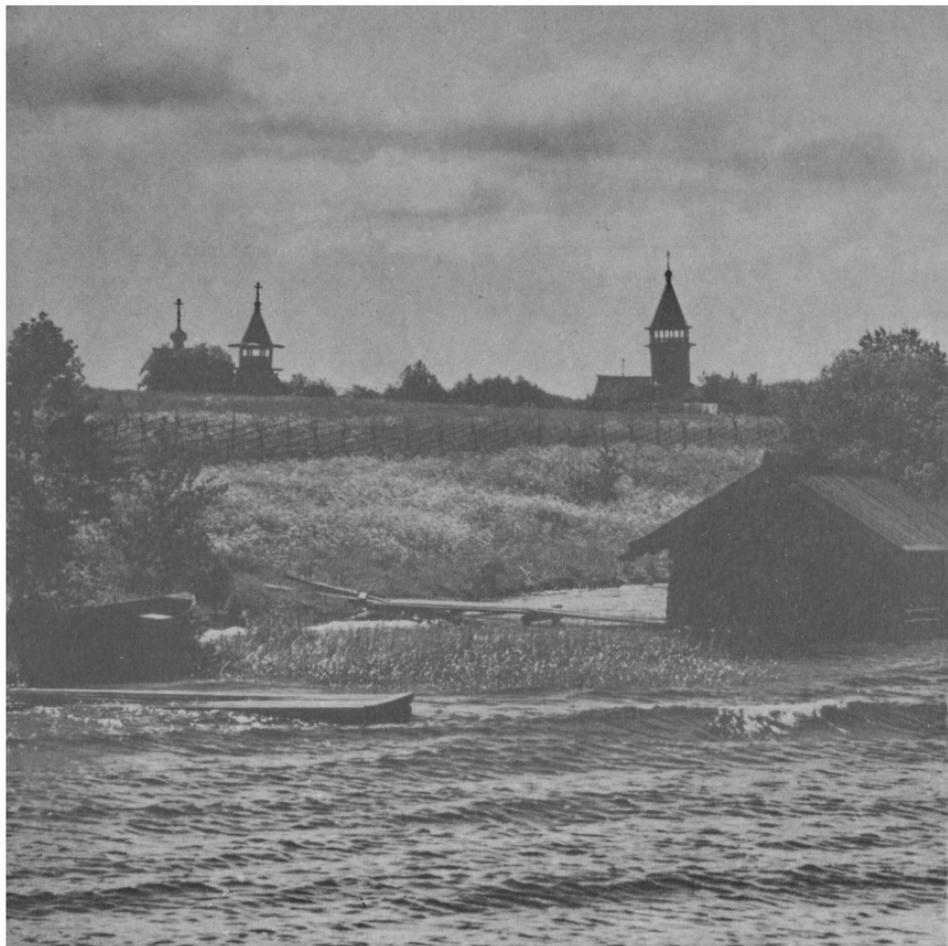
Интерьер избы

Крестьянская утварь из меди

Выездные сани (пошевни) и предметы упряжи.

Уголок музея-заповедника. На переднем плане — баня из деревни Мижостров Медвежьегорского района

Амбар из деревни Южный Двор Медвежьегорского района XVIII в.

Амбар из деревни Липовицы Медвежьегорского района 1937 г

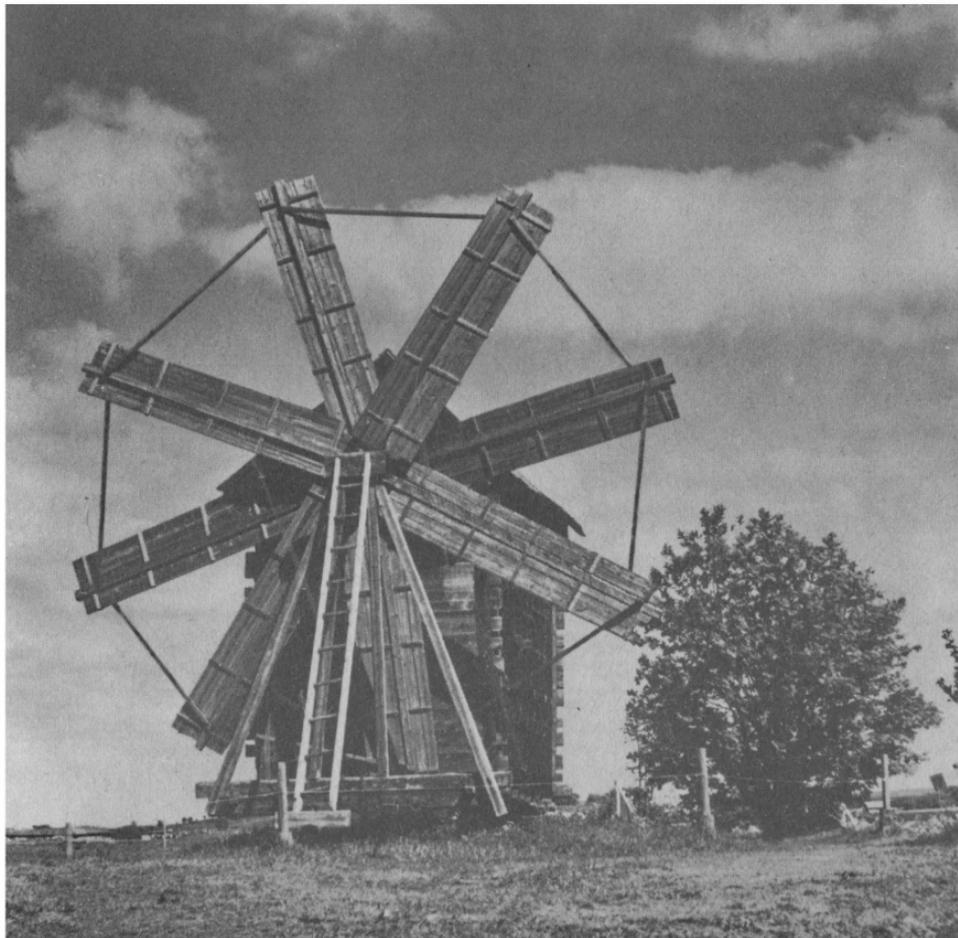
Дом крестьянина-середняка из деревни Середка Медвежьегорского района. Середина XIX в. Юго-восточный фасад.

Крыльцо и гультыице. Западнй фасад.

Уголок музея-заповедника

Мельница ветряная из деревни Волкостров
Медвежьегорского района. 1928 г

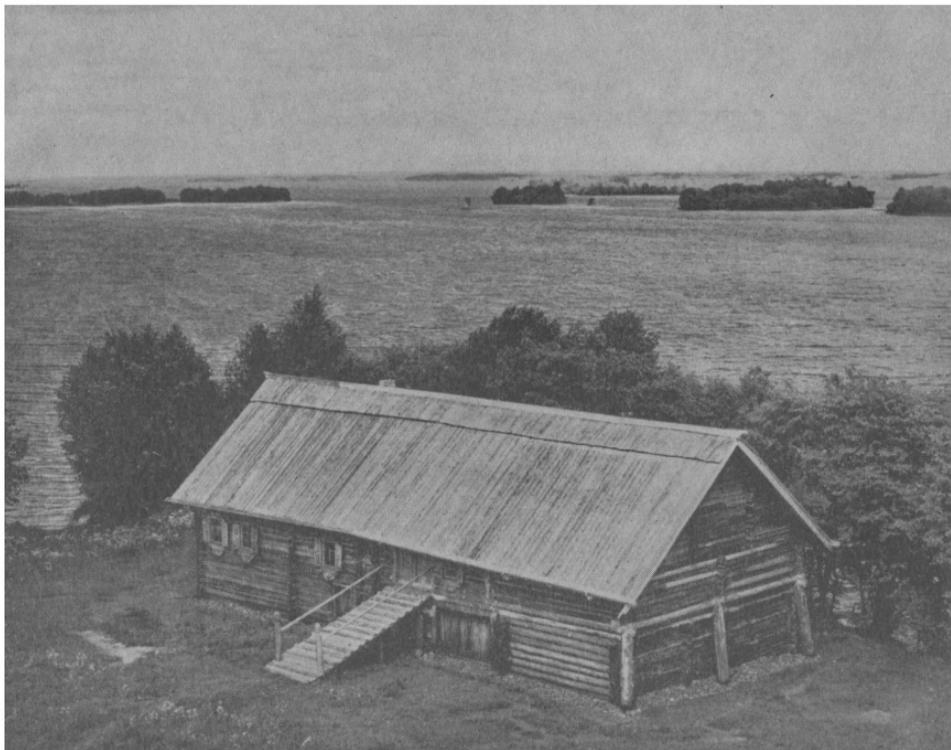
Рига из деревни Березовая Сельга
Медвежьегорского района XIX в
Домашняя утварь из бересты.

Мельница водяная из деревни Березовая
Сельга Медвежьегорского района. 1875 г.
Юго-западный фасад.

Дом крестьянина-бедняка из деревни Волкостров Медвежьегогорского района. 1907 г
Северо-восточный фасад.

Дом крестьянина-средняка из деревни
Логморучей Прионежского района. 1910 г
Юго-западный фасад.

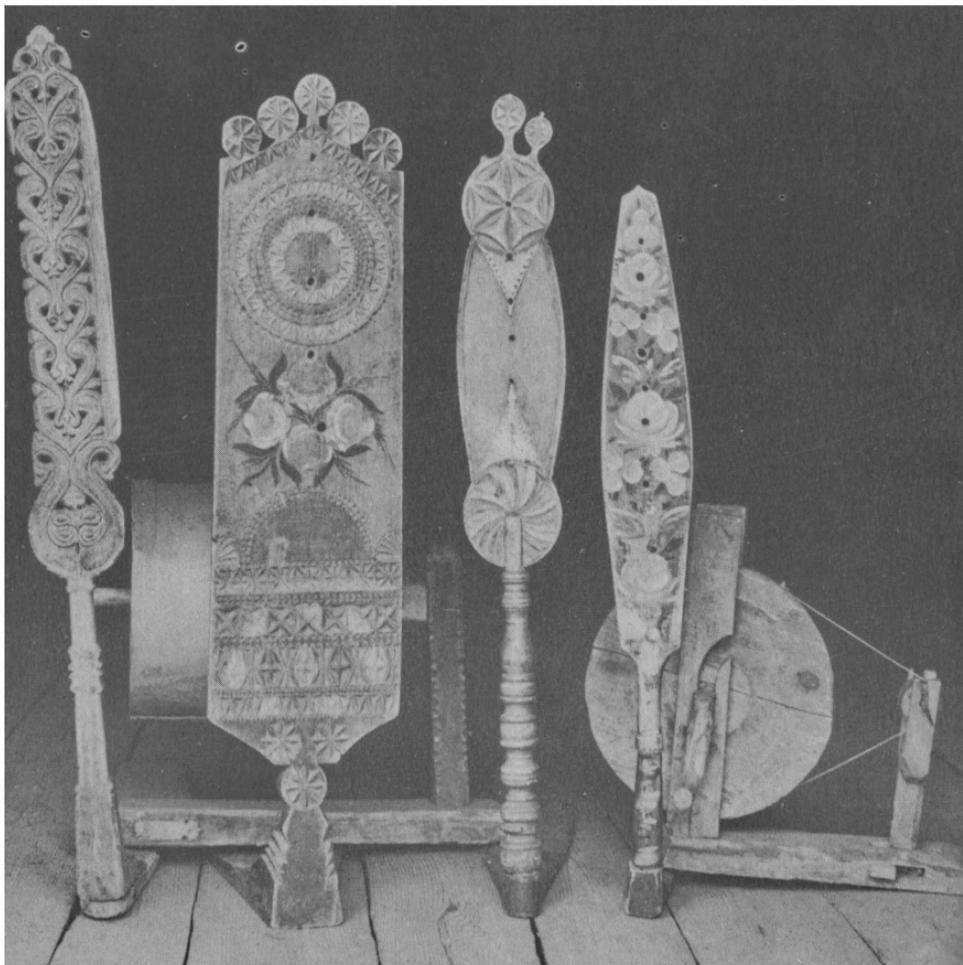
Усадьба зажиточного карельского крестьянина из деревни Клешейла Пряжинского района. Конец XIX в. Слева от дома — амбар из деревни Пелдожи, справа — из деревни Коккойла

Балкон Западный фасад

Наличник окна

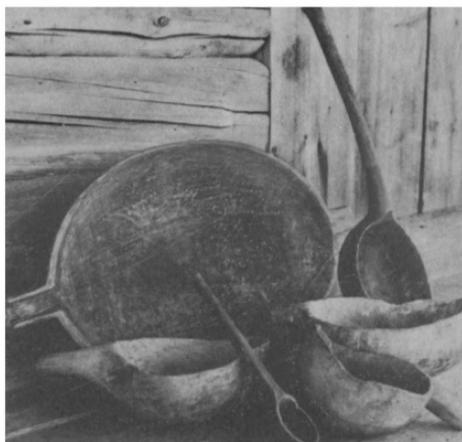

Орудия прядения и перемотки пряжи
Прялки (слева направо): поморская, пу-
дожская, карельские, вьюха, скально.

Крестьянская домашняя утварь
(бондарные изделия).

Деревянная долбленная утварь.

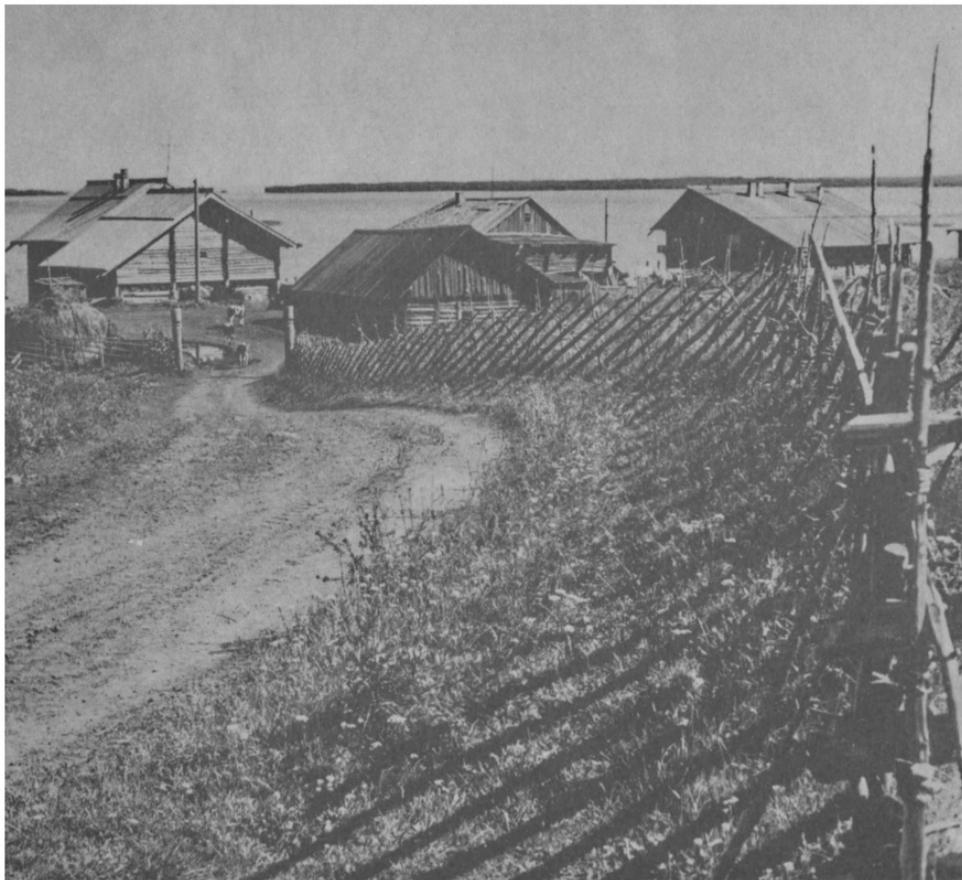

Амбар из деревни Пелдожи Пряжинского района XIX в.

Амбар из деревни Кубово Пудожского района. XIX в

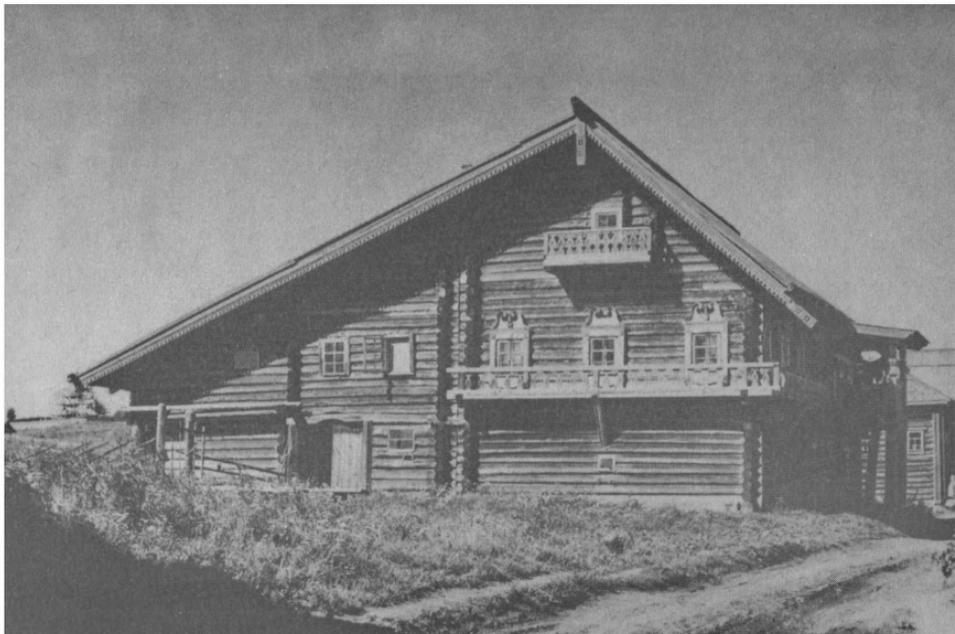
Амбар двухэтажный из деревни Коккойла Пряжинского района XIX в

Вид на деревню Ямка

Поклонный крест из деревни Чуйнаволоок
Пряжинского района. XIX в. На развилке
дорог к усадьбе Яковлева.

Дом из деревни Маньшино Медвежьего-
рского района. XIX в. Юго-восточный фасад.

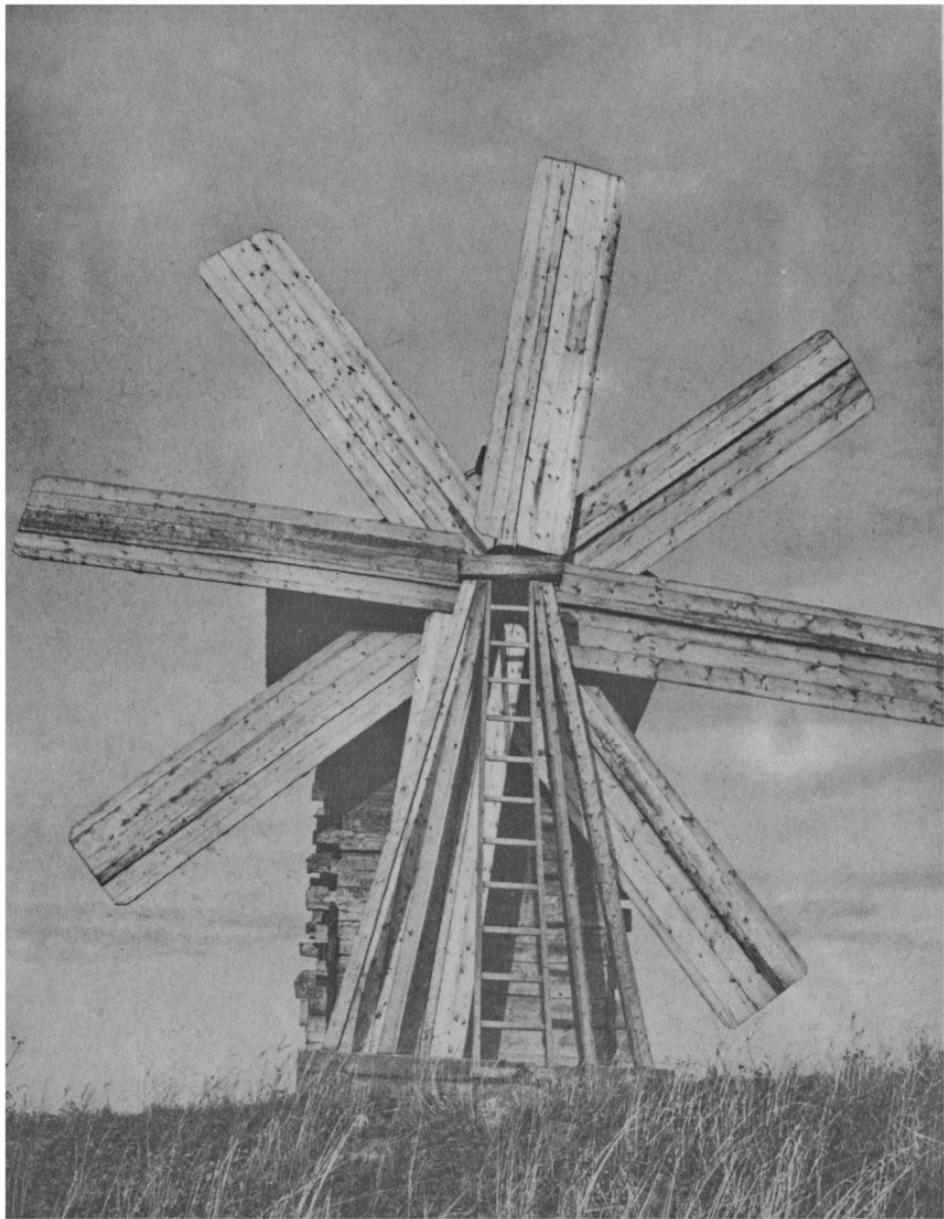

Дом из деревни Усть-Ядома Медвежьегорского района. 1905 г Юго-восточный фасад

Дом из деревни Вигово Медвежьегорского района. Начало XX в. Южный фасад.

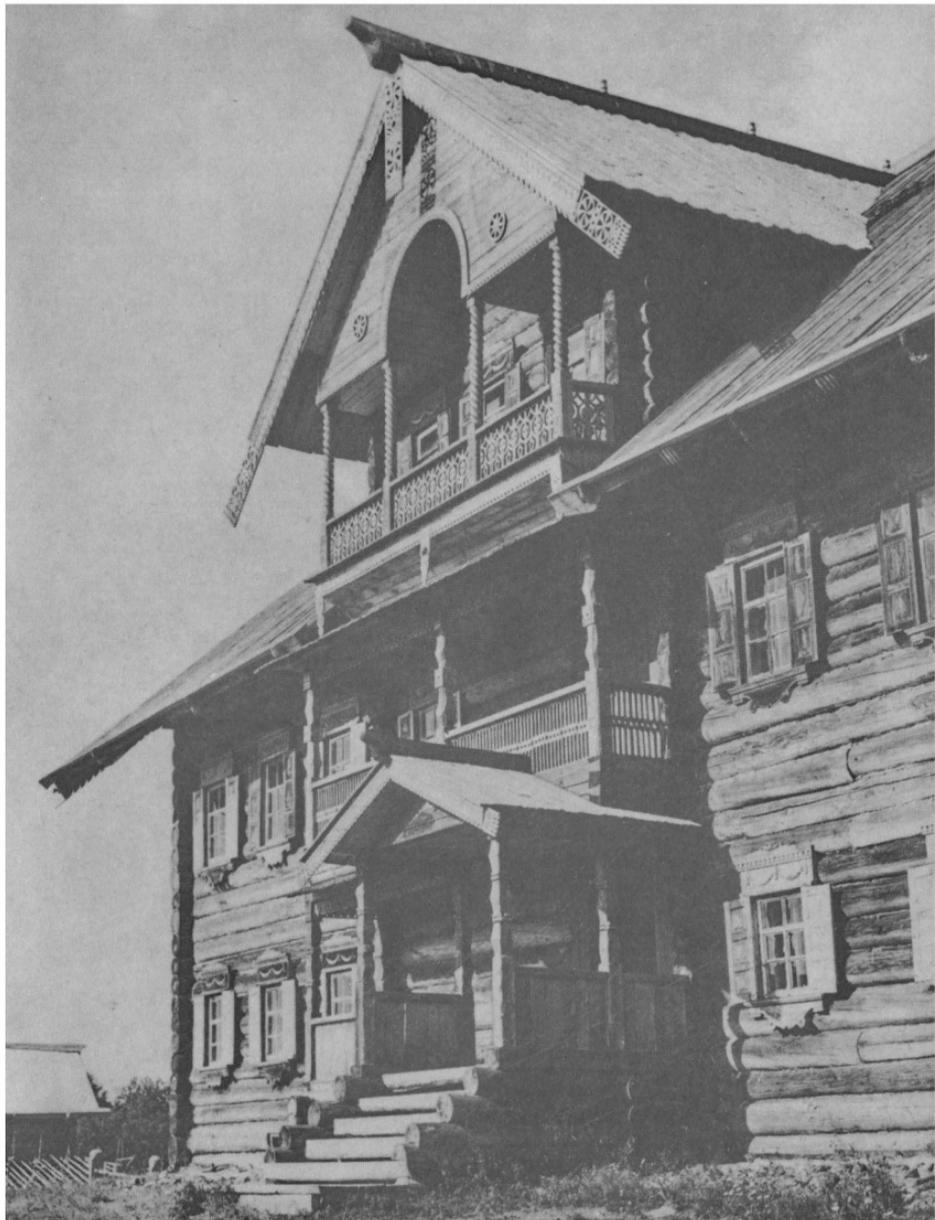
Мельница ветряная из деревни Вороний Остров Медвежьегорского района 1918 г.

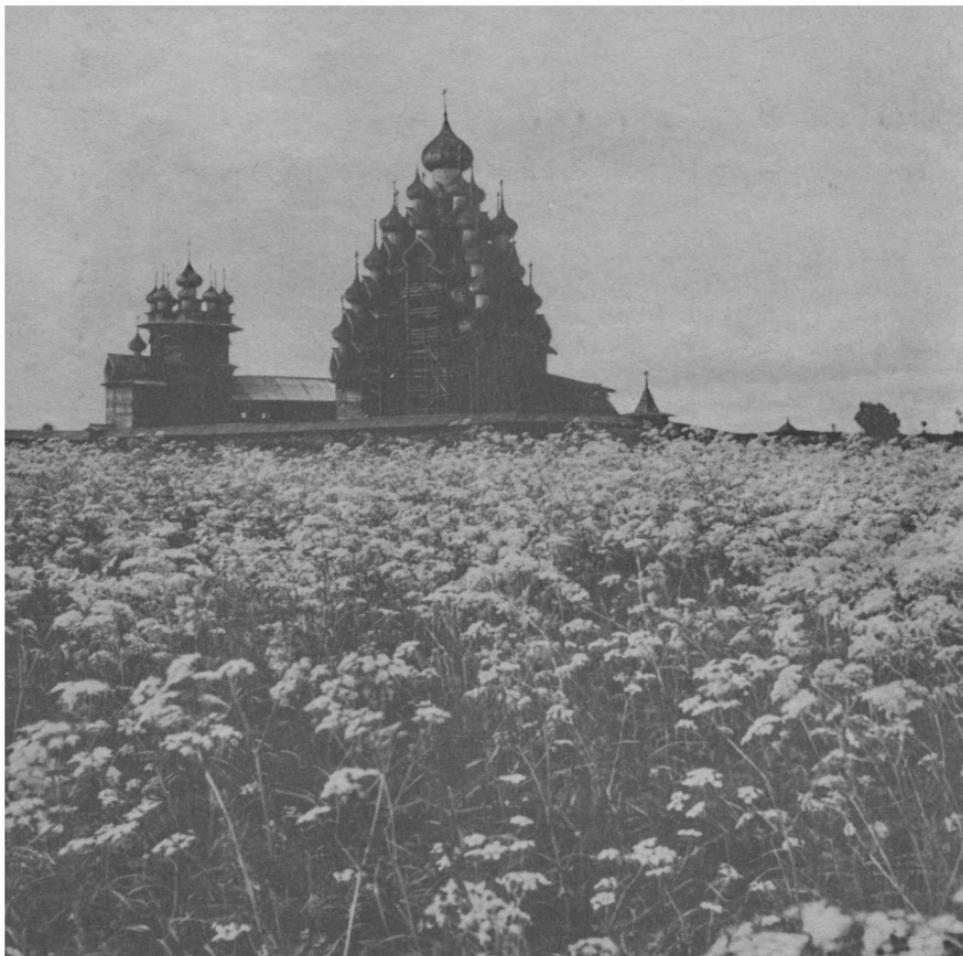

Дом из деревни Мунозеро Медвежьегорского района Конец XIX в Северо-западный фасад.

Фрагмент центрального фасада

Вид Кижского ансамбля с северо-востока.

Рассматривая перечисленные детали обособленно, вне общего художественного замысла памятника, можно говорить о них, как о глубоко чуждых народной архитектуре элементах, о бездумном копировании и т. п. Такой подход, однако, представляется поверхностным упрощением. Нужно видеть, насколько властно подчинены заимствования достижению общей художественной цели, как умело применены они народными зодчими. Об этом не следует забывать, ибо дошедшие до наших дней памятники гражданского деревянного зодчества в большинстве своем — сооружения конца XIX — начала XX века, в которых, безусловно, присутствуют некоторые не свойственные более ранним эпохам наслоения. Это естественный процесс: время не могло не наложить своего отпечатка и на деревянное зодчество. Но нельзя упускать из виду, что в целом сооружения еще глубоко следуют духу народного творчества, с которым не может спорить и который не в состоянии заслонить ни один из позднейших мотивов, не идущих, кстати, далее элементов декора.

Показательны в этом отношении и характерные для Заонежья наверхия наличников дома Ошевнева. Исследователи не без основания указывают на их сходство с обрамлением окон некоторых зданий Петербурга. Однако к этим наблюдениям нужно добавить, что в богатой выразительными формами архитектуре XVIII—XIX веков внимание крестьянских зодчих привлекли в основном наличники и что подобная форма «заимствования» свойственна исключительно бывшей Олонецкой губернии.

Учитывая приверженность зодчих к приемам, освященным традициями, устойчивость общего пространственного решения сооружений и принципов их декорирования, можно сделать вывод о том, что осмысление и формирование некоторых мотивов шло параллельно и в деревянной, и в каменной архитектуре и что, сле-

довательно, здесь нашло отражение не слепое заимствование, а совпадение определенных тенденций.

Обращаясь к облику боковых фасадов, следует при всей их общности отметить и некоторые черты различия. С юга к воротам сарая поднимается пологий бревенчатый накат взвоза. По сторонам его настила устроены перила из толстых жердей, врубленных с одной стороны в стену, а с другой поддерживаемых невысокими, украшенными гранеными «дыньками» столбами. Конструктивно и выразительно выполнена сводчатая обвязка ворот, образованная великолепными, лаконично украшенными косяками.

На северной стене обращают на себя внимание сложных очертаний замки — детали, предназначенные для жесткой связи между собой отдельных срубов здания. Замки наглядно свидетельствуют о том, что всякая конструктивно оправданная деталь превращалась в народной архитектуре и в элемент художественно оформленный, осуществляя замечательное и непреложное сочетание пользы, прочности и красоты.

В интерьерах дома воссоздано типичное убранство, характерное для зажиточного крестьянина Заонежья конца XIX века.

Ярче всего недостаток хозяина выразился в большой площади жилых помещений. Юго-западная часть строения занята летней избой. На северо-запад ориентированы еще две избы: внизу — зимняя, выше — летняя. Таким образом, дом Ошевнева состоит из нескольких изб, две из которых могли использоваться круглый год. Жилую площадь составляли также горница и светелка.

Наиболее показательна экспозиция в летней избе и смежной с нею горнице, выходящих окнами на юг. От входной двери сюда ведет внутренняя лестница, необходимость которой обусловлена высоким подклетом.

Планировка летней избы, заложенные в основу ее интерьера конструктивные принципы в целом характер-

ны для убранства избы заонежского крестьянина. Гладко стесанные стены с закругленными углами, тяжелые широкие лавки и над ними полки-надлаводчицы, воронцы, расходящиеся от печного столба, наглядная мощь матиц, поддерживающих настил потолка, русская печь — позволяют видеть здесь черты, свойственные не только жилищу крестьян XIX века, но и с большой долей достоверности утверждать, что так или почти так выглядели жилые помещения в XVIII и даже в XVII веке. В этом убеждают дошедшие до нашего времени рисунки и описания жилых построек.

Как всегда, видную роль в интерьере играет печь. Ее основание, сложенное из бруса, поставлено на балки пола. Выдвинутая вперед часть, называемая шестком, покоится на выпусках укрепленных в опечье бревен. Детальная проработка массы — укромные выемки, плавные очертания неглубоких ниш, называемых печурками, устраняет холодную плоскостность и, насыщая сооружение светотенью, придает печи несравненный уют и домовитость.

На воронцах и надлаводчицах расставлены предметы утвари — глиняная и медная посуда, плетенные из бересты бурочки и т. п. Наличие медной посуды было признаком достатка.

В красном углу, как принято, укреплен резной работы деревянный киот, под ним — сундочок-подголовник, служивший для хранения наиболее ценных вещей.

Позади летней избы расположена горница. В ее обстановке сказалось не столько желание следовать заветам старины, сколько стремление не отстать от бега времени. Слева от входа сложена лежанка; против нее поставлена просторная деревянная кровать, между ними — роскошный по тем временам, на городской манер, шкаф, отделанный волнистой березой. Правее находится дощатый диван с замысловато разделанной резной спинкой. К среднему окну придвинут стол,

подле которого не привычные скамьи, а стулья местной столярной работы.

Пестрая обстановка горницы, не претендуя на единство стиля, свидетельствует о тех существенных сдвигах, которые наметились в северной деревне в конце XIX века. Горница — наглядное выражение тенденции к модернизации бытовой обстановки деревни, интенсивно протекавшей в начале XX века.

Много места занимают в доме хозяйственные помещения. Экспозиция сарая воссоздает типичный его облик для Заонежья конца XIX века.

Слева от входа видна клеть кладовой, где в многочисленных деревянных кадушках, бочках ушатах и плетенных из бересты куженках хранились съестные припасы. Место для кладовой выбрано не случайно: единственное ее окно смотрит на север. У стены чулана ушаты и великолепный, изготовленный из единого куска дерева, долбленный черпак — для добывания воды из проруби. Тут же можно видеть севалку — плетенную из бересты корзину, применявшуюся при ручном севе, и несколько серпов фабричной работы.

Чуть поодаль, у окошка сарая, на специальной подставке укреплены ручные каменные жернова. В левом дальнем углу привлекает внимание борона-суковатка. Наличие ее в хозяйстве даже состоятельного земледельца показательно. Каменистые почвы Карелии не позволяли применять здесь обычные бороны, давно вошедшие в обиход центральных районов России. Суковатка, связанная из цельных еловых стволов с их упругими прочными сучьями, была не редкостью еще в начале XX века.

Природными условиями объясняется и предпочтение, отдаваемое местными жителями косе-горбуше, отличительной особенностью которой является короткая рукоятка, заставляющая низко нагибаться при покосе. Зато с горбушей проще обходить валуны, в изобилии

пересыпавшие карельскую землю. Долбленая ступа с тяжелым, одетым в железо пестом живо напоминает известных всем сказочных героев.

Каждая семья не только кормила себя, но и одевала. О том, насколько трудоемким было получение домотканого холста, говорит ряд приспособлений, служивших для обработки льна: различные мялки, трепала, вьюшки, броснухи и т. п. Все операции по возделыванию и обработке льна выполнялись женщинами.

Многие крестьяне были не только земледельцами, но и замечательными ремесленниками, в лучшем, перво-родном, значении этого слова. Крепкие сапоги выходили в свое время из-под рук знаменитого онежского сказителя В. П. Щеголенка. По всей округе известен был умением ладить сети Т. Г. Рябинин, прославленный певец былин. Были среди кижан отличные столяры и лодочники, кузнецы и резчики по дереву. Широкой известностью пользовались кижские ножи, а лодки-кижанки, изготовленные местными мастерами, и по сей день считаются лучшими на Онежском озере.

В центре сарая покоится бало — массивная колода для изготовления полозьев для саней. Справа, возле самого окна, стоит ножного привода токарный станок, построенный и использовавшийся местными умельцами; тут же коллекция пил, прочно вошедших в употребление лишь в XIX веке. Здесь же легкие, с круто загнутыми полозьями выездные сани.

На стене сарая, у проема ворот, экспонируется конская упряжь. Тут можно видеть нарядно отделанный металлическими накладками и бляхами хомут, ременные законечья вожжей, ожерелок, оснащенный десятком звонких бубенцов.

Внизу расположен скотный двор.

Построенный в 1876 году в деревне Ошевнево, в двух верстах от Кижей, дом в 1951 году положил начало созданию Кижского музея-заповедника деревянной ар-

хитектуры: это первый из перевезенных сюда памятников. Обследование здания было проведено еще в 1945 году архитекторами А. Н. Буйновым и И. К. Рыбченко. В 1950 году техник-архитектор Э. В. Ильин подготовил проект реставрации, осуществленный уже на новом месте.

АМБАР ИЗ ДЕРЕВНИ ЮЖНЫЙ ДВОР

На первый взгляд создается впечатление, что амбары при доме Ошевнева почти одинаковы. Действительно, в их облике много общего. Однако есть и существенные отличия.

Амбар из деревни Южный Двор (он стоит слева от главного фасада дома Ошевнева) поменьше, с четырех стенами. Наибольшую выразительность этой скромной подсобной постройке придает крыша. Широкие ее свесы, крытая площадка над входом делают его по-своему привлекательным.

Традиционные детали безгвоздевой крыши — резные потоки, неправильные очертания поддерживающих их куриц и, наконец, причелины и полотенца, создают неброское, но запоминающееся внешнее убранство. Поэтому амбар уверенно выдерживает соседство с одним из наиболее нарядных сооружений Кижского музея — домом Ошевнева.

Сруб амбара сложен по способу «в обло»; фундаментом служат массивные валуны. Конструктивное решение крыши — следи, несущие на себе тесовое покрытие, врублены в каждое из бревен-самцов фронтонов — позволяет отнести время сооружения амбара из деревни Южный Двор к XVIII веку.

Обследование памятника проведено экспедицией в составе В. П. Орфинского, Б. П. Бойцова и В. Ф. Хеглунд; свое место в музее он занял в 1973 году. Тогда же выполнены реставрационные работы: заменены сгнив-

шие бревна сруба, возобновлены столбы, поддерживающие навес над входом, восстановлена крыша. Автор проекта реставрации — Т. И. Вахрамеева.

АМБАР ИЗ ДЕРЕВНИ ЛИПОВИЦЫ

Амбар интересен как образец типичной для Заонежья хозяйственной постройки. Несмотря на относительно недавнее время сооружения, он построен в традициях деревянного зодчества XIX века. Кроме того, поставленный близ дома Ошевнева, этот амбар удачно участвует в воссоздании типичного облика усадьбы зажиточного заонежского крестьянина второй половины XIX века.

Прямоугольный в плане сруб амбара разделен поперечной, внутренней, пятой по счету, стеной, отчего подобный тип постройки получил наименование «пятистенка». В каждое из помещений амбара ведет самостоятельная дверь. Крыша — двускатная, тесовая; скат, обращенный на запад, образует над входом навес. Свес кровли поддерживается тремя массивными столбами, опирающимися на бревна-выпуски.

Сруб выполнен по способу «в обло» и установлен на крупных валунах, подложенных под углы.

Хорошо найденные пропорции, глубоко упрятанный под широкую крышу сруб, широкие косячатые двери, столбы, несущие на себе свес кровли, укрепленный на деревянных шипах — стамиках, шелом, причелины — все это вместе взятое не только делает амбар из деревни Липовицы памятником, характерным для зодчества Заонежья, но позволяет видеть в нем интересный и самобытный экземпляр.

После перевозки в музей-заповедник постройка реставрирована: заменены сгнившие венцы, восстановлена пришедшая в ветхость крыша, заново сделаны шелом и причелины. В основу реставрационных работ был положен проект, разработанный архитектором К. М. Губельманом.

В музее амбар экспонируется с 1973 года.

БАНЯ ИЗ ДЕРЕВНИ МИЖОСТРОВ

В каждой из прибрежных северных деревень первый порядок построек, спускающихся к самой воде, составляют живописно и свободно сгруппированные бани. Тяготение их к водоему легко объяснимо: вода под боком, а случись пожар — огонь не посягнет на дом и подсобные строения. Если учесть, что хорошая, настоящая баня и сегодня топится дедовским способом, по-черному, то такая ее постройка становится особенно оправданной.

При возведении дома крестьяне чаще всего прибегали к услугам профессиональных плотников, плотницких артелей, при строительстве же подсобных построек — амбаров, бань, риг — они обходились собственными силами. При этом, как правило, строили по-старинке, то есть близко к существовавшим образцам, что и обусловило типологическую устойчивость подобных построек. Высказываются даже предположения, что своим видом современные бани и амбары близки к первоначальному типу жилища, восходящему к полуземлянке. Эти строения рубились обычно на четыре стены простейшим способом «в обло» и ставились на отдельные валуны, а то и просто на почву.

Бани часто упоминаются в документах XVI—XVIII веков; в то время их называли мыльнями. Редкая крестьянская семья не имела баньки.

Замечательное описание бани дал выдающийся русский лексикограф В. И. Даль: «баня, байна (сев.) — паровая, русская баня, строение или покой, где моются и парятся, не просто в сухом тепле, а в пару, почему важнейшие части бани: калильная печь с булыжником (каменка) или с колодью, в виде опрокинутого котла с завороченными краинами; полок с приступками и подголовьем, на котором парятся; лавки вокруг стен, на коих моются; чаны с горячею и холодною водою; шайки для мытья и оката; вехотки (мочало) для мылки, веники (дубовые или березовые) для парки. При порядочной бане есть предбанник, где разде-

ваются, отдыхают, запивают баню квасом»¹, Именно такая баня привезена в музей из заонежской деревни Мижостров и поставлена близ дома крестьянина Ошевнева.

МЕЛЬНИЦА ВЕТРЯНАЯ ИЗ ДЕРЕВНИ ВОЛКОСТРОВ

В условиях Карелии, с ее многочисленными реками и ручьями строились преимущественно водяные мельницы. Однако на открытых возвышенностях не редкостью были и ширококрылые ветряные мельницы, отчетливо различимые издали. В середине XIX века каждая восьмая мельница Олонецкой губернии приводилась в движение силой ветра. Немало их было и в Заонежье.

Типичная для здешних мест мельница была сконструирована и построена в 1928 году жителем близлежащей деревни Волкостров Н. Я. Биканиным (1880—1958 гг.). От аналогичных сооружений Севера России она отличается массивным, в два этажа, рабочим помещением и богатой лопастью крыльчаткой.

По общему конструктивному решению памятник принадлежит к типу мельниц-столбиков, названных так в связи с устройством могучего, глубоко посаженного в землю столба, служившего осью для поворота корпуса против ветра. При развороте пользовались рычагом-воротилом — большим бревном, закрепленным под основанием рабочего помещения. Корпус вращался на вертлюге — поворотном круге своеобразной конструкции.

Верхняя часть мельничного сруба занята горизонтально укрепленным зубчатым валом, преобразовывавшим вращательное движение лопастей в возвратно-поступательное перемещение пестов и через зубчатую передачу сообщавшим движение жерновам. На нижней площадке укреплены ступы с пестами и мучной ларь.

Механизм отличается универсальностью: он позволял

¹ В. И. Даль. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. I, М. 1955, с. 45.

не только получать муку, но и обдирать зерно на крупу.

Первоначальное обследование памятника проведено в 1946 году инженером О. М. Шуровой; реставрация по проекту архитектора А. В. Ополовникова закончена в 1959 году.

УСАДЬБА КРЕСТЬЯНИНА-СЕРЕДНЯКА ИЗ ДЕРЕВНИ СЕРЕДКА

К дому крестьянина-середняка Елизарова проникаешься почтительным уважением, еще издали завидев величественное, приветливого фасада здание. Дом замечателен и уникален во многих отношениях. И едва ли не самое удивительное в том, что здание, столь значительное по площади, по объему, по высоте, не только не отталкивает, не давит своей внушительностью, но, напротив, радушно и ласково смотрит на вас всеми окошками, манит заглянуть внутрь.

Дом построен в середине 80-х годов прошлого века и являет собою один из интереснейших в Карелии памятников гражданского зодчества. Возводился он силами семьи крестьянина-середняка Елизарова неподалеку, в деревне Середка на побережье Клименецкого острова. В 1961 году как выдающийся памятник народной архитектуры перевезен в музей, где стал одним из ценнейших экспонатов в художественном и этнографическом отношениях.

Выстроенный по традиционной для Заонежья схеме, «кошелем», дом, вместе с тем, наделен чертами глубокого своеобразия. Прежде всего это касается пропорций — и строения в целом, и отдельных составляющих его общий объем срубов.

Для того чтобы понять истинную красоту старого крестьянского дома, думается, не следует уходить в область цифр и математических построений. Архитектура зданий формировалась столетиями под влиянием социальных, бытовых и хозяйственных причин. И не будь суровых, а порой и жестоких условий, требовавших упорной работы творческой мысли «неграмотного» мужика, не было бы и столь разительных

результатов, являющих собою не только убедительную победу человеческого разума над стихией природы, но и ставших свидетельством глубокого эстетического освоения действительности. Поэтому не случайно именно суровый Север стал сокровищницей наиболее значительных творений народных зодчих, и не обилие леса способствовало расцвету народного творчества, но те трудности и лишения, на которые сознательно шел поселившийся в здешних лесах человек. Лес — это лишь материал для народного зодчества, прошедшего многовековой путь развития. О том, насколько тернист и труден был этот путь, напоминает облик деревянных конструкций, обнаруженных археологами в культурных слоях XI—XII веков.

Подобно тому, как ветви сосны или ели неудержимо тянутся к югу, так обращены к нему окна северных деревень. Жилые части домов в большинстве своем ориентированы на юго-запад. Так и теплее и света больше, а в короткий зимний день свет особенно дорог: зимой пряли. Когда случалось ставить избу против устоявшихся правил, жилым фасадом на север, ее называли по-особенному — «непряха». В самом названии нетрудно уловить недвусмысленную оценку.

В формировании облика главного, обращенного на юг, фасада велика роль жилой части. Здесь, в свою очередь, ведущая роль принадлежит окнам: помимо хорошо угаданных размеров, они удачно членят плоскость стены — устойчивое основание почти вдвое превышает по высоте венцы, расположенные над окнами. Отсюда и гармоничность общей композиции, при которой окошки горделиво возвышаются над землей и в то же время не «задавлены» верхними венцами стены.

На фронте выведен балкончик, смягчающий образованную скатами крыши значительную по величине плоскость. Ведущую роль южного фасада выявляет и сам рисунок фронтона, очерченный специально предусмотренной полицей декоративного ската кровли.

Клетки, обращенные на север, постепенно утрачивают высоту; снижается декор, которого почти лишены помещения хозяйственного назначения. Замечательно, что вся эта «иерархия» срубов находится под единым скатом асимметричной кровли, предназначенной для того, чтобы надежно укрыть и связать в единую монолитную конструкцию многочисленные клетки здания.

Обращенный на север сарай предохранял избу от свирепого, неделями не унимающегося ветра. Высоко поднятые над землей окна не заслоняли даже двухметровые сугробы.

Планировка дома Елизарова естественна, не скована какими-либо искусственными ограничениями и подчинением схеме, непосредственно не связанной с функциями здания. Не об этом ли говорит сарай, не совпадающий по ширине с жилой частью, небольшой сруб хлева, примыкающий к южной стене дома и нарушающий «правильность» плана? Процесс формирования сооружения в целом можно сравнить с ростом дерева — настолько естественно выливается он в законченную, лишённую мелочных подгонок форму. Удача композиционного решения рождается здесь из последовательно проводимого принципа конструктивности.

Общую асимметричность главного фасада продолжает западный фасад. Под его окнами также сделано гульбище — нарядная, убранная резными балясинами галерея. С особой любовью построено крыльцо, естественно вырастающее из глубины общего объема. Красота сочной порезки столбов крыльца выявляется при их сопоставлении с необработанными могучими опорами основания

Изобразительно оформлен северный фасад. С большим композиционным чутьем построен пологий бревенчатый взвоз, ведущий в сарай: он ладно вписан в общий план постройки. Взвоз устроен расчетливо — в его настиле чередуются бревна-кругляки и плахи — бревна, расколотые пополам. Такая конструкция помогает лошади втянуть груженный воз на второй этаж, на поветь, где заготавливалось на зиму сено. Не оставлены без внимания и некоторые,

казалось бы, второстепенные детали. Навершие столба перил заботливо обработано в виде граненого «кубца». Высокая рубленая стена, вдоль которой идет взвоз, смягчена тремя небольшими оконцами, обрамленными едиными для всего дома островерхими наличниками.

Сдержанно, с чувством меры, выполнено резное убранство жилища Елизаровых. В декоре преобладает роль гульбища и насыщенных геометрическим узором причелин. Подчеркнуто нарядны работающие на просвет концы причелин и полотенец. Окончания причелин украшены традиционными прорезными розетками — излюбленным в Заонежье орнаментальным мотивом. По замечанию одного из мастеров северной деревянной резьбы, в том случае, когда требуется украсить вещь лаконично и красиво, «на ней чаще всего помещают круг с лучами, а круг — это солнце, солнце — это самое главное»¹.

Окна дома оправлены стрельчатыми наличниками, наделенными подлинным изяществом. Это старейшие из наличников, сохранившихся на памятниках гражданской архитектуры Карелии.

Первое помещение, куда попадешь, переступив порог дома, — сени с четырьмя дверями. Две слева ведут в небольшие кладовые, правая — в избу, а дверь, расположенная прямо против входа, — в просторный сарай. По мнению детально обследовавшего памятник архитектора А. В. Ополовникова, «жилая изба, сени и крытый двор не одновременны. Самая поздняя из них — изба, а самые ранние — сени с кладовыми и высокий подклет, над которым они находятся. Это самая интересная часть всего дома, сохранившая в себе черты народного зодчества классической поры его развития»². Действительно, нельзя не обратить внимание на косячатые окошки кладовых с внутренними ставнями, на встроенные лавки с фигурными ножками, на резной поставец

¹ Декоративное искусство, 1974, № 9, с. 31.

² А. В. Ополовников. Кижы М., 1970, с. 142

для икон, на широкие косяки дверей — каждая деталь здесь конструктивно оправдана и красива.

Полотна дверей, приподнятые крутыми порогами, навешены на ободверины — толстые и гладко вытесанные дверные косяки. Одна из невысоких, но широких дверей, составленных из накрепко связанных шпонками тесовых пластин, ведет в избу.

Чтобы понять построение интерьера избы, надо окинуть его взглядом со стороны красного угла, расположенного почти по диагонали направо от входа. Тогда станет отчетливо ощутимой роль печи как смыслового и композиционного центра интерьера. Именно ей по праву принадлежит здесь ведущее место. Уже само название избы идет от нее, печи: истопить — истопка — истба — изба. Не требуется объяснять, какое значение имела и имеет она во всем жизненном укладе северян.

Печь, как необходимое условие жизни, издавна заняла почетное место в крестьянском жилище, и этим местом, по традиции, стал левый от входной двери угол. На откуп ей, способной накормить и отогреть, отведена едва ли не четверть жилого помещения.

По установившемуся обычаю основанием печи служит рубленый или сложенный из массивных деревянных плах подпечек. На нем покоится сама печь — объемистая, ладная, задающая тон всему убранству.

Пластика печи несет на себе тепло прикосновения сработавших ее человеческих рук, нигде не засушивших ее очертаний бездушно правильными углами и линиями.

Устье печи обращено к торцовой стене, туда где компактно сгруппированы все принадлежности хозяйки: стол для приготовления пищи, навесные полки для посуды. С другой стороны к печному боку притеснился рундук. Он образован двумя широкими полками, из которых нижняя, подвижная, открывает лаз в подполье, именуемое по-северному «подклетом».

Справа от рундука укреплен рукомойник — барашек гон-

чарной работы с двумя ушками для подвески. Тут же вбит светец — кованый держатель лучины, веками освещавшей крестьянскую избу и вышедшей из употребления лишь в конце XIX века. Светец укреплен над ушатом, чтобы избежать попадания на пол образующихся при горении лучины угольков.

Угол печи, обращенный к центру избы, оформлен печным столбом; от него уходят к наружным стенам мощные брусы, убедительно подчеркивающие единство интерьера.

Конструктивному решению печи, лишенному всяких случайных, не отвечающих жизненным потребностям деталей, соответствует и убранство избы в целом. Немногочисленная обстановка состоит из двух пущенных вдоль стен широких лавок, стола, замечательного ласковой гладью просторной столешницы, и простых скамеек возле него. В углу, справа от двери, встроена деревянная кровать. На перекинутом через матицу очепе подвешена безыскусная дощатая люлька с цветастым пологом набойки.

В убранстве заонежской избы цвету принадлежит скромное место: росписи встречаются редко, а цветовой эффект чаще всего выражен в неприятной красоте живописных домотканых ковриков, постланных на тщательно выскобленных полах. Ярким огнем горит здесь посуда красной меди, лоснится бок латунного самовара, однако преобладает утварь из дерева, бересты, глины.

В целом интерьер представляет собой классический образец конструктивного подхода к решению внутреннего убранства крестьянского жилища. Выдержанный в лучших традициях народной архитектуры, он отличается исключительным стилистическим единством всех составляющих его элементов, безупречной логикой планировки, привычным расположением немногочисленной утвари.

Значительный интерес представляет изба и с чисто этнографической точки зрения, являя собою уникальный в наше время образец курной избы. Особенность заклю-

чается здесь в устройстве печи, лишенной дымохода: дым выходил непосредственно через печное устье и отводился наружу сквозь дощатую трубу — дымницу. В потолке над печью можно видеть квадратное отверстие с прокопченной дверкой. Это и есть дымница.

Курные избы очень долго просуществовали на Севере и имели широкое распространение еще и в начале нашего века. Факт этот, однако, нельзя рассматривать как свидетельство технической отсталости края: довод такой неубедителен уже ввиду высокой культуры строительной техники в целом. Сложные инженерные задачи блестяще решались строителями при возведении комплексов жилых и особенно культовых построек. Кроме того, многие плотники, уходя на отхожие промыслы, несомненно, принимали участие в осуществлении еще более сложных проектов. Попытка объяснить живучесть «черных» изб экономической отсталостью тоже, на наш взгляд, обречена на неудачу: едва ли нужны сколько-нибудь значительные средства, чтобы сложить печной дымоход да вывести трубу.

Приверженность к такой, крайне неудобной по нашим современным меркам и представлениям, системе отопления кроется как в силе традиций, пренебрегать которыми нельзя ни в одной области крестьянского творчества, так и — это может показаться странным, — в определенных преимуществах курной избы. По свидетельству местных жителей, печь, топившаяся по-черному, была экономичнее, а сама изба — теплее, благодаря большой теплоотдаче.

Нужно учитывать, что население Заонежья, тяготеющее к расселению по берегам озер, издавна занималось рыболовством. В курной избе можно было быстро и хорошо просушить сети. Благодаря антисептическим действиям дыма они сохранялись много лучше, чем при другой просушке. В срубе курной избы, как правило, не заводился жучок-древоточец.

Не было в курной избе Севера и того засилия копоти, какое рисуется ныне в нашем воображении. Дым, что вполне естественно, собирался под потолком, устроенным (и об этом тоже не надо забывать) едва ли не на четырехметровом уровне. Стены избы до уровня брусов — воронцов — периодически выскабливались и всегда сохраняли опрятный вид и свойственную дереву фактуру.

Надо полагать, что основным мотивом, побудившим отказаться в конце концов от отопления по-черному, стало неуклонное желание приблизить избу к жилищу «на городской манер». Однако о глубоком пристрастии к черной печке напоминают бани, подавляющее большинство которых и по сей день топится по-черному.

В комплексе дома Елизарова основное место отведено хозяйственным помещениям. Просторен и емок двухэтажный двор. Внизу, под настилом пола сарая расположены хлевы и скотный двор. Именно там — наиболее уязвимая часть сруба: нижние венцы требуют периодической замены. Поэтому стены двора устроены в виде двух самостоятельных ярусов венцов: верхнего, поставленного на собственные кряжистые столбы-подпоры, и нижнего, положенного непосредственно на землю. Такая автономная поэтажная конструкция стен позволяла беспрепятственно менять по мере необходимости подгнившие нижние бревна.

Из сарая в хлев ведет небольшая лестница.

На повети хранились принадлежавшие крестьянской семье орудия труда и различная утварь: тут сложены рыболовные снасти, сюда на лето убирались сани и ткацкий стан, здесь хранилась часть заготовленного впрок сена.

Дом Елизарова заслуженно считается наиболее ценным памятником гражданской архитектуры Заонежья. Здание воплотило в себе лучшие черты народного зодчества — последовательную конструктивность, совер-

шенство примененных плотницких приемов, выразительность внешнего облика. Тщательно восстановленное убранство интерьера делает памятник уникальным музеем народного быта.

Близ дома Елизарова и на его основе продолжается формирование комплекса, характерного для хозяйства крестьянина-середняка. В него, помимо уже представленных здесь риги и бани, планируется включить амбар на воде из заонежской деревни Каскессельга.

РИГА ИЗ ДЕРЕВНИ БЕРЕЗОВАЯ СЕЛЬГА

Было бы преувеличением рассматривать любой экспонат музея как выдающийся памятник архитектуры. Такому высокому названию отвечают отнюдь не все здания, включенные в экспозицию. Не претендует на него и рига — одна из многочисленных крестьянских подсобных построек. Ценность ее в другом: она наглядно иллюстрирует условия труда крестьянина второй половины XIX века и, несмотря на свою простоту, ярко отражает многовековой строительный опыт.

Как постройка, предназначавшаяся для сушки зернового хлеба и обмолота, рига наибольшее распространение получила на Севере, где короткое лето не представляло возможности просушить хлеб в естественных условиях на воздухе.

Внешне постройка мало примечательна: это близкая в плане к квадрату рубленая клеть под двускатной безгвоздевой крышей. Пол внутри риги вымощен толстыми тесовыми досками и высоко поднят над землей во избежание сырости.

Параллельно лицевому фасаду горизонтально укреплены два бревна для настилки подвижных жердей — колосников, на которые укладывались снопы, предназначенные для просушки.

Печь, сложенная из местного камня на глиняном растворе, топилась по-черному: дым уходил наружу через входную дверь и маленькое волоковое окошко. Обмолот хлеба производится на полу, цепами.

Построенная в конце XIX века в заонежской деревне Березовая Сельга рига перевезена в музей в 1961 году. Тогда же проведен профилактический ремонт здания.

МЕЛЬНИЦА ВОДЯНАЯ ИЗ ДЕРЕВНИ БЕРЕЗОВАЯ СЕЛЬГА

Водяные мельницы строились в Заонежье издавна. Упоминания о них в письменных источниках восходят к середине XVI века. Писцовая книга 1563 года отмечает «монастырь на Климетском острове в Ужном наволоке на Онеге озере... да у того монастыря мелница на усть Яндемы реке мелет не черезо все лето, в осенинах и о весне...»¹.

Образец водяной мельницы перевезен в музей из расположенной неподалеку деревни Березовая Сельга. Крыша устроена на два ската по обычной безгвоздевой схеме. С южной стороны к срубам сделана пристройка, внутри которой размещены два колеса верхнего боя. Энергия колес посредством зубчатых передач и вала сообщалась жерновам и пестам ступ.

Рабочее помещение — двухэтажное: наверху размещены бункер для зерна и изготовленные из камня жернова; внизу — ступы, ларь для сбора муки.

Мельница была построена в 1875 году крестьянином Ф. М. Стафеевым и служила одновременно для помола, дробления зерна на крупу и приготовления толокна.

Памятник экспонируется в музее с 1963 года.

¹ Писцовые книги Обонежской пятины 1496 и 1563 гг. Л., 1930.

ДОМ КРЕСТЬЯНИНА-БЕДНЯКА ИЗ ДЕРЕВНИ ВОЛКОСТРОВ

До недавнего времени дом крестьянина-бедняка Щепина находился в деревне Волкостров, что в пяти километрах от Кижей.

Резные причелины и полотенце, большие свесы крыши, опирающиеся на резные кронштейны (консоли), простые, но в то же время красивые наличники окон, небольшое двухмаршевое крыльцо — все это придает дому довольно привлекательный вид. Однако он не отличается сколько-нибудь значительными художественными достоинствами, а является обыкновенным, рядовым домом, каких в Заонежье было немало. Перевозка дома Щепина в музей продиктована стремлением создать этнографически верную картину быта различных слоев дореволюционного крестьянства.

Тип постройки — «брус». Дом покрыт двускатной крышей, но без куриц и потоков. Состоит из одной избы на высоком подклете и сеней. Изба освещается четырьмя окнами: три — по центральному фасаду и одно — с южной стороны.

Постройка, выполненная в духе вековых традиций, тем не менее отличается от классических домов подобного типа. Здесь нет двора — хозяйственной постройки, обычно составляющей единый неразрывный комплекс с жилой частью, иная конструкция кровли, в интерьере избы нет традиционных воронцов и полиц.

Все эти «нарушения» объясняются прежде всего принадлежностью хозяина к социальной группе бобылей-бедняков. Отсутствие скота обусловило постройку только жилой части.

Первоначально изба освещалась только двумя окнами. Затем, когда у хозяина появилась семья, было прорублено еще два окна и около дома возвели небольшую, отдельно стоящую дворовую постройку.

Интерьер избы в основном типичен для Заонежья: лавки — неподвижные, встроены, стены гладко стесаны, углы округлены. Потолок на матицах, темно-коричневого цвета — следы копоти от лучины, которой освещалась изба.

Русская печь с топкой по-белому, на деревянном опечье, расположена справа от входа. Устье обращено к фасадной стене. Между печью и стеной печного угла имеется пространство, так называемое запечье, что является особенностью этого интерьера.

Немногочисленные предметы домашнего обихода: светец для лучины, глиняный рукомойник, лохань под ним, рубель и скалка, лапти, прялка, одежда и другие ярко характеризуют быт беднейшего крестьянства дореволюционной России.

В сопоставлении с другими домами, находящимися в музее, этот экспонат помогает воочию представить то социальное классовое неравенство, которое было характерно для заонежской деревни. В данном случае архитектура, воплощая в себе нравственные, религиозные и эстетические представления крестьянства, воссоздает картину быта, показывая, как социальная принадлежность накладывает яркую печать на конструктивные и художественные особенности жилища.

Перевезен в музей в 1975 году. Автор проекта реставрации — архитектор Л. Н. Салмин.

ДОМ КРЕСТЬЯНИНА-СЕРЕДНЯКА ИЗ ДЕРЕВНИ ЛОГМОРУЧЕЙ

В конце XIX века широкое распространение в Карелии получил дом «брусом», пришедший на смену традиционным постройкам крестьянских жилищ «кошелем» и «глаголем». В отличие от квадратного в плане «кошеля», где двухрядной связью объединены жилые и подсобные помещения, от «глаголя», в котором хозяйственного

назначения клетки приставлены к жилью так, что образуют в плане подобие буквы «Г», откуда и само название, «брус» предполагает постановку подсобных клеток позади жилых помещений. Поэтому «брус» характеризуется чаще всего планом, имеющим вид вытянутого правильного прямоугольника.

Сохранив функциональное значение планировки, то есть объединение в одном комплексе изб, сарая, хлева и кладовых, «брус» стал последним звеном в эволюции дома северного крестьянина. Совершенство такого решения сказалось прежде всего в устройстве сарая. Если пологий скат крыши «кошеля», устроенный над сараем, не создавал большой емкости, то крутая, высокого подъема, двускатная кровля над поветью дома «брусом» позволяла устранить этот недостаток и при меньшей площади давала возможность делать запас сена на всю зиму. Выигрывало в этом случае и само покрытие — крутое падение его скатов способствовало лучшей сохранности теса.

Отмеченные стороны практической целесообразности обусловили симпатии к «брусу» в начале XX века во всех без исключения районах Карелии.

Дом крестьянина-середняка Сергеева не обладает какими-либо исключительными художественными особенностями. Это типичный образец гражданской архитектуры Карелии начала XX века. Построенный в деревне Логморучей в непосредственной близости от губернского города Петрозаводска, он заметно тронут не свойственной народной архитектуре сухостью.

Несколько навязчиво выглядит правильный ряд тесно прижатых створок декоративных ставень, обрамляющих наряду с наличниками сравнительно большие окна. Дом лишен такого традиционного украшения как гульбище. В его декоративном убранстве наблюдается не столько желание подхватить и развить мотивы прикладного искусства прошлого, сколько попытка не вступать чересчур открыто в спор с вековыми традициями, чуждыми городской культуре.

Здание покоится на валунах, имеет подклет. Стены сарая поддерживаются тремя столбами-подпорами на случай замены нижних венцов хлева. Крыша выполнена по безгвоздевой схеме. Вход расположен с запада; здесь же устроен бревчатый настил взвоза.

Площадь жилых помещений — избы, горницы и боковушки — сравнительно невелика.

Здание обследовано в 1961 году архитектором В. П. Моисеевым, в музей перевезено в 1962 году.

План развития музея-заповедника предусматривает создание комплекса крестьянского хозяйства, характерного для Заозерья. Центральным его экспонатом и станет со временем дом Сергеева. В усадьбу войдут амбар и баня.

В 1979 году сюда была перевезена кузница из деревни Суйсарь; в ее интерьере — выставка, посвященная кузнечному ремеслу.

УСАДЬБА ЗАЖИТОЧНОГО КРЕСТЬЯНИНА (ПРЯЖИНСКИЙ РАЙОН, ЛИВВИКИ). ДОМ ИЗ ДЕРЕВНИ КЛЕЩЕЙЛА

У восточного побережья острова, там, где он узкой косой вытянулся на восток, стоит еще один дом, окруженный постройками хозяйственного назначения.

Хорошо найденные пропорции здания, широкий размах двускатной кровли, надежно защищающей сруб от снегов и дождей, праздничное узорочье обращенного к солнцу главного фасада — все это буквально завораживает при встрече с этим памятником деревянного зодчества. Перед нами дом крестьянина Яковлева, построенный плотницкой артелью в 80—90-е годы прошлого столетия в карельской деревне Клещейла.

Однорядная связь, то есть планировка, при которой изба, сени и хозяйственная часть расположены по одной оси и образуют продолговатый прямоугольник, позволяет без труда отнести строение к типу домов «брусом».

Дом Яковлева по-своему уникален. Это пока единственный в заповеднике представитель карельского народного жилища.

Очень хорош западный фасад дома, привлечший свободной компоновкой окон, своеобразием их оформления и сочной резьбой балкона, выведенного на фронтоне. Нижняя часть фасада лишена и намек на унылый схематизм. Окна заметно отличаются по размерам: на первом этаже они не просто меньше, но и пропорционально выдержаны иначе, приближаясь к квадрату. Окна верхнего этажа более изящны. Заметно оживляет фасад композиция из четырех окошек, тяготеющих к северной стене. Ломая привычный ритм, она сообщает всему зданию оттенок асимметричности, свободы в прорисовке деталей, характерной для народного зодчества вообще и карельской архитектуры в частности. Нечетное число фасадовых окон каждого этажа — один из отличительных признаков карельского дома.

Красивы наделенные национальным своеобразием наличники. Их верхняя часть, называемая очельем (от слова «чело»), выполнена в виде наклоненных друг к другу волют с легким прогибом. Между волютами — украшение из набивных перекрещивающихся планок, выносящих на себе крошечную стилизованную елочку. Внизу, обращенная округлым краем к земле, укреплена сливная доска наличника. Сделана она изобретательно, в соответствии с требованиями красоты. Контур доски осложнен по бокам и в нижней части остроугольными вырезами, а ее плоскость обогащена тремя миниатюрными розетками с элементами несквозной орнаментации. Сливная доска связана с остальными деталями промежуточной рейкой, насыщенной волнообразно расположенными, круглыми, глубокими прорезками и отделанной по краям бахромой капельниц. Убранство наличников дома Яковлева — прекрасный образец карельского национального прикладного искусства.

Черты национального декора в полной мере воплотились и в облике балкона. Тщательно разделаны сверкающие

отточенностью многочисленных граней столбы. Богато орнаментированный ряд составляют тесно сплоченные балясины самобытного рисунка. Обращают на себя внимание рассыпанные по нижнему краю причелин и балкона одинарные розетки, постоянно присутствующие в украшении домов карельских деревень. Причелины порезаны своеобразным узором типа городок, образованным сочетанием прямых ступенчатых выступов.

Отмечая несомненные художественные достоинства декоративного убранства дома, остается добавить, что резьба балкона, причелин, полотенца и наличников выполнена плотником Иваном Анисимовичем Анисимовым (1865—1939 гг.). И как не согласиться с тем, что, помимо золотых рук, этот мастер обладал и тонким вкусом, и глубоким знанием традиций национального зодчества.

Декоративное убранство, наряд избы и других памятников народного зодчества находился в прямой зависимости от инструмента, имевшегося в руках мастера. Поэтому в раннюю пору, когда даже выделка обычной доски была сопряжена с операцией расклинивания бревна и получения из него путем трудоемкого стесывания одной-единственной доски, такая доска — будь то причелина или полотенец — сама по себе, без дополнительной орнаментации, становилась драгоценным украшением. Совершенствование технологии привело сначала к распространению контурной порезки, позже — выемчатой и, наконец, уже в XIX веке — пропиленной, выполняемой с помощью специальной пилы. Пропиленная порезка, как правило, присутствует в отделке полотенец и концов причелин, контурная и выемчатая — при обработке самих причелин. Выемчатая резьба сохраняется на потоках безвоздушных кровель.

К южному фасаду примыкает крыльцо под двускатной крышей, к северному — крутой взвоз.

Конструктивно дом следует давним традициям северной гражданской архитектуры. Фундамент сложен из валунов, поддерживающих углы срубов; промежутки между валу-

нами закрыты каменным заполнением. При возведении сруба использована сосна, на «курицы» шли молодые, с корнем вырубленные ели.

Пол в крестьянских избах, как почти повсеместно на Севере, приподнят подклетом.

Жилое помещение дома Яковлева состоит из двух этажей, нижний использовался преимущественно зимой. Поэтажная планировка одинакова — обычное сочетание избы и горницы. Лестница из сеней ведет к летней избе и на поветь. Отсюда можно попасть в зимнее жилое помещение и на скотный двор.

Интерьер карельских изб Пряжинского района КАССР в целом близок внутреннему убранству жилищ русских крестьян: здесь наглядно проведен все тот же конструктивный принцип, о котором уже рассказано на примере домов Ошевнева и Елизарова.

Стены дома сложены из стесанных бревен; углы скруглены. Потолок поддерживается мощными матицами. Вдоль стен устроены лавки на ножках с характерной для карельских изб треугольной порезкой; выше укреплены надлавошницы. От печного столба к стенам тянутся воронцы.

По русскому обычаю печь установлена здесь на деревянном опечье. Без такого рубленого основания не обходится ни одна русская печь. К специфически национальным особенностям нужно отнести ориентацию устья печи не в сторону главного фасада, как это делается в Заонежье, а в сторону боковой стены, в данном случае — южной. Традиция эта сохраняется до последнего времени и уходит корнями в далекое прошлое, когда в курных карельских избах дым удалялся наружу исключительно через входную дверь.

Прием установки печи в карельской избе на деревянном подпечье — прием русский, по достоинству оцененный карелами и давно вошедший в практику их строительства. Подпечье чаще всего сооружалось из стесанных, так называемых окантованных бревен, соединенных между собой рубкой «в лапу».

В противоположном от входа углу, именуемом карелами «большим», навешен киот. Под ним на лавках было принято ставить самовары — один из признаков достатка хозяев.

Отличительной чертой убранства крестьянской избы является скупое представленная здесь подвижная мебель. У среднего окна — стол, конструкция которого не лишена интереса. Столешница, сделанная из цельной березовой доски, укреплена на глухом подстолье, которое по обычаю карел-ливвиков украшалось резьбой и росписью.

Карелы нередко устраивали в своих избах стационарный ткацкий стан, стойки которого врубались в воронец. Был такой стан и в доме Яковлева, о чем свидетельствуют оставшиеся на воронце врубки.

В экспозиции избы заслуживают внимания изделия из бересты — кужонки и туеса, изящные подставки-подкотельники, лукошки из луба.

Местом хранения посуды из дерева и глины служили открытые посудники; они размещены на стене рядом с дверью.

Подлинным своеобразием наделены карельские прялки, узкие, видом своим напоминающие весло, лопасти которых украшались, как правило, контурной или трехгранно-выемчатой резьбой. Одна из особенностей прялок карел-ливвиков — глухое отверстие в шейке прялки, служившее гнездом для закрепления кончика веретена при наматывании ниток.

Еще в первой половине XIX века в карельских деревнях широко бытовал древний музыкальный инструмент — кантеле. Его изготавливали из цельного куска ели или сосны, в отдельных случаях дека делалась съемной. Струнами инструмента служили тонкие жилки. Под аккомпанемент кантеле исполнялись старинные эпические песни карельского народа, руны, составившие всемирно известный эпос «Калевала». Выдающимися певцами рун были А. И. Перттунен (1769—1841 гг.), его сын М. А. Перттунен (1815—1899 гг.), О. С. Малинен

(1781—1856 гг.), М. Карьялайнен (1768—1839 гг.) и другие мастера устного слова.

Полон национальной самобытности мир карельской вышивки; широкое распространение в карельских деревнях получило ткачество. Убранство избы заметно оживляет насыщенный цвет кумачовых полотенец.

Небезынтересен облик горницы. Здесь по обычаю устраивались печки-лежанки; полы устилались полосатыми половиками. В горницу ставили закрытые шкафы для хранения дорогой праздничной посуды.

Карелы неизменно поддерживали в жилье чистоту, даже в курных избах, где печь топилась по-черному. На эту характерную особенность указывали многие исследователи и путешественники. Эта черта бытового уклада нашла поэтическое отражение в народном эпосе «Калевала», где приводятся такие наставления невесте, готовящейся войти в дом мужа: ¹

Ты смети крылом прилежно,
Вытри тряпочкой с водою.
Чтобы пыль не разошлася,
К потолку б не поднялася!
С потолка смети ты сажу,
Печку также ты почисти
И почисти столб у печки,
Также о шестке подумай,
На жилье чтоб дом похож был,
Чтоб сочли его жилищем¹.

Отличительной особенностью хозяйственной части домов карелов-ливвиков является единый для сарая и двора сруб. Сарай расположен на втором этаже хозяйственной части.

Орудия труда, представленные в экспозиции сарая, наглядно говорят о роде занятий карельского крестьянина. Здесь собраны сохи с узкими сошниками, бороны-суковатки, мотыги, косы, серпы, ручные каменные жер-

¹ Калевала. Петрозаводск, 1956, с. 150

нова. Представлены также охотничьи капканы, рыболовные сети и плотницкие инструменты

На первом и втором этажах дома устроены кладовые. В них сохраняли часть зерна и молочных продуктов.

Дом первоначально обследовал в 1950 году архитектор Б. В. Гнедовский. После перевозки в музей в 1966 году памятник отреставрирован под наблюдением техника-архитектора В. А. Крохина.

В 1973 году возле дома Яковлева были поставлены амбары из деревень Коккойла и Пелдожи и рига из деревни Ламбисельга. Годом позже на берегу озера была возведена банька «по-черному». Все постройки проникнуты национальным своеобразием; они составляют в музее комплекс однодворной деревни южных карел-ливвиков, проживающих в Олонецком и частично в Пряжинском районах Карельской АССР.

АМБАР ИЗ ДЕРЕВНИ КОККОЙЛА

Амбар, построенный в 1892 году в карельской деревушке Коккойла,— интереснейший в своем роде. Чисто утилитарное назначение здания не помешало придать ему черты подлинной, проникнутой национальным своеобразием выразительности.

Постройка представляет собой квадратный, сложенный «в обло» сруб под покатой двускатной кровлей. Любовно выполненной отделкой отличается фасад, отмеченный вынесенными далеко вперед скатами крыши. Под навесом фронтона устроена галерея, на которую с нижней площадки предместья ведет короткая и крутая лесенка. Лицевая часть декорирована столбиками-колоннами, украшенными легкой порезкой, причелинами строгой геометрической орнаментации типа «городок» и полотенцем.

Внутреннее помещение амбара разделено на два этажа: внизу в тесовых сусеках хранили зерно, верх использовали в качестве кладовой для имущества.

Амбары различались по назначению. Одни служили местом хранения промысловой добычи и снастей, другие — для сбережения продуктов и орудий земледелия. Первые чаще ставились у воды, вторые — поближе к дому.

Число амбаров определялось достатком семьи и доходило иногда до трех-четырех. На дверях некоторых амбаров сохранились замки кузнечной работы, выполненные с большим мастерством.

Обследование амбара в деревне Коккойла проведено в 1950 году архитектором Б. В. Гнедовским. В 1961 году после перевозки памятника в музей произведен ремонт — укреплена кровля и восстановлены утраченные детали.

АМБАР ИЗ ДЕРЕВНИ ПЕЛДОЖИ

Невелик, но привлекателен своим обликом амбар, привезенный в музей из старинной карельской деревни Пелдожи. Выразительность его главного фасада основана на выгодном соотношении небольшой, низко посаженной двери и внушительности крепких, хорошо подогнанных венцов.

При возведении амбара нашел применение оригинальный способ сооружения крыши: потоки, в которых закреплены нижние концы теса, положены не на курицы, как это обычно делается в безгвоздевых кровлях, а на кронштейны, образованные выпусками торцовых бревен. Это позволило не только значительно упростить конструкцию, но и заметно оживить силуэт сооружения.

Тесовое покрытие крыши настлано по сплошному бревенчатому накату; такой прием характерен для наиболее древних карельских построек.

Сложился обычай ставить амбары неподалеку от жилища, с целью присмотра и удобства пользования.

В 1952 году амбар обследован членами экспедиции Московского архитектурного института в составе Н. Комарова, Н. Мордвинцевой, В. Орфинского, В. Розина и Ю. Шаталова; в музей перевезен в 1960 году.

ПО ДОРОГАМ ОСТРОВА-МУЗЕЯ

МНОГОДВОРНАЯ ДЕРЕВНЯ ЯМКА (ОЛЬХИНО)

На восточном побережье острова, к северу от усадьбы крестьянина Яковлева, воссоздается типичная деревня Заонежья второй половины XIX— начала XX века. Проектом предусматривается соблюдение характерной для окрестных мест прибрежнорядовой планировки с одним порядком изб, обращенных лицевыми фасадами на озеро.

Главное достоинство деревни не столько в ценности составляющих его отдельных построек, сколько в восстановлении ее облика как единого архитектурного целого, с полным комплексом жилых и хозяйственных построек, а также вспомогательных сооружений.

Экспозиция разворачивается на том месте, где с давних пор существовала деревня, именовавшаяся в старых документах Ольхино. Нынешнее наименование — Ямка — связывается с характерным расположением деревни в низине, с трех сторон окаймленной пологими холмами, а с четвертой омываемой озером.

Как показало обследование деревни, проведенное в 1969 году, она объединяла ранее свыше 10 неоднородных крестьянских домов с прилегающими к ним подсобными постройками. Часть зданий не сохранилась до наших дней, а оставшиеся были искажены многочисленными переделками.

Генеральный план развития музея предусматривает реставрацию сохранившихся в деревне Ямка сооружений

с восполнением утраченных памятников путем перенесения из близлежащих деревень традиционных крестьянских построек. Планом намечено использование архитектурных объектов в качестве жилого фонда сотрудников музея. Поэтому интерьеры домов не ориентированы на музейный показ, а максимально приспособляются к нуждам современных жилых помещений (стены изнутри обшиваются древесно-волокнутой плитой, оклеиваются обоями, проводится электричество и т. д.).

Сегодняшняя экспозиция, а она еще не полностью готова, привлекает разнообразием памятников гражданской архитектуры, главным образом крестьянских домов.

У самого края деревни, почти у околицы, поставлен дом крестьянина Левичева, перевезенный сюда из деревни Усть-Яндома. Это типичная для рубежа XIX—XX веков жилая постройка Заонежья — одноэтажная и небольшая по площади. По планировке она принадлежит к типу домов «брусом» и сходна с рассмотренными выше домами Яковлева и Сергеева на южной оконечности острова.

Жилая часть дома Левичева представляет собой пятистенок с поперечным перерубом на подклете; здесь расположены изба и горница. Время сооружения памятника — 1929 год.

Как и при перевозке в музей всякого памятника, дом был тщательно реставрирован. Заменены сгнившие бревна сруба, реконструирована крыша (ныне она сделана «по курицам и потокам» взамен стропильной, также имевшей два ската). Заново выполнено по типовым образцам декоративное убранство — порезка потоков, столбов взвоза в виде «дынек», причелин и полотенца. Поздний характер резьбы соответствует времени сооружения дома.

Рядом с домом Левичева, на месте несохранившейся избы, поставлено здание, перевезенное в музей из деревни Маньшино. Это дом крестьянина Пономарева.

Постройка, подобная домам Ошевнева и Елизарова,

принадлежит к типу «кошель». Жилая часть — одноэтажная, на высоком подклете, состоит из двух срубов, разделенных между собой сенями. Хозяйственная часть двухэтажная.

Точная дата постройки дома Пономарева неизвестна, однако установлено, что сооружался он не одновременно. Ранее других, во второй половине XIX века, срублена курная изба, ориентированная ныне на юго-восток. Окончательный облик дома сложился на рубеже XIX—XX веков. Об этом говорят, в частности, конструктивные особенности крыши и традиционное решение интерьера с преобладанием встроенной неподвижной обстановки.

Реставрация здания велась по проекту архитектора А. В. Ополовникова. Она коснулась восстановления гульбища и балкона светелки, крыльца, укрепления сруба и воссоздания по сохранившимся фрагментам декоративного убранства — причелин и волютных наличников.

В отличие от знакомых уже домов деревни дом А. В. Мошниковой — настоящий старожил Ямки. По свидетельству местных жителей, он был построен здесь в начале XX века. До нашего времени памятник дошел в плохом состоянии — очень обветшал сруб, совсем не сохранился двор.

По архитектурно-планировочным признакам хозяйственные и жилые помещения объединены по одной линии — дом близок типу постройки «брус». Жилая часть, пятистенок, имеет два этажа без подклета и главным фасадом ориентирована на озеро; хозяйственная — сарай — несколько сдвинута к северу по оси относительно жилья, что сообщает зданию усложненный план.

Как общий планировочный принцип, так и отмеченная его особенность делают дом А. В. Мошниковой характерным для своего времени, когда при возведении новых зданий не всегда учитывался опыт народной архитектуры и нередко нарушались сложившиеся традиции.

Реставрация памятника коснулась как реконструкции отдельных частей — фундамента, крыши, сооружения светелки и балкона на северном фронте, так и восстановления декора. Резко изменился облик постройки после замены четырехскатной крыши двускатной, в соответствии с характерным устройством крыш заонежских изб конца XIX века. Резное убранство выполнено с учетом образцов, типичных для второй половины XIX века.

Из деревни Усть-Ядома привезен в деревню Ямка дом Пертякова. Это постройка типа «брус» с двухэтажной жилой частью — пятистенком, сооруженным без подклета. Внизу расположена изба, горница и комната-боковушка. Планировка второго этажа идентична.

Время сооружения здания — 1905 год. Поэтому видна определенная закономерность в отступлениях от строительных традиций прошлого. Важнейшие из них — устройство четырехскатной крыши, а также обшивка сруба избы и сеней тесом. «Новшества» грубо нарушили выразительность здания: крыша приобрела вид унылого колпака, а обшивка скрыла от глаз подкупающую логичностью конструкцию сруба, его суровую бревенчатую фактуру.

В искаженном виде дом Пертякова утратил сходство с типичными крестьянскими домами Заонежья XIX века. Поскольку в заповеднике он поставлен на месте несохранившегося дома XIX века, было принято решение провести его реконструкцию. По проекту архитектора А. В. Ополовникова крыша выполнена на два ската, восстановлена вся дворовая часть, снята обшивка, заново сделан взвоз. Резное убранство исполнено с ориентацией на характерные для конца XIX века образцы.

Основные реставрационные работы по объекту завершены в 1970 году. В музей он перевезен годом раньше. В обновленном виде постройка активно участвует в воссоздании облика заповедной заонежской деревни.

Ближе к северной околице расположен дом Никоно-

вой из деревни Липовицы. Его легко отличить по своеобразной ориентации — главный фасад обращен не на озеро, как у большинства памятников, а на север. Строение вытянулось вдоль улицы и поставлено несколько в глубине.

Дом невелик, это миниатюрная жилая постройка «брусом». Изба сложена без подклета. Хозяйственная часть сделана двухэтажной и примыкает к жилью сзади. Крыша традиционного устройства — «по курицам и потокам».

При реставрации памятника заменено покрытие крыши, восстановлено крыльцо на столбах, поставлены новые бревна сруба взамен пришедших в ветхость. Причелины и полотенце выполнены по принципу аналогии.

У северного конца деревни генеральным планом развития музея предусматривается поставить «двужирную» избу — на месте прежней, не сохранившейся и напоминавшей о своем существовании лишь остатками фундамента. Нужная постройка была обнаружена в деревне Вигово Великогубского сельсовета; ею оказался дом Вичурина, построенный в начале XX века.

По планировочным признакам дом Вичурина напоминает «брус», но имеет от него некоторые отступления: сруб хозяйственной части значительно шире по сравнению с избой. Поэтому в плане здание «Г»-образной формы.

Значительно снижали достоинства дома обшивка тесом и четырехскатная крыша. При реставрации дома на территории заповедника отмеченные недостатки устранены; крыша построена «по курицам и потокам», сруб освобожден от обшивки. Помимо этого, восстановлен взвоз, заново сделаны наличники, причелины и полотенце.

Дом завершает формирование северной оконечности деревни. Главный его фасад обращен в сторону основных построек, а боковой — на озеро. Работы по рекон-

струкции памятника выполнены в 1971—1972 годах по проекту архитектора А. В. Ополовникова.

В числе последних «новоселов» заповедной деревни отметим дома Ананьевых и Березкиных (оба из деревни Красная Сельга) и ветряную мельницу из деревни Вороний Остров.

Дома — главные, но не единственные строения, создающие панораму деревни. Северное село, подступившее к кромке воды, непременно включает многочисленные амбары, в том числе рыбные, бани и мостовища. Одна из подкупающих особенностей прибрежной планировки — в ее органической связи с пейзажем. И дома, и все подсобные строения как бы следуют очертанию берега, выстраиваясь нарядным полукольцом по сторонам залива. В облике прибрежных деревень определяющая, ведущая роль принадлежит ландшафту. Подобно тому, как на опушке леса всегда можно встретить молодые, низкорослые деревца, первый «порядок» такой деревни образуют разбросанные по кромке воды «кубики» бань — они и правда кажутся игрушечными по сравнению с тяжелыми объемами северных изб. Бани, мостовища с причаленными смолеными лодками делают бережок живописным и привлекательным. Он — одно из слагаемых в облике приозерного селения.

Важная роль в пространственной организации деревни принадлежит косой изгороди — она прихотливо огибает срубы, карабкается на пригорки и холмы, порою подступая к воде. Косая изгородь, подобно сети, крепко «держит» и отчетливо выявляет всю планировочную структуру деревни. Перед фасадами домов изгородь расступается, образуя улицу — протяженную лужайку, поросшую сочной травой. От дома к дому протоптаны дорожки — настоящие лесные тропинки, деловито расходящиеся в разные стороны: к соседней деревеньке, к пристани, к магазину.

Одним из интересных памятников является также

поставленный близ деревни поклонный крест из села Хашезеро. В двух резных розетках креста сохранились надписи «1812 г.» и «Победа», свидетельствующие о живом отклике жителей Карелии на события Отечественной войны 1812 года. Это дает основание расценивать данный экспонат и как художественный, и как ценный исторический памятник.

В деревне Ямка, кроме архитектурных памятников, будет сохранено все — и темная до синевы зелень леса близлежащих островов, и чистота озерной глади, и первоизданная тишина, нарушаемая в знойный полдень лишь стрекотанием кузнечиков.

ПУДОЖСКАЯ МАЛОДВОРНАЯ ДЕРЕВНЯ

Севернее деревни Ямка, на сглаженном участке хребта, проходящего через весь остров, размещается пудожский сектор. В настоящее время он еще не сформирован окончательно, но тем не менее его экспозиция может дать достаточно полное представление о пудожской деревне.

Выделение культуры Пудожья в особый архитектурно-этнографический комплекс связано с тем, что Пудожский регион на протяжении многовековой истории Карелии всегда составлял самостоятельную административно-территориальную единицу. В рамках этого района, где коренное население было русское, сложилась самобытная культура, запечатленная и в архитектуре, и в фольклоре, и в прикладном искусстве. Имея тесное общение с Заонежьем и Каргопольем, пудожане испытывали влияние культуры своих соседей, черты которой можно проследить хотя бы на примере двух домов из Пудожского района.

Дом крестьянина из деревни Пяльма даже внешним видом (расположение окон, декоративное убранство) напоминает дома заонежских крестьян. А вот дом крестьянина из деревни Пялозеро ближе к домам Каргополь-

ского и Плесецкого районов Архангельской области. Связь с Каргопольем больше прослеживается в интерьерах домов: в конструктивных особенностях избы и в предметах быта. Так, в пудожских домах имеются расписные шкафы-перегородки, разделяющие избу; в быту широко использовались резные, расписные прялки каргопольского типа (особенно в восточной части Пудожского района); в вышивке — шов «набором», распространенный в Каргопольском районе.

Старинные деревни Пудожского края имели замкнутую или полузамкнутую структуру. Хозяйственные постройки располагались обычно за линией домов. Довольно часто встречалась и «рядовая» планировка уличной застройки с ориентацией главных фасадов домов на восток, на дорогу и одновременно на воду. При создании Пудожского сектора архитекторы избрали именно такую систему застройки, позволяющую, при учете конкретного места и ландшафта, наиболее убедительно показать особенности Пудожской малодворной деревни. В настоящее время в нее входят три жилых дома и три амбара. В ближайшее время сюда будут перевезены часовня, рига, водяная мельница и баня.

Экспозиция пудожской деревни начинается с дома крестьянина-середняка из деревни Пяльмозеро, построенного в середине XIX века. Он представляет тип домов с открытой двурядной связью, в других районах Карелии не встречающихся. В подобных домах срубы жилья и двора-сарая ставятся параллельно под самостоятельными двускатными крышами.

В двадцати метрах от него располагается дом крестьянина-середняка из деревни Пяльма (конец XIX века). Как мы отмечали, в планировке дома, его декоре сказалось влияние заонежской архитектуры, которая широко представлена в музее.

К северу от этого дома располагается главным фасадом к дороге, дом крестьянина-середняка, перевезенный

из деревни Кубовская (начало XIX века). Тип дома — «брус» с уширенным сараем. Характерной особенностью его является то, что рядом поставлена небольшая четырехстенная изба — «заднюха», служившая первоначально для приготовления пойла скоту, а в дальнейшем, с увеличением семьи, — жильем. На примере этого дома предполагается показать своеобразие быта середняцкой семьи, особенности ее многоотраслевого хозяйства.

Подсечное земледелие будет представлено орудиями труда: сохами, боронами, косами-горбушами и т. д. В «заднюхе», как и в былые времена, разместятся предметы ухода за скотом.

Значительное место в интерьере дома займут орудия обработки льна. Пудожский лен (под названием «карелка»), обладавший особым качеством, заслужил в свое время похвальные отзывы на Лондонской и Парижской всемирных выставках.

Пудожский край, богатый лесами, издавна славился своими охотниками. Охотились с ружьями, капканами, рогатиной. Все эти орудия охоты найдут место в экспозиции.

Промыслы Пудожского уезда отличались разнообразием, были широко распространены, продукция их пользовалась немалым спросом. Изделия искусных столяров, сапожников, резчиков по дереву, художников, вышивальщиц посетители увидят и в интерьере дома, и на специально организованных выставках.

ЧАСОВНЯ СПАСА НЕРУКОТВОРНОГО ИЗ ДЕРЕВНИ ВИГОВО

На самой высокой части острова, именуемой Нарьиной горой, где когда-то стояла не сохранившаяся до наших дней Духовская часовня, возвышается ныне часовня Спаса Нерукотворного. Место это овеяно преданиями и легендами. В памяти народной хранится их

немало. Рассказывается, например, что когда-то, в давние времена, именно здесь, на Нарьиной горе, собирались возводить Преображенскую церковь.

Силуэт часовни Спаса Нерукотворного виден с самых отдаленных точек острова. Прекрасно найденные пропорции отдельных элементов, легкость, динамичная устремленность ввысь придают памятнику праздничный настрой, которому невольно подчиняется всякий, кто его наблюдает. Отличительная особенность сооружения — цельность, достигнутая спаянностью основных масс, их гармонией.

Рубленая клеть основного объема часовни как бы выносит на скатах кровли живописный, с развитым повалом, восьмерик колокольни.

Воротники звонницы (непременная деталь шатровых колоколен), отличаясь размахом плоскостей, не нарушают общего пирамидального силуэта; они смягчают его суровую строгость, подчеркивая пластику линий.

Крутая по очертаниям луковичная главка, посаженная на небольшой барабанчик, высоко поднимает вертикаль креста, логически завершая западную часть сооружения.

Вертикальная доминанта памятника увеличивается за счет сравнительно небольшого угла в соединении скатов кровли шатра и вторящей звоннице вертикали креста, венчающего маковку, укрепленную на гребне основной кровли.

Удачно найдено и решение крыльца, плотно прилегающего к южной стене часовни; узкое и высокое, оно по своим пропорциям соответствует главному срубу. Декоративное убранство, выполненное с чувством меры, делает памятник гармоничным и выразительным.

В интерьере часовни сохранилась живопись «неба», образованного шестнадцатью сегментами с изображениями праотцов, сгруппированных вокруг центральной

композиции — новозаветной троицы. В углах потолочной росписи расположены треугольные иконы с символическими фигурами евангелистов.

Памятник обследован в деревне Вигово в 1968 году автором проекта реставрации архитектором А. В. Ополонниковым. В 1968—1970 годах, уже на острове Кижи, часовне возвращены утраченные некогда детали, шатер, крыльцо, главки; заменены пришедшие в негодность элементы срубов и кровли.

МАЛОДВОРНАЯ ДЕРЕВНЯ ВАСИЛЬЕВО

К западу от Нарьиной горы, где возвышается часовня, вдоль берега раскинулась деревня Васильево. Среди старых, почерневших от времени домов отсвечивают белизной срубов новые дома. Деревня восстанавливается. Из разных мест Заонежья свозятся сюда интересные памятники архитектуры, чтобы с наибольшей полнотой и достоверностью воспроизвести облик издавна существовавшей на Кижском острове деревни.

Среди немногих пока памятников гражданской архитектуры значительное место по художественным достоинствам и исторической значимости занимает дом из деревни Мунозеро, принадлежавший в XIX веке зажиточному крестьянину Сергину. Дом построен в 80—90 годы прошлого столетия плотницкой артелью.

По компоновке отдельных объемов он относится к некогда широко распространенному в Заонежье типу домов «кошель». Под скатами крыши собраны здесь по вековой северной традиции жилая изба и сарай, хозяйственный двор и хлевы.

Строение имеет два этажа и мезонин; основные его фасады ориентированы на южную и западную стороны.

Оба этажа использовались для жилья, а в летнее время жили и в расположенных наверху светелках.

Отточенностью и совершенством отличается декоративное убранство дома: причелины сплошь покрыты многоярусной выемчатой резьбой, от шеломов свисают изящные полотенца, окна оправлены ладными наличниками, изобретательно, с большим вкусом оформлены балконы. По своей выразительности здание ничем, пожалуй, не уступает «классическим» памятникам гражданской архитектуры музея-заповедника — домам Елизарова и Ошевнева.

А вот «биография» этого дома, несмотря на относительно молодость, интереснее. Помимо несомненной художественной ценности, памятник заслуживает внимания и как здание историческое. В его стенах работала первая в Мунозере сельская школа, а в период Великой Отечественной войны и временной оккупации Карелии здесь располагался партизанский штаб.

Памятник был впервые обследован техником-архитектором Д. Г. Сафоновой. Детальное изучение дома проведено экспедицией Министерства культуры КАССР в составе В. П. Орфинского, В. Ф. Хеглунд и Б. П. Бойцова. В 1971—1976 годах Карельской специальной научно-реставрационной мастерской дом был перевезен в музей и реставрирован. В восстановлении его принимали участие бойцы студенческого строительного отряда «Кижы» — студенты химического факультета Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова.

Заслуженным вниманием посетителей пользуется развернутая в доме Сергина постоянная выставка народного прикладного искусства Карелии, в которой представлены резьба и роспись по дереву, вышивка, одежда, образцы ткачества, изделия из дерева, бересты и меди. В мезонине создана экспозиция «Партизанская светелка».

Дом Сергина стал одним из ведущих объектов нового комплекса малодворной деревни Васильево. В него

уже входят два амбара (из деревень Великая Нива и Пегрема), дом Сергеевых (из деревни Липовицы) и дом крестьянина-бедняка из деревни Верхняя Путка.

Неизменное внимание посетителей привлекает другой уникальный памятник архитектуры — часовня Успения, что расположена в юго-западной части деревни. Возведенная здесь почти три века назад, она являет собой пример того, сколь разнообразен был арсенал архитектурных форм, как мучительно трудно шел поиск заветной красоты и гармонии. Построенная по старинной «корабельной» схеме: сени — трапезная — собственно часовня, она представляет собой сочетание двух основных масс: восточной клетки и западного притвора. Приземистые, внушительных размеров сени увенчаны небольшой колоколенкой, которая вместе с главкой над восточным срубом обозначает культовую принадлежность сооружения.

Сейчас, когда срубы часовни спрятаны под обшивкой, колокольня выглядит наиболее ярким, нарядным элементом. Зубчатые очертания полиц, узорная вязь балясин, гонтовый воротничок под луковкой, венчающей шатер, создают определенный контраст с общим тяжеловесным обликом сооружения.

С востока, чуть возвышаясь над трапезной, поднялся сруб часовни. Меньший по ширине, с небольшим павлом, покрытый более покатой кровлей, он делает памятник выразительнее.

А главка, поднявшаяся над коньком кровли, завершает общую композицию, уравнивая вертикаль, образованную колокольней.

Характерной особенностью часовен подобного типа, стоящих вне окружения деревьев, является сравнительно небольшая высота колокольни, значительных размеров и высоты главка, водруженная над восточным срубом. Примером могут служить часовни в деревнях Волкостров и Селецкое, часовня из деревни Леликозеро. Крыльцо

у них обычно небольших размеров, зачастую оно покоится прямо на земле.

Часовня Успенья стоит в ряду подобных сооружений, по-своему выражая эволюцию конструктивных и художественных форм.

Интерьер часовни прост и выразителен: здесь сохранились скромная художественная резьба по дереву и расписное «небо». Оно состоит из 16 тяблин, украшенных своеобразным растительным узором, между которыми, в соответствии с канонической схемой, расположены иконы.

В настоящее время образный строй памятника выявлен не полностью. В свое время его облик претерпел существенные изменения: срубы были обиты тесом, а главки и барабан — жостью. В 1953 году, еще до создания музея-заповедника, проведена частичная реставрация: отремонтирована кровля, возобновлено покрытие лемехом. На очереди — окончательное возвращение памятнику первоначального вида, характерного для рубежа XVII—XVIII веков.

ЧАСОВНЯ ТРЕХ СВЯТИТЕЛЕЙ ИЗ ДЕРЕВНИ КАВГОРА

Высоко взметнув шатер колокольни, далеко видимая окрест, величественно и гордо стоит часовня Трех Святителей. Мощные плоскости ее бревенчатых стен, подчеркнутая высотность, асимметричная композиция фасадов, необычная планировка — таковы основные особенности этого памятника. Строгий, резко очерченный силуэт часовни напоминает сторожевую башню. Видимо, такой смысл и был заложен в ее первоначальную композицию, когда на рубеже XVII—XVIII веков возводилась в порубежной деревне Кавгора.

Часовня была возведена на возвышенном месте, к которому сходились три деревенские улицы. Плани-

ровка деревни, асимметричность площади, на которой среди вековых елей была возведена часовня — все это обусловило своеобразие ее композиционного решения.

Время, влияние церковных канонов наложили отпечаток на облик сооружения: в конце XVIII—начале XIX века к старому срубу, увенчанному колокольней, с востока был пристроен второй, к которому и перешли функции собственно часовни.

Над стенами сруба нависают острые концы теса двускатной слеговой крыши. Суровую неприступность этих стен не в силах смягчить ни оконца, ни скупые причелины и полотенца, свисающие с конька восточного фасада. Строгой выразительностью наделен восьмиконечный крест, пронзающий толщу шелома.

Облик памятника в какой-то мере смягчен нарядным и не лишенным подлинного своеобразия одномаршевым крыльцом. Органически сочетаясь с висячей галереей на консолях, напоминающей гульбище заонежских изб, оно построено с удивительной изобретательностью. Наделенное ощутимой внутренней динамикой крыльцо, кажется, идет навстречу каждому, кто забрел на северную оконечность острова. Достигается это вынесенной далеко вперед легкой площадкой, оформленной по углам орнаментированными столбиками, поддерживающими непринужденно уходящую наверх кровлю. Перила лестницы, собранные из продольно пущенных тесовых полотнищ, отличаются цельностью и накрепко связывают выносную площадку — рундук — с основным объемом здания.

Свойственное часовне внутреннее убранство не сохранилось. Материалы, необходимые для реставрации памятника, были собраны в 1951—1952 годах архитектором А. В. Ополовниковым. По его же проекту часовня восстановлена на острове Кижы в 1962—1963 годах.

До 1977 года часовня экспонировалась на южной оконечности острова. В связи с формированием нового музейного комплекса — многодворной деревни, воссоздающей облик селений Кондопожского района, памятник перенесен на северную часть территории музея. В недалеком будущем здесь будет создана экспозиция, повествующая о жизни, бытовом укладе и материальной культуре одной из народностей Карелии — карел-людигов.

КИЖСКОЕ ОЖЕРЕЛЬЕ

ДЕРЕВНЯ ГАРНИЦЫ — РОДИНА СКАЗИТЕЛЯ ТРОФИМА ГРИГОРЬЕВИЧА РЯБИНИНА

Неподалеку от острова Киж, на пути к селу Сенная Губа, что на большом Клименецком острове, расположена деревенька Гарницы. Не памятники архитектуры прославили ее. Здесь родился выдающийся хранитель произведений устного народного творчества Трофим Григорьевич Рябинин (1791—1885 гг.).

Рано потеряв родителей, Трофим Рябинин уже в детские годы зарабатывал на хлеб починкой рыболовных сетей. В поисках работы юноша обошел все Заонежье, где в ту пору широко бытовали былины, исторические песни, духовные стихи и другие сложенные русским народом поэтические произведения. Странствия свели его с крупнейшим знатоком народной словесности — Ильей Елустафьевым. В общении с ним, а также с Игнатием Андреевым и Василием Сарафановым, Иваном Кокойкиным и Федором Трепаловым и сложился постепенно несравненный фольклорный репертуар Трофима Григорьевича.

С 1815 года и до конца своих дней Т. Г. Рябинин прожил в деревне Середка (в двух километрах от Кижей). Отсюда более сорока раз ходил с земляками-заонежанами на рыбный промысел в Ладожское озеро. Наслышанные о сказительском даровании Рябини́на, рыбаки наперебой звали его на свои суда. «Если бы к нам пошел,

мы бы на тебя работали, лишь бы нам сказывал, а мы тебя все бы слушали»,— говорили они.

В 50-е годы прошлого столетия Трофим Григорьевич славился в Заонежье как лучший знаток и исполнитель эпических произведений. Его поэтический дар, исключительный по объему и художественным достоинствам репертуар привели в восхищение ученых-фольклористов П. Н. Рыбникова и А. Ф. Гильфердинга. Павел Николаевич Рыбников, открывший имя кижского сказителя русской науке, так описывает свою первую встречу с Рябининым: «...через порог избы переступил старик среднего роста, крепкого сложения, с небольшой седою бородою... В его суровом взгляде, осанке, поклоне, поступи, во всей его наружности с первого взгляда были заметны спокойная сила и сдержанность... После обычного обряда знакомства я рассказал Рябину про свою любовь к старинным песням и стал убедительно просить его спеть о каком-нибудь богатыре... Или Рябина убедили мои доводы, или ему самому захотелось развернуть свое умение перед внимательным и сведущим слушателем, только он тут же стал сказывать о Хотене Блудовиче... Напев былины был довольно однообразен; голос Рябина, по милости его шести с половиной десятков лет, не очень звонок, но удивительное умение сказывать придавало особенное значение каждому стиху... И где Рябинин научился такой мастерской дикции: каждый предмет у него выступал в настоящем свете, каждое слово имело свое значение»¹.

Т. Г. Рябинин неподражаемо исполнял былины «Добрыня и змей», «Илья и Калин-царь», «Вольга и Микула», «Садко». Центральное место в его творчестве занимали былины героические, преимущественно киевского цикла. Сказитель с обостренным вниманием относился к разработке тем, навеянных борьбой русских богатырей со степными

¹ Песни, собранные П. Н. Рыбниковым. Изд. 2-е, Т. I, М., 1909, с. XXVI.

кочевниками, защитой русской земли от вражеских набегов. «Особенно тщательно,— подчеркивают исследователи,— обрисовывал Рябинин образы Ильи, Добрыни и их близких, противопоставляемые князю Владимиру с Апраксией, Алеше Поповичу, боярам...»¹

По инициативе Русского географического общества зимой 1871/72 года Т. Г. Рябинин неоднократно выступал с пением былин перед общественностью Петербурга.

В конце 1871 года сказитель был приглашен на заседание Отделения этнографии географического общества. В зале среди профессоров и преподавателей Петербургского университета, видных ученых, литераторов и журналистов присутствовали В. В. Стасов, М. П. Мусоргский, А. Ф. Гильфердинг. Собравшиеся услышали былины «О Вольге Святославиче», «О ссоре князя Владимира с богатырем Ильей Муромцем». Во втором отделении по просьбе В. В. Стасова были исполнены былины «О Добрыне и Маринке», «О муже, бежавшем от жены в Москву». По окончании вечера слушатели приветствовали Рябинина громом рукоплесканий и возгласами одобрения. Отделение этнографии наградило Трофима Григорьевича серебряной медалью и выдало ему денежное вознаграждение.

В тот памятный вечер Модест Петрович Мусоргский сделал запись знаменитого «рябининского напева» и позже обратился к нему в работе над оперой «Борис Годунов».

В декабре того же года поясной графический портрет Т. Г. Рябинина выполнил И. Е. Репин, работавший в то время над картиной «Славянские композиторы». В облике народного певца художник подчеркнул интеллект, ясность мысли и глубину чувств.

¹ В. И. Чичеров. Сказители Онего-Каргопольщины и их былины. В кн.: Онежские былины, М., 1948

Желая сохранить для потомков облик человека, «которому мы обязаны многими из наиболее замечательных былин русских», редакция журнала «Русская старина» обратилась к фотографу Н. Ф. Доссу с просьбой сделать фотопортрет Т. Г. Рябинина. Позже превосходный гравированный портрет сказителя исполнил академик Л. А. Серяков.

Среди мастеров русского устного поэтического слова Трофим Григорьевич Рябинин занимает исключительное место. Это непревзойденный знаток и исполнитель русских былин. Вся его биография кровными узами связана с Заонежьем: в его характере, наклонностях, вкусах и нравственном облике нашли выражение лучшие черты северного крестьянина — трудолюбие, высокое чувство собственного достоинства, внимание к традициям древнерусской эпической поэзии, высокая личная ответственность за ее сохранение.

Т. Г. Рябинин умер в глубокой старости и был похоронен на кладбище Спасского Кижского погоста. В память о крупнейшем хранителе устной народной поэзии на ограде Кижского ансамбля установлена мемориальная доска.

Со смертью Т. Г. Рябинина семейная эпическая традиция не прервалась: ее преемником стал один из сыновей сказителя — Иван Трофимович.

ЧАСОВНЯ ЗНАМЕНИЯ БОГОРОДИЦЫ В ДЕРЕВНЕ КОРБА

К югу от острова Кижы, ближе к Сенной Губе, в еловой роще расположилась часовня Знамения богородицы. Каждый, кто проплывает на теплоходе мимо деревни Корба, видит, как то обозначится ее островерхий шатер, то спрячется за высокими елями. И только на какое-то время часовня «выходит» из укрытия,

предстает во всей своей красе — и снова скрывается за деревьями.

При ближайшем рассмотрении можно заметить, что часовня построена по известным канонам: в корабельной композиции следуют друг за другом сени, трапезная, клеть собственно часовни. И тем не менее этот памятник, как любое истинное творение народного зодчества, обладает ярко выраженной индивидуальностью. В сочетании двух масс — горизонтальной (часовня и трапезная) и вертикальной (колокольня) первенство принадлежит последней. Своей выразительностью колокольня обязана не столько высотности, хотя и это само по себе немало-важное свойство, сколько убедительной логике сменяющихся объемов, их пропорциям и согласованности между собою.

Основанием колокольни, а вместе с тем и сенями, служит устойчивая, рубленая «в обло» клеть, близкая в плане к квадрату. Выше, прекрасно видимый отовсюду, покоится живописный, богатый переливами светотени восьмерик звонницы. Именно он выступает в роли основного композиционного ядра памятника. Ладно сложенный восьмерик с легкостью держит звонницу колокольни. О незаурядной чуткости в выборе выразительных средств убедительно говорит и отточенный до совершенства силуэт пирамидального шатра, завершенного главкой.

Декоративное убранство колокольни сосредоточено в подзорах, пущенных по верхней грани четверика и свисающих кружевом из-под верхнего воротника. Балясины на площадке звонницы отсутствуют; проемы между резными столбиками защиты тесовыми полотнами.

Восточная стена четверика сеней скрыта горизонтальным объемом здания — помещением трапезной и самой часовни. Внушительная и монументальная, эта часть выразительно контрастирует с упрямой вертикалью организующего

объема. Стены здесь по обычаю сложены из бревен способом «в обло», а крыша сделана «по курицам и потокам». На восточной оконечности конька кровли поставлена на широкий барабан внушительная глава луковичной формы.

Крошечное крыльцо, подводящее к входной двери, не несет сколько-нибудь значительной композиционной нагрузки; оно приковывает внимание своей непринужденно раскинутой на изящных столбах асимметричной крышей.

Интерьер часовни частично сохранил былое убранство. Уцелели некоторые иконы двухъярусного иконостаса и восьмичастное «небо», принадлежащие кисти заонежских мастеров XVIII—XIX веков.

В облике неба организующая роль принадлежит балкам каркаса, тяблам. Благодаря им композиция отличается четкой центричностью и уравновешенностью всех частей, составляющих единый расписной свод. Тябла украшены растительным орнаментом.

В характере росписей тябл проявляется не столько желание художника следовать правдивости изображения, сколько неотступная потребность творить мир новой художественной реальности. В этом сказалась черта, свойственная всему народному декоративно-прикладному искусству Заонежья, искусству глубоко самобытному, лишенному ориентации на подчеркнуто натуралистическое изображение окружающего мира.

Часовня разделила участь большинства памятников деревянной архитектуры, пережив в XIX веке горькую пору наивных поновлений.

Реставрация памятника проведена в 1962 году по проекту архитектора А. В. Ополовникова: заменены подгнившие венцы срубов, стены высвобождены из-под обшивки, жесь, покрывавшая главки, уступила место лемеху.

ДЕРЕВНЯ СЕРЕДКА — РОДИНА СКАЗИТЕЛЯ ИВАНА ТРОФИМОВИЧА РЯБИНИНА

Эта деревня, как и Гарницы, расположена на Большом Клименецком острове. Здесь родился и провел годы молодости второй представитель рябининской эпической традиции — Иван Трофимович Рябинин (1844—1908 гг.).

До 1878 года И. Т. Рябинин жил в деревне Середка в доме отца; после женитьбы переселился в деревню Гарницы Сенногубского погоста.

Широкую известность И. Т. Рябинину принесли многочисленные выступления с пением былин в России и за рубежом.

Первая поездка сказителя для ознакомления соотечественников с памятниками древнерусской словесности состоялась в январе 1893 года. В Петербурге слушателями заонежского певца были члены Русского географического общества, преподаватели и студенты университета и средних учебных заведений.

И. Е. Репин, присутствовавший на одном из выступлений сказителя, запечатлел И. Т. Рябинина в момент пения былины.

Годом позже с исполнительским мастерством Рябинина-младшего познакомились и москвичи. «...Его задушевный, несколько сдавленный, но мягкий и высокий тенорок раздавался в зале, сразу очаровывая слушателей оригинальностью и красотой напева, — писал в те дни один из современников, — Некрасивые, неподвижные черты его исхудалого лица приобретали новое выражение — необыкновенной важности, почти суровости... По окончании каждой былины восторгам и аплодисментам не было конца, но Рябинин относился к ним, наружно по крайней мере, довольно равнодушно»¹.

¹ Е в г. Ляцкй. Сказитель Иван Трофимович Рябинин и его былины. М., 1895, с. 13.

Живой отклик общественности на состоявшиеся выступления нашел отражение в печати. О крестьянине из Кижей писали «Живая старина», «Странник», «Русская мысль», «Русское обозрение» и другие журналы.

«В самом исполнении,— отмечал журнал «Русское обозрение»,— Иван Трофимович, несмотря на вполне естественную необработанность, очень музыкален. Он замечательно верно держит раз взятый ритм и тон, и как длинна ни была исполняемая вещь, он не погрешит ни против того, ни против другого. Первую половину каждой былины Иван Трофимович поет, вторую же — «сказывает»... Язык Рябинина очень правильный, чисто русский»¹.

В том же 1894 году композитор А. С. Аренский записал напевы былин И. Т. Рябинина и впоследствии создал на их основе фортепианный концерт «Фантазии на темы былин Рябинина».

По решению Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии, Иван Трофимович Рябинин «как лучший сказитель нашего времени» был удостоен бронзовой медали для ношения на груди.

Круг фольклорных произведений И. Т. Рябинина был несколько меньше репертуара отца и ограничивался семнадцатью сюжетами, однако и этот материал позволял и позволяет видеть в лице Ивана Трофимовича одного из лучших хранителей русской эпической поэзии конца XIX — начала XX веков.

Узнав о значительном фольклорном репертуаре и мастерской манере исполнения Ивана Трофимовича, Л. Н. Толстой заметил, что «такой певец, как Рябинин, смело может быть назван феноменом не только для России, но для всей Европы»².

¹ Н. Н. И. Т. Рябинин и его былины. Русское обозрение, 1894, март, с. 417

² Олонекские губернские ведомости, Петрозаводск, 1894, № 96, с. 5.

Слова писателя стали пророческими. В 1902 году, после успешных выступлений в Петербурге, Киеве и Одессе, И. Т. Рябинин отправился за границу. Неизменный успех сопровождал его в Константинополе и Филипполе, в Софии и Нише, Белграде и Вене, Праге и Варшаве. В Софии в аудиториях, где пел сказитель, собиралось до семисот человек, в Нише — до тысячи, «огромное количество слушателей» привлек он в Варшаве. Из Варшавы И. Т. Рябинин направился в Петербург, а оттуда, миновав Петрозаводск, в Гарницы.

Иван Трофимович умер в деревне Гарницы и был похоронен на старом кладбище села Сенная Губа.

После Ивана Трофимовича семейную эпическую традицию поддержал сначала его пасынок — Иван Герасимович Рябинин-Андреев, а затем, уже в четвертом поколении, сын Ивана Герасимовича, Петр Иванович.

В родной деревне И. Т. Рябинина давно уже нет дома, в котором он родился и жил. И все же само место, где прошли его детство и юность, где была унаследована от отца тяга к устному поэтическому творчеству, где родилось, чтобы озарить всю жизнь, уважение к лучшим творениям минувших столетий, место это, без сомнения, заслуживает внимания и почитания.

...О том, как мог выглядеть дом Рябининых, напоминает ныне прекрасный образец народного зодчества Заонежья — дом крестьянина Елизарова, перевезенный в Кижь отсюда, из деревни Середка.

ЧАСОВНЯ КИРИКА И УЛИТЫ В ДЕРЕВНЕ ВОРОБЬИ

К юго-востоку от острова Кижь, на Большом Клименецком острове, недалеко от берега, среди елей стоит часовня Кирика и Улиты.

Проста и непритязательна эта часовня. Объемнопро-

странственное решение ее построено на своеобразном диалоге двух клетей — восточной и западной. Срубы как бы варьируют друг друга. Отличаясь по высоте, длине и ширине, они удивительно схожи, что сообщает всему зданию отчетливо выраженное стилистическое единообразие. Согласованность основных клетей подчеркивается и идентично расположенными окошками, и единым мотивом увенчивающих скаты кровель шеломов.

Подклет здания, высотой в несколько венцов, повлек за собой устройство узкого, поднятого над землей крылечка; в его конструкции нет ни привычной обрешетки перил, ни резных столбов. Лишенному отделки крыльцу вторит звонница колокольни: ее перила не имеют балясин, а образованы лишь легкой обвязкой.

Своеобразны силуэты главок часовни: очертания маковицы, приникшей к самому шелому восточной клетки, оттенены поставленной на стройный барабанчик луковкой колокольни.

В аскетическом облике воробьевской часовни особенно велика роль немногочисленных декоративных элементов: скупой порезки потоков, столбиков звонницы, выглядывающих из-под скатов кровли куриц.

Внутреннее убранство часовни не сохранилось.

Конструктивные приемы, имевшие место при возведении памятника, еще раз подтверждают пристрастие народных мастеров к устоявшимся веками строительным приемам: клетки срубов, сложенные по способу «в обло», поставлены на фундамент из известняка; курицы и потоки крыши роднят здание с большинством сооружений XVII—XVIII веков; барабан и главки, как водится, покрыты лемехом.

Анализ архитектурно-конструктивных особенностей памятника позволяет говорить о одновременности сооружения отдельных его частей. Наиболее старая клеть, обращенная на восток, была построена в конце XVIII века; западный придел с колокольней сооружен уже в начале XIX века.

Первичное обследование памятника проведено архитекторами А. Н. Буйновым и И. К. Рыбченко в 1945 году. В 1961 году разработан, а в 1963 году осуществлен проект реставрации, принадлежавший А. В. Ополовникову. Согласно проекту, удалены следы позднейших поновлений, восстановлено декоративное убранство: причелины, лемеховое покрытие.

ЧАСОВНЯ ПЕТРА И ПАВЛА В ДЕРЕВНЕ ВОЛКОСТРОВ

Севернее Кижского острова, за островками-отрогами, раскинулась деревня Волкостров. Тут находится одна из наиболее древних и интересных культовых построек «кижского ожерелья» — часовня Петра и Павла. Она — несомненный архитектурный центр деревни, организующий все близлежащее пространство. Выбор места предопределил и сам характер сооружения — относительную высотность и нарядность убранства.

Великолепен силуэт часовни, когда на фоне светлого неба он вырисовывается своими отчетливыми гранями: пластикой лемеховых главок, прорезью балясин гульбища, заостренными зубцами тесин, далеко свисающими над срубом...

Трудно охватить все разом, трудно собрать воедино все составляющие этого уникального архитектурного произведения. Но, вглядываясь в облик часовни, постигая его образный язык, мы приходим к несомненному выводу: перед нами новое оригинальное творение, выполненное по высоким законам красоты.

Казалось бы, все это уже было, те же каноны: восточный сруб, увенчанный главкой, возвышается над трапезной; над западной частью трапезной — колокольня, с южной стороны к трапезной прилегает дощатое крытое крыльцо.

Но... новые детали, оригинальное сочетание уже известных форм, логика пространственного сопряжения

с окружающими постройками и природой — все это определило иной архитектурный облик, который невозможно повторить в каком-либо другом месте.

Богатое убранство часовни: изящные наличники, резные столбы, подзоры, причелины, балясины, красный тес — создает тот мажорный настрой, который в большей степени свойствен памятникам гражданской архитектуры.

Облик часовни складывался постепенно: в XVII веке была возведена восточная клеть, сени и колокольня пристроены в следующем столетии. Несмотря на разновременность сооружения, мастера сохранили стилистическое единство, создав произведение, в котором воплотились многие характерные черты русского деревяного зодчества XVII—XVIII веков.

В интерьере часовни сохранились лишь некоторые иконы местного письма, составлявшие когда-то целостную композицию иконостаса. Они датируются XVIII веком.

Предварительное обследование часовни проводилось в 1945 году архитекторами А. Н. Буйновым и И. К. Рыбченко. Памятник отреставрирован в 1953 году. Согласно проекту, разработанному архитектором А. В. Ополовниковым, удалена позднейшая обшивка стен, восстановлено утраченное декоративное убранство: балясины, столбы галерей, лемех глав.

ЧАСОВНЯ ПАРАСКЕВЫ ПЯТНИЦЫ И ВАРЛААМА ХУТЫНСКОГО В ДЕРЕВНЕ ПОДЪЕЛЬНИКИ

Напротив Волкострова, на материке, вдоль берега расположена деревня Подъельники. Там, за деревней, на опушке леса, среди вековых елей, схоронилась от людского глаза небольшая, неповторимая по своей гармонии с природой часовня.

Трудно представить, что перед нами творение человеческих рук. Кажется, что стоит эта часовня вечно и выросла она вместе с елями, так заботливо распростершими над нею игольчатые лапы.

Двухсрубная часовня в виде прямоугольника вытянулась с запада на восток. Над трапезной возвышается шестигранник легкой звонницы, с южной стороны прикрывает закрытое тесовое крылечко.

Один из секретов обаяния часовни — в соразмерности ее высоты человеческому росту, и лишь шатер колокольни поднимается ввысь, как бы стремясь раздвинуть ветви обступивших его елей.

Незначительная высота срубов скрадывается здесь долгополыми скатами кровли, опирающимися на низко свисающий поток.

В Подъельниках как нигде можно тщательно рассмотреть и понять всю простоту и мудрость конструкции безвоздушной крыши, устроенной по «курицам и потокам».

Кровля объединяет основное помещение с трапезной и плотно облегает рубленный «в шип» шестигранник звонницы. Декор колокольни очень строг и скромнен. Он продиктован окружающей природой и находится с нею в полном согласии.

Вход в часовню оформлен крытым крыльцом, подчеркивающим общий камерный настрой сооружения. Двускатная крыша крыльца выстлана красным тесом, главный фасад выделен причелинами глухой и контурной порезки и хрупким прорезным полотенцем.

Современный облик часовни сложился не сразу: в конце XIX века вплотную к восточной, старшей по возрасту, клетки был поставлен сруб, послуживший основанием для колокольни. Тогда же пристроено и дощатое крылечко.

Первое обследование памятника осуществлено в 1946 году архитекторами А. Н. Буйновым и О. М. Шу-

ровой, а в 1963 году, когда по проекту архитектора А. В. Ополовникова были проведены реставрационные работы, часовня вновь обрела первоначальный облик.

ДЕРЕВНЯ БОЯРЩИНА — РОДИНА СКАЗИТЕЛЯ ВАСИЛИЯ ПЕТРОВИЧА ЩЕГОЛЕНКА

Боярщина... Живая старина живет в названии деревни, расположенной на материке против Кижского острова — так именовали в новгородское время обширные боярские владения. Неумолимое время не сохранило здесь ни боярских теремов, ни имен «людей именитых».

Прославил свою деревню Василий Петрович Щеголенок (1805—1894 гг.). Родившись здесь в семье крестьянина, он с ранних лет зарабатывал, как мог, на хлеб, а со временем овладел сапожным ремеслом. Да так освоил его, что получил известность во всей кижской округе.

Выросший в семье, высоко почитавшей поэзию и предания старины, незаурядными знатоками которых были его дед и дядя, Щеголенок, хотя и остался неграмотным, еще в юности перенял от них искусство пения былин.

В 1860 году, к моменту встречи с собирателем П. Н. Рыбниковым, сказитель обладал уже сложившимся былинным репертуаром: он знал 14 былин, что составляло свыше 3000 стихов. Точно выдерживая размер, он с присущими ему раскованностью и темпераментом исполнял былины «Вольга и Микула», «Святогор», «Дунай», «Добрыня и змей», «Дюк», «Ставр» и другие.

Талант В. П. Щеголенка, певца-импровизатора, высоко оценил ученый-фольклорист А. Ф. Гильфердинг. По его начинанию, осенью 1871 года Василий Петрович был приглашен в Петербург, где с успехом выступил с пением былин в кругах научной общественности.

Весной и летом 1873 года Щеголенок познакомил с бытовавшими в Заонежье произведениями устной словесности москвичей. Шесть лет спустя «олонецкий рапсод» снова побывал в Москве, где благодаря профессору Е. В. Барсову встретился с Л. Н. Толстым. В июне того же года он по приглашению писателя приехал в Ясную Поляну и прожил там до августа. Более двадцати сказаний и легенд, ряд пословиц, поговорок, отдельных слов и выражений, слышанных от Щеголенка, было собственноручно записано Львом Николаевичем. Известно, что они привлекли его образностью народной речи. В писательском дневнике запестрели названия заонежских селений: Усть-Яндома, Кижы, Толвуя...

Легенды Василия Петровича Щеголенка послужили канвой для рассказов Толстого «Чем люди живы», «Два старика», «Три старца», «Корней Васильев», «Молитва» и «Старик в церкви».

Осенью 1879 года Щеголенок снова с успехом «сказывал старины» в Петербурге. Напевы былин записали с его голоса М. А. Балакирев, А. П. Бородин, Ц. А. Кюи, Г. О. Дютш. Н. А. Римский-Корсаков, познакомившись с исполнительским мастерством Т. Г. Рябинина, И. Т. Рябинина и В. П. Щеголенка во время их выступлений в Петербурге, ввел в оперу «Садко» фрагмент, навеянный «условно-уставным былинным сказом или распевом».

В 1870-е годы Илья Ефимович Репин создал портрет В. П. Щеголенка.

По свидетельству фольклориста Ф. Истомина, последние годы сказителя прошли в безысходной нужде. В 1886 году Русское географическое общество «в знак признательности за сообщение ...богатого эпического материала» назначило В. П. Щеголенку пособие — 12 рублей в год.

Имя талантливого заонежского сказителя, много способствовавшего широкому ознакомлению общест-

венности с сокровищницей древнерусского поэтического творчества, заслуживает глубокого уважения и немеркнувшей памяти. Поэтому сама деревня Боярщина, где он родился и жил, может расцениваться как одно из примечательных памятных мест окрестностей острова Кижи. Нелишне напомнить, что здесь, в Боярщине, гостями неграмотного кижского крестьянина были фольклористы П. Рыбников и А. Гильфердинг, профессора О. Миллер и Е. Барсов, собиратель памятников народной словесности Ф. Истомин.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Осмотр экспозиции кижского музея-заповедника оставляет неизгладимое впечатление. Есть памятники, которые вызывают неодолимое желание вернуться вновь, и каждый раз при внимательном осмотре они открывают перед нами какую-то новую черточку своего художественного облика. Мы замечаем вдруг выполненную из цельного куска дерева и замысловато изогнутую дверную ручку или обращаем внимание на ступеньку, вырубленную из небольшой колоды, или нас вдруг неожиданно поразит удачно найденный ракурс, позволяющий яснее осознать композицию сооружения.

Постепенно становится привычной такая сложная поначалу плотницкая терминология — причелины, полотенца, подклет, курицы и потоки.

После знакомства с экспозицией неизбежно происходит обострение зрения — находишь и острее чувствуешь красоту не только в музее, но и за его пределами. Разумеется, постижение законов красоты требует определенного труда и встречной работы мысли. И не беда, если что-то пока остается непонятным. Мир народной деревянной архитектуры — мир особенный, а подчас и нелегкий для проникновения в него человека сегодняшнего дня. Однако все трудности окупятся и навсегда станет близкой богатая истинными сокровищами область народного искусства — деревянное зодчество.

Одно из лучших свойств человеческой души — потребность в прекрасном — рождается не сразу. В стремлении к нему люди проходят тысячи километров, ближе узнают свою Родину, историю и искусство других стран. И наступает время, когда появляется острое желание глубже познакомиться с виденными уже памятниками. Приехав на Кижский остров повторно, вы увидите не только уже знакомые вам памятники. Музей непрерывно расширяется и совершенствуется. По генеральному плану его развития предусматривается собрать здесь до восьмидесяти памятников архитектуры. Они расположатся на всей территории острова, а некоторые и в его окрестностях.

Музей станет не только интереснее, но и гостеприимнее. В некотором отдалении, на материке, будут возведены гостиницы, построены выставочные залы, туристические базы. Здесь будут все условия для активного отдыха, способного удовлетворить самые широкие потребности гармонически развитого советского человека.

АРХИТЕКТУРНЫЕ ТЕРМИНЫ

Алтарь, алтарный прируб	обращенная на восток часть церковного здания, отделенная от основного помещения иконостасом
Бочка	— вид кровли, имеющей килевидное, заостренное в верхней части, сечение.
Брус	— распространенный тип крестьянского дома, в котором хозяйственные помещения группируются по одной оси с жилыми; в плане имеет вид прямоугольника.
Венец	— бревна, образующие путем скрепления в углах замкнутый ряд в горизонтальной плоскости.
Взвоз	— наклонный настил, ведущий к воротам сарая.
Воронец	— брус, связывающий печной столб со стенами избы.
Восьмерик	— сруб, имеющий восемь стен-граней.
Глаголь	— тип крестьянского дома, в котором хозяйственные помещения поставлены под прямым углом к жилой части; в плане имеет вид буквы «Г».
Гульбище	— висячая галерея, опоясывающая с трех сторон избы и, реже, культовые постройки.
Дымник	— фигурно обработанное навершие дымницы.
Дымница	— дощатая труба для вывода дыма из курной избы.

Епанча	— поясок лемеха между церковной главой и барабаном.
Капли, капельницы	— украшения на причелинах и наличниках в виде небольших усеченных конусов.
Киот	— полка или особого рода навесной шкаф для икон.
Клеть	— простейший сруб, состоящий из четырех стен.
Консоли	— кронштейны, поддерживающие определенные части здания.
Косячатое окно	— окно, коробка которого образована брусами-косяками.
Кошель	— тип заонежского крестьянского дома, в котором хозяйственные помещения примыкают к жилым сзади; в плане близок к квадрату.
Красный тес	— верхний ряд кровельного теса, концы которого обработаны в виде усеченных пик.
Курица	— деталь безгвоздевой кровли; жердь с закорюченной на конце.
Лемех	— деревянная черепица, чаще осиновая, для покрытия криволинейных кровель.
Матица	— несущая балка потолка.
Обло, в обло	— вид соединения бревен в углах, при котором образующиеся выпуски выходят за пределы стен
Опушка	узорная доска, укрепляемая по краю скамьи
Охлупень	массивное, выдолбленное снизу бревно, служащее для закрепления теса обоих скатов безгвоздевой кровли.
Печной столб	— брус, устанавливаемый вертикально близ печи и служащий для укрепления воронцов.
Плаха	— бревно, расколотое по длине на две части.
Повал	— постепенное расширение сруба.
Подзор	— узорная доска, применяемая с конструктивными и декоративными целями
Подклет	— нижняя часть основного объема строения.

Полица	— нижняя пологая часть крыши.
Полотенце	— резная деталь фронтона, закрывающая торцы слег и стык причелин.
Поток	— деталь безгвоздевой кровли, необходимая для закрепления нижних концов кровельного теса; имеет вид желоба.
Прируб	— дополнительный сруб, непосредственно связанный с основным помещением.
Причелина	— резная доска, закрывающая торцы слег.
Рундук	— верхняя площадка крыльца.
Самцы	— бревна, составляющие плоскости фронтонов.
Слеги	— горизонтальные жерди или бревна, служащие основанием крыши.
Трапезная	— закрытая галерея, или клеть, непосредственно примыкающая к церковному помещению.
Тябло	— карниз иконостаса; пологая балка потолка-неба.
Фронтон	— треугольное поле под скатами крыши.
Чаша, в чашу	— см. обло.
Четверик	— клеть, прямоугольный сруб, имеющий четыре стены.
Шип, в шип (в лапу)	— способ соединения бревен в срубе, при котором по углам не делается выпусков (в отличие от способа «в обло»).
Шатер, шатровое покрытие	— вид кровли, имеющий ярко выраженный пирамидальный силуэт.
Шелом	— см. охлупень.

ОСНОВНАЯ БИБЛИОГРАФИЯ

Барте́нев И. А., Фе́доров Б. Н. Архитектурные памятники Русского Севера. Л., 1967.

Га́бе Р. М. Карельское деревянное зодчество. М., 1941.

Государственный историко-архитектурный и этнографический музей-заповедник «Кижы». Каталог. Петрозаводск, 1973.

Граба́рь И. Э. О русской архитектуре. Исследования. Охрана памятников. М., 1969.

За́белло С. Я., Ива́нов В. Н., Макси́мов П. Н. Русское деревянное зодчество. М., 1942.

Ильи́н М. А. Деревянное зодчество первой половины XVIII века. В кн.: «История русского искусства», т. 5, М., 1960.

Кижы. Остров сокровищ. Петрозаводск, 1965.

Кижы. Древняя живопись Карелии. Петрозаводск, 1979.

Кижское восстание. 1769—1771. Документы. Петрозаводск, 1977.

Кра́совский М. Курс истории русской архитектуры. Ч. I. Деревянное зодчество. Пг., 1916.

Крестьянское искусство СССР. Искусство Севера. Заонежье. Л., 1927.

Ма́ковецкий И. В. Памятники народного зодчества Русского Севера. М., 1955.

Ма́ковецкий И. В. Архитектура русского народного жилища. М., 1962.

Ма́ксимов П. Н., Воро́нин Н. Н. Деревянное зодчество XIII—XVI веков. В кн.: «История русского искусства», т. 3, М., 1955.

Материалы Свода памятников истории и культуры РСФСР. (Памятники культуры) Карельская АССР, М., 1977.

Ополовни́ков А. В. Памятники деревянного зодчества Карело-Финской ССР. М., 1955.

Ополовни́ков А. В. Кижы. М., 1970.

Ополовни́ков А. В. Русский Север. М., 1977.

Орфи́нский В. П. Деревянное зодчество Карелии. Л., 1972.

Орфи́нский В. Логика красоты. Архитектурные новеллы. Петрозаводск, 1978.

Сми́рнова Э. С. По берегам Онежского озера. Л., 1969.

СОДЕРЖАНИЕ

От авторов	5
Родина мастеров	8
УНИКАЛЬНЫЙ АНСАМБЛЬ	30
Преображенская церковь	30
Покровская церковь	45
Колокольня	51
Ограда Кижского погоста	54
Сколько ракурсов — столько фасадов	55
ВОКРУГ КИЖСКОГО ПОГОСТА	58
Церковь Воскрешения Лазаря	58
Часовня архангела Михаила из деревни Леликозеро	61
Усадьба зажиточного крестьянина из деревни Ошевнево	63
Амбар из деревни Южный Двор	70
Амбар из деревни Липовицы	71
Баня из деревни Мижостров	72
Мельница ветряная из деревни Волкостров	73
Усадьба крестьянина-средняка из деревни Середка	74
Рига из деревни Березовая Сельга	82
Мельница водяная из деревни Березовая Сельга	83
Дом крестьянина-бедняка из деревни Волкостров	84
Дом крестьянина-средняка из деревни Логморучей	85
Усадьба зажиточного крестьянина (Пряжинский район, ливвики)	87
Дом из деревни Клещейла	87
Амбар из деревни Коккойла	93
Амбар из деревни Пелдожи	94
ПО ДОРОГАМ ОСТРОВА-МУЗЕЯ	96
Многодворная деревня Ямка (Ольхино)	96
Пудожская малодворная деревня	102

Часовня Спаса Нерукотворного из деревни Вигово	104
Малодворная деревня Васильево	106
Часовня Трех Святителей из деревни Кавгора	109
КИЖСКОЕ ОЖЕРЕЛЬЕ	112
Деревня Гарницы — родина сказителя Трофима Григорьевича Рябинина	112
Часовня Знамения Богородицы в деревне Корба	115
Деревня Середка — родина сказителя Ивана Трофимовича Рябинина	118
Часовня Кирика и Улиты в деревне Воробы	120
Часовня Петра и Павла в деревне Волкостров	122
Часовня Параскевы Пятницы и Варлаама Хутынского в деревне Подъельники	123
Деревня Боярщина — родина сказителя Василия Петровича Шеголенка	125
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	128
Архитектурные термины	130
Основная библиография	133

Игорь Петрович Тюриков, Александр Иванович Фролов

КИЖИ

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ СПУТНИК ПО ИСТОРИКО-
АРХИТЕКТУРНОМУ И ЭТНОГРАФИЧЕСКОМУ
МУЗЕЮ-ЗАПОВЕДНИКУ

Издание 3-е, исправленное и дополненное

Редактор Д И Шехтер
Фотографии М И Федорова
Художник Д Н Москвин

Художественный редактор Л Н Дегтярев
Технический редактор В В Буракова
Корректор Л Ю Минина

ИБ № 1251

Сдано в набор 08.04 83. Подписано в печать 14.10.83. Е-02798 Формат
70 × 108¹/₃₂. Бумага офсетная № 1. Гарнитура литературная Печать
офсетная. Усл печ. л 5,95 + усл печ л вкл 2,1. Усл. кр-отг 8,27.
Уч.-изд. л. 5,75 + уч.-изд л. вкл 2,11. Тираж 50 000. Заказ 1384. Изд № 93
Цена 60 коп

Издательство «Карелия» 185610 Петрозаводск, пл В И Ленина, 1
Республиканская ордена «Знак Почета» типография им. Анохина Государствен-
ного комитета Карельской АССР по делам издательств, полиграфии
и книжной торговли 185630 Петрозаводск, ул. «Правды», 4.

И. П. ТЮРИКОВ, А. И. ФРОЛОВ

КИЖИ

В книге рассказывается об истории возникновения в Заонежье замечательных памятников деревянного зодчества, о художественных традициях, сложившихся в этом крае, о том, как создавался Кижский историко-архитектурный музей-заповедник под открытым небом.

Читатель найдет здесь основные сведения о памятниках, включенных в экспозицию музея, и узнает о перспективах его развития.

60 коп.

КИЖИ

И. П. Тюриков, А. И. Фролов

